РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЯ
И ВНЕШНИЙ МИР:
ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сборник статей

Москва
1997

042(02)1

Редакционная коллегия:

д.и.н. Ю.С.Борисов (*отв.редактор*),
к.и.н. А.В.Голубев, *к.и.н.* В.А.Невежин

Научно-вспомогательная работа:

М.М.Кудюкина

Работа подготовлена в Центре по изучению
отечественной культуры ИРИ РАН

ISBN 5-201-14749-6

©Институт российской
истории РАН, 1997 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема взаимодействия и взаимовосприятия культур, находящаяся на стыке истории, культурологии, социальной психологии, особенно применительно к последним двум векам российской истории, в отечественной историографии исследована слабо. Почти нет монографий, тем более обобщающих научных трудов. Лишь в последние годы появились работы, посвященные механизмам формирования и функционирования внешнеполитических представлений и стереотипов[1], в том числе на материале российской истории[2]. Отрадно, что эта проблематика теперь затрагивается и в трудах, посвященных изучению массового сознания российского общества в целом[3].

Многие исследователи с разных сторон подходят к изучению этой проблемы. Созданный в Московском государственном университете Центр по изучению взаимодействия культур организовал три международные конференции «Россия и Запад: диалог культур», материалы которых были изданы[4]. Работает междисциплинарный семинар, посвященный диалогу культур, в Российском государственном гуманитарном университете. Реализуется межотделенческий проект Российской Академии наук, посвященный изучению взаимовосприятия России и Запада в XIX–XX веках. Ученый Совет «Россия-Запад» функционирует в Институте мировой литературы РАН.

В Институте российской истории РАН в декабре 1992 г. по инициативе Центра по изучению отечественной культуры была создана группа по изучению международных культурных связей России. Проблема взаимовосприятия культур заняла одно из главных мест в ее работе.

В январе 1994 г. был проведен первый «круглый стол», посвященный теме «Россия и Европа в XIX–XX вв.: проблемы восприятия иной культуры»[5]. На основе представленных докладов был издан коллективный научный труд «Россия и Европа в XIX–XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур» (М.,1996), в котором анализировались следующие основные проблемы – взаимовосприятие России

и Европы в исторической перспективе, формирование внешнеполитических стереотипов в российском обществе, в том числе под влиянием официальной пропаганды, культурных традиций и механизмов массового сознания, и, наконец, диалектика взаимовосприятия двух весьма отличных друг от друга обществ, рассматриваемая на примере России и Великобритании.

По предложению участников «круглого стола» решено было сделать его заседания ежегодными. И действительно, несмотря на организационные трудности, в 1995 и 1996 гг. были проведены «круглые столы», посвященные той же проблеме, но на сей раз взятой в большем масштабе – «Россия и внешний мир. Проблемы взаимовосприятия культур». Сейчас уже можно смело утверждать, что в результате сложился неформальный, но достаточно стабильный и постоянно расширяющийся творческий коллектив, в который вошли интересующиеся данной проблематикой историки, литературоведы, культурологи.

Доклады участников, представлявших институты РАН, университеты и другие высшие учебные заведения целого ряда городов Российской Федерации, охватывали период с XII по конец XX века, различные регионы мира – Западную Европу, США и Канаду, Латинскую Америку, Ближний Восток, Византию, Китай в их взаимодействии с российской культурой. Всего на двух «круглых столах» было сделано свыше 50 докладов. Лучшие из них послужили основой для настоящих очерков.

В центре внимания исследователей оказались три крупнейшие проблемы – образ России в разных странах мира, образ внешнего мира в российском обществе, механизмы взаимопроникновения и взаимодействия культур. Это и определило структуру сборника. Характерной чертой очерков, вошедших в него, является сочетание общетеоретических, культурологических и конкретно-исторических подходов. Именно такое сочетание, по убеждению редакционной коллегии, является оптимальным для всестороннего изучения столь сложной и многогранной проблемы.

[1] *Высочина Е.* К проблеме диалога культур и роли искусства в этом процессе // Искусство и искусствознание на пути преодоления мифов и стереотипов. М.,1990; *Голубев А.В.* Мифологическое сознание в политической истории XX века // Человек и его время. М.,1991; *Он же.* Мифологизированное сознание и внешний мир // Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Орел,1994; *Егорова Е., Плешаков К.* Бэконовские «призраки» в современном мире // Международная жизнь. 1988. № 8; *Они же.* Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12; *Зак Л.А.* Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М.,1976; *Чугров С.В.* Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 1; *Он же.* Идеологемы и внешнеполитическое сознание // Там же. № 2; *Он же.* Россия и Запад: метаморфозы восприятия. М.,1993; и др.

[2] Взаимодействие культур СССР и США XVIII–XX вв. М.,1987; Восприятие русской литературы за рубежом. XX век. Л.,1990; *Голубев А.В.* Запад глазами советского общества (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. 1996. № 1; *Он же.* Формирование образа внешнего мира в СССР 1930-х годов // Русская история: проблемы менталитета. М.,1994; *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 гг. М.,1982; *Зашихин А.Н.* «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии: Вторая половина XIX – начало XX века. Очерки. Архангельск, 1994; *Лельчук В.С., Пивовар Е.И.* Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6; *Медведев Р.А.* Русские и немцы через 50 лет после мировой войны // Кентавр. 1995. № 1; *Оболенская С.В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. 1991. М.,1991; и др.

[3] *Архипов И.Л.* Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. 1994. № 7; *Буганов А.В.* Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М.,1992; *Голубев А.В.* Мифологизированное сознание как фактор российской модернизации // Мировосприятие и самосознание руского общества (XI–XX вв.) М.,1994; *Зубкова Е.Ю.* Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Отечественная история. 1995. № 3; *Кондакова Н.И.* Духовная жизнь России и Великая Отечественная война 1941-1945 гг. М.,1996; *Сенявская Е.С.* Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3; и др.

[4] Россия и Запад: диалог культур. Тезисы конференции. М., 1994; Россия и Запад: диалог культур. Материалы 2-й международной конференции. М.,1996.

[5] См.: Россия и внешний мир. Заседание «круглого стола» // Отечественная история. 1995. № 3.

I. ОБРАЗ «ИНОГО» В РОССИИ

Малето Е.И.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ВОСТОК В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XII-XV ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ХОЖДЕНИЙ)

В настоящее время в мировой историографии ведущие позиции получило изучение социально-психологических аспектов истории (так называемого менталитета)[1]. Это новый и, главное, личностно окрашенный уровень исследования, позволяющий осуществить новые подходы к историческому материалу и принципы его отбора. В связи с этим представляет несомненный интерес изучение одного из проблемных направлений истории менталитета русского средневекового общества — особенностей мировосприятия стран зарубежного Востока (Византии, Малой Азии, Сирии, Палестины, Египта и Индии) русскими путешественниками XII—XV вв[2].

Обращение к этому вопросу не случайно, так как именно анализ мировосприятия, наряду с анализом общей картины мира, выявлением общего и особенного в разных социальных группах превращается сегодня в один из ключевых моментов исторического познания.

Культурно-исторический фон формирования представлений русских средневековых людей о странах зарубежного Востока достаточно сложен. Особенность в том, что на Руси получила распространение прежде всего легендарная или церковная традиция, основанная на наблюдениях, возникших в ходе посольств, военных походов и путешествий (хождений)[3].

Большинство рассказов о хождениях имеют многоплановое информационное поле. Многослойность этих источников позволяет получить сведения различного характера по истории, экономике, географии, быту и нравам, религии, политической и социальной ориентации разных земель и народов. Таким образом, путевые записки русских средневековых авторов могут рассматриваться как своего рода знаки,

символы, с помощью которых эпоха обнаруживает свои ценностные представления, идеалы, понимание себя и окружающего мира[4].

Важнейшей чертой восприятия человеком средневековья окружающей действительности была религиозность[5], поэтому отношения «я» и «Бог», «Бог» и «я» постоянно присутствуют в понимании, мировоззрении и психологии русских путешественников XII–XV вв. (паломников, купцов, дипломатов). Уже в начале своих путевых записок они торопятся рассказать о святых местах, связанных с жизнью и деятельностью Иисуса Христа, с библейской историей и Священным писанием, пересказывая в ряде случаев местные легенды, вводя в текст повествования апокрифы и т.п. Святая Земля для них – это место событий священной истории, свидетель присутствия Бога на земле, а окружающий мир – мир Библии и святых, мир, ориентированный на власть высших небесных авторитетов. Почти абстрактное понимание мира как явления божественного является отличительной особенностью хождения игумена Даниила (XII в.) Сакральное пространство Иерусалима и Палестины в его описаниях как бы изымается из реальной жизни с ее обычным временем и пространством и противопоставляется ей как всегда пребывающая на земле область вечно сущего (например, описание дуба Мамврийского и т.п.). По пути от Константинополя до Яффы он подробно фиксирует реликвии, места захоронения святых, связанные с текстом Нового завета и апокрифической историей апостолов. Часто цитирует Библию, рассказывая о явлении архангела Михаила Иисусу Навину, о молитве Авраама, о хождении Иисуса Христа по воде и прочих библейских сюжетах. Среди апокрифов, как отмечал М.Н.Сперанский, есть прямые цитаты из Первоевангелия Иакова[6]. В этой связи важно подчеркнуть, что русское религиозное сознание эпохи средневековья отличалось большим стремлением воспринимать христианство через обрядовую жизнь, «овеществлять» веру. Это характерно как для путевых записок игумена Даниила, так и для Афанасия Никитина (XV в.) Через символы Даниил и его последователи – авторы XIII, XIV и XV вв. – воспринимали окружающий мир, природу. Символичным представлялось само

пространство, поэтому истинными духовными центрами считались Царьград и Иерусалим, а паломничество к ним рассматривалось как возможность духовного возвышения.

XIII столетие не привнесло каких-либо значительных изменений в картину мира русских путешественников: она попрежнему была пронизана идеей повсеместного пребывания Бога. «Приидохом в Царьград. Преже поклонихомся святеи Софъи и пресвятаго Гроба Господня», – замечает на рубеже XII–XIII вв. архиепископ новгородский Антоний[7]. Его путевые записки могут рассматриваться как непосредственное продолжение тех традиций осмысления действительности, которые были заложены в хождении игумена Даниила. Царьград для Антония существует лишь как носитель святыни, хранитель священных реликвий прошлого, как сакральный центр, где чудеса, мистические видения воспринимаются как норма. Убеждает в этом сообщение Антония о чуде 21 мая 6708 (1200 г.), свидетелем которого он стал в храме св.Софии: «Тажь кандила со крестом Духом святым вознесошася горь выше великаго креста, паки снидоста низу тихо, и не угасла. То же чюдо по заутрени перед почятием литургий... Се же чюдо свято и честно явилъ Богъ в лето 6708-е, при моемъ животу, мьсяца майя, на память святого царя Константина и матери его Елены в 21, в день недельный, при царстве Алексееве и при патриарсъ Иваннъ...»[8]. Значительное место в хождении занимают легенды: о создании св.Софии Константинопольской, о иконописце Лазаре, написавшем в алтаре этого храма Пресвятую Богородицу с младенцем и двумя ангелами, о иконе Спаса с недописанным мизинцем, о св.Зотике – знатном вельможе, променявшем почести мира на служение больным и сиротам и др. Чувство значительности увиденного в Царьграде не покидало Антония. Ощущая себя ничтожной частицей, но все же участником мировой истории, он рассматривает Русь и Византию как часть одного и того же «религиозно-культурного континиума», а себя воспринимает как бы и русским и византийцем одновременно, т.к. он христианин[9].

Святые и их жизнь на земле остаются центральным объектом описания и в хождениях XIV столетия, занимая важное место в сознании русских путешественников. Так, Аноним-

ный автор в конце XIII – начале XIV столетия записывает: «И войдя в Царьград поити ко Святеи Софеи; пришед к ней поити во Святую Софею в притвор полуденными дверьми»[10]. А в сороковые и восьмидесятые годы XIV в. то же самое отмечают Стефан Новгородец и Игнатий Смольнянин[11].

В XV столетии в мировоззрении и кругозоре русских путешественников начинают проявляться изменения. Инок Зосима в отличие от своих предшественников, наряду с Царьградом, описывает и Палестину, вводит рассказ о возвращении из Иерусалима в Константинополь, что было нетипично для путевых записок XII–XIV вв. Однако и в его хождении ощущается большое влияние христианской ментальности с присущем ей логико-схоластическим и чувственно-мистическим способами постижения окружающей действительности. Первые его шаги в указанных городах попрежнему направлены к центральным сакральным сооружениям – материальным символам присутствия бога на земле[12]. Придя в Константинополь, Зосима прежде всего «поклонихся Святои церкви Софеи, идеже патриарх живетъ, и целовав образ господа нашего Иисуса Христа, иже предъ нимъ грехи своя исповедають...»[13], а достигнув пределов земли палестинской «в первое святое Воскресение на самыи праздник велик день бихъ челомъ живодавнему гробу господа нашего Иисуса Христа многожды»[14]. Таким образом, и в путевых записках Зосимы центром картины мира является «святая география» или святые и их жизнь на земле. Равным образом это относится и к хождению гостя Василия в Малую Азию, Египет и Палестину. Оно подробно повествует о святынях и достопримечательностях стран христианского и мусульманского Востока, передает библейские легенды (о св.Георгии Победоносце, о Самсоне, погибшем вместе с разрушенным им храмом языческого бога Дагона и пр.), указывает как и игумен Даниил, на материальные символы, которые должны подтвердить присутствие бога на земле: «камень, где Христос молился и где его предал Иуда»[15], «камень, что ангел господень принес от Синайской горы»[16] и т.п. При этом пространственные представления Василия шире, чем у его предшественника: в отличие от Зосимы и прочих путешественников он рассказывает о Каире и биб-

лейских легендах, связанных с Египтом[17]. Интересно его сообщение о селе Эль-Маторие, вблизи которого росла смоковница неплодная. По библейскому преданию в ней укрылась от преследования Богородица с младенцем и Иосифом, когда бежала из Иерусалима в Египет[18].

Но уже современник гостя Василия священноинок Варсонофий в своих путевых записках предстает как носитель иной, по сравнению с предшествующим временем, картины мира. Она становится индивидуальнее, избирательнее. Полнее проявляется личная точка зрения автора. Варсонофий отмечает условия поездки на вершину Синайской горы, указывает конкретные дни прибытия в те или иные населенные пункты, пересказывает легенды, в основе которых лежит Святое Писание[19]. Наиболее же отчетливо эти тенденции отражаются и одновременно закрепляются в «хождении за три моря» Афанасия Никитина, которое совершенно отклоняется от традиционного маршрута хождений, демонстрируя эволюцию не только ментальных представлений, но и те изменения, которые претерпела в русской культуре XV столетия категория пространства[20].

В путевых записках XII–XV вв. можно выделить три сферы авторских интересов, тесно связанных между собой:

1. Географические интересы путешественников (отражение в хождениях сведений о природно-климатических особенностях восточных стран);

2. Интерес к специфике образа жизни и быта народов Востока (сведения о народонаселении, его многонациональном характере, различиях в вероисповедании и т.д.);

3. Интерес к реликвиям и достопримечательностям зарубежных стран и, прежде всего, к реликвиям основных центров христианской культуры средневековья (Царьграда и Иерусалима), обусловленный характером религиозного мировоззрения эпохи.

Некое единообразие информации хождений было обусловлено канонами жанра и литературными традициями. При этом важно отметить, что каждому путешественнику была присуща разная ментальность, различные способности, степень доверчивости, критичности, любознательности, чем в итоге и определялись их представления об окружающей дей-

ствительности. Поэтому актуален анализ круга тех явлений, которые получили отражение в хождениях и, таким образом, запечатлели светские и духовные интересы их авторов.

Природно-климатические особенности наиболее полно описаны в хождении игумена Даниила, священноинока Варсонофия, гостя Василия, Игнатия Смольнянина и хождении за три моря Афанасия Никитина. В остальных путевых записках сведения о природе и климате либо отсутствуют (хождение Добрыни Ядрейковича (Антония), дьяка Александра), либо сводятся к немногочисленным и крайне лаконичным о них упоминаниям (хождение Стефана Новгородца, Анонимное хождение, хождение Зосимы).

В путевых записках игумена Даниила это прежде всего информация о знойном, засушливом климате Палестины, о гористом характере местности, о плодородии почвы, упоминание о реках и морях. Так, описывая Иерусалим, Даниил отметил, что вокруг города «есть дебри многи и горы каменыя. Безводно место то есть; ни реки, ни кладязя, ни источника несть близъ Иерусалима... но дождевою водою живут вси людие и скоти въ граде томъ»[21].

Небезынтересно и беглое упоминание о том, что на острове Самос «рыбы многы всякы и обилен есть всемъ остров оть»[22]. В ярких красках описано Содомское (Мертвое) море, хотя сам Даниил не посетил его и говорит о нем с чужих слов: «Море же Содомьское мрьтво есть, не имать въ себе никакож животна... но обаче внесеть быстрость Иорданьская рыбу въ море то, то не можеть жива быти ни мала часа, но вскоре умираеть»[23]. Подробно и географически точно описывает Даниил реку Иордан[24]. Рассказывает о плодородии почвы вокруг Иерусалима, оставив хотя и преувеличенные, но в целом правдивые сведения по этому вопросу: «там родится пшеница и ячмень изрядно; едино бо кадь высеявъ и взяти 90 кадей, а другоици 100 кадей по единой кади»[25].

В хождении священноинока Варсонофия – это сведения о природе Египта, преимущественно о реках и растениях (виноградниках, финиковых пальмах и т.д.). Особенно в его описании выделяется рассказ о реке Нил: «И великая ж река златоструины Нил течет от полуденныя страны на полунощь в Белое (Средиземное) море под Демияты»[26].

В хождении гостя Василия — это также сведения о реках и растениях, встреченных им на территории Малой Азии, Египта и Палестины. Путешественник упоминает Иордан и Тивериадское озеро. В ряде мест его путевых записок содержится упоминание и о растениях: финиковых пальмах, смоковнице, шафране[27].

В хождении Игнатия Смольнянина представляют несомненный интерес краткие, но реалистичные и почти документально точные сведения о шторме и грозе на Черном море, которая чуть не погубила митрополита Киприана и его спутников, направлявшихся из Византии на Русь. Сообщение об этом сводится к следующему: «По отшествии же их прииде весть, един корабль, рекоша с митрополиты спасен бысть, а иже со владыками, тьй безвестен есть... И не по коликих днех прииде грамота от митрополита сказующи, колика беда, им на мори бысть страшна и неисповедима, и каков бысть гром и треск от стражениа волн. И паки от того развеяни быше, друг друга не видеша», — записал Игнатий[28].

Наиболее же полные сведения о природе и климате ближневосточных стран и Индии содержатся в путевых записках Афанасия Никитина. Невольно сравнивая климат Руси с климатом стран Востока, путешественник находил в них существенные различия, что нашло отражение и в его дневнике: «Велик жар в Ормузе, человека сожжет», — отметил он[29]. Безусловный интерес представляет также запись о муссонных дождях в Индии, поскольку она, пожалуй, впервые фиксирует сведения об этом природном явлении в русской литературе: «Зимовал я в Джунаре, — отметил Афанасий Никитин, — жил тут два месяца. Каждый день и ночь (целых четыре месяца) всюду вода и грязь»[30]. Помимо данных о климате, хождение за три моря упоминает новые для Руси виды деревьев: кокосовые пальмы, сандаловое дерево, пальмиру[31].

Таким образом, в изображении русскими путешественниками окружающей действительности можно наметить некую эволюцию: от восприятия природы как фона, на котором развиваются события библейской истории (у игумена Даниила) к почти документально точным и правдивым изображе-

ниям природы в хождении Игнатия Смольнянина и Афанасия Никитина (XV в.)

Сведения о народонаселении стран зарубежного Востока также занимают важное место в записках русских путешественников.

Автор Анонимного хождения, например, рассказывая о св.Софии и гробе Иоанна Златоуста, расположенного в алтаре собора, упомянул, что «в день памяти его велико бывает схождение, не токмо христиане, но и фрязи и латыня бывают[32]». Гость Василий отметил многонациональный характер и различие вероисповеданий населения городов Востока. По его словам, в городе Мерзифоне «все арменове живут, а турков мало»[33], в городе Севастии «христиане и армене живут, а турков мало, да церкви христианские есть в нем»[34], а в городе Антиохии «люди разных вероисповеданий. Христиан в нем мало, а боле срацины»[35]. При этом следует отметить религиозную терпимость, в целом характерную для русских путешественников XII–XV вв.: отсутствие каких-либо враждебных выпадов в адрес неправославных религий, общий толерантный тон – вот что объединяет, по мнению А.И.Клибанова, их путевые записки[36].

Особенности жизни и быта народов восточных стран также вошли в круг интересов русских путешественников. Прежде всего они заносили в хождения те явления жизни и быта этого региона, которые были незнакомы на Руси, поражали воображение, надолго оставаясь в памяти. Игумена Даниила заинтересовало применение искусственного орошения, а также рыбный промысел в Палестине. Он отмечает, что в Тивериадском озере водится много превосходной рыбы, особенно, по его мнению, хороша рыба «образом же есть яко коропочь (*карп – Е.М.*)»[37]. Рассказывая о Мраморном море, путешественник подметил, что оно не лишено хозяйственного значения: в нем добывают «смолу» (асфальт), который «исходит из дна моря» и «лежит по берегу тому»[38]. Позднее Зосима в своих путевых записках оставил любопытные сведения о производстве мрамора, описав по пути к Афону остров Мармара: «в семъ острове царьгородские колють мороморо и мостять церкви и полаты во Царегороде», – отметил он[39]. Вслед за архиепископом новгородским Ан-

тонием, Зосима указывает, что «Царь же город стоит на три углы, две стены отъ моря, а третиая отъ западу, приступ ратнымъ»[40], а на противоположной стороне (т.н. Скутари) торговый базар, куда приезжают с той стороны турки, а с этой греки, и торгуют между собой. Последнее сообщение Зосимы свидетельствует о торговых отношениях между жителями Византии и турками, о том, что византийцы избегали впускать турок в Константинополь для торговли.

Два других путешественника, гость Василий и Варсонофий, уделили пристальное внимание средневековой технике, оставив сведения об устройстве водокачки и водопровода. Так, Варсонофия, в ходе его путешествия по св.горе Синайской, поразил колодец. Со двора монастыря (*соборная церковь Преображения – Е.М.*), – отметил он, – к этому колодцу проложены трубы, по ним «ведена трубами вода внутрь в монастырскои кладезь по подземелию»[41]. Трижды упоминает о водопроводе гость Василий. Рассказывая об одном из восточных городов, Амасии, он отметил, что под стеной города «протекает река велика, да во все дворы из тоа реки воду колесы вертят раздвоена». Второй раз замечает, что воды в городе Токате «разведены по торгам и по улицам и по дворам и по баням»[42]. И, наконец, записывает, что на реке Оронт установлены очень большие колеса в диаметре 10 сажен, колесами берут воду из реки, поднимают ее наверх и далее она течет по желобам во все городские дворы[43]. Наряду с этим гость Василий внимателен к описанию границ, населенных пунктов Малой Азии. В городах он обращает внимание на местные органы власти, на рынки, караван-сараи и т.п. Сам путь его от Брусы в Каир и длительное пребывание там по сравнению с кратковременным посещением Святой земли на обратном пути указывает на преобладание в ментальности этого русского путешественника купеческих, торговых интересов. Хождение гостя Василия сильно контрастирует с другими путевыми очерками. Здесь другое по сравнению с предшествующим временем наблюдение и описание различных явлений жизни, быта, природы, не связанное органично с описаниями жизни святых, а индивидуализированное, избранное по интересам и личным целям автора записок.

В хождениях двух других путешественников XV в. содержатся сведения об одежде народов Востока. Первый из них — инок Зосима — оставил упоминания об особенностях одежды крестоносцев, резиденция которых во главе с посланником папы Римского находилась в то время на острове Родос. «Здесь седить отъ папы римскаго мистр велики и все у него крестоносци и церковныя люди носящи кресты на левыхъ плечехъ, на портищех нашиваны», — записал он[44]. Второй путешественник — Афанасий Никитин — отметил, что «из народа мужчины и женщины все нагие и черные, а голова не покрыта. У тамошнего князя фата (*чалма — Е.М.*) на голове... а другая на бедрах, а у бояр тамошних — фата через плечо, а другая на бедрах, а княгини ходят — фата через плечо перекинутая, другая фата на бедрах. А у слуг княжеских и боярских одна фата на бедрах обернута, да щит, да меч в руках...»[45]. Не прошли мимо внимания Афанасия Никитина также особенности хозяйственной жизни местного индийского населения. Он отметил, что период муссонных дождей для индийцев — это начало посевного сезона: «в эти дни пашут у них и сеют пшеницу, да рис, да горох, да все съестное»[46]. Не без любопытства отмечает, что в «Индийской земле кони не родятся, в их земле родятся быки и буйволы — на них ездят и товар и иное возят, все делают»[47]. Как видим, сведения о жизни и быте народов Востока, переданные в хождениях, очень красочны, довольно точны и многообразны. Они свидетельствуют о любознательности и пытливом уме русских путешественников средневековья.

Важное значение имеет и описание в путевых записках достопримечательностей и реликвий христианского Востока. В ходе крестовых походов XI-XIII вв. и турецких завоеваний более позднего времени многие памятники материальной культуры Константинополя, Иерусалима и других восточных городов были разрушены, поэтому сведения хождений о святынях и памятниках этого региона представляют особый интерес[48]. Из хождений XII-XV вв. шесть описывают Константинополь: хождение Добрыни Ядрейковича (Антония), хождение Стефана Новгородца, Анонимное хождение в Царьград, хождение Игнатия Смольнянина, дьяка Александра и инока Зосимы. Из путевых записок архиепископа новгородского Ан-

тония (1200 г.), рассказывающего о времени перед захватом Константинополя крестоносцами в ходе четвертого крестового похода 1204 г., мы узнаем, что значительная часть реликвий этого города была похищена рыцарями-крестоносцами.

Пять хождений посвящены описанию Константинополя в период завоевания его турками под руководством Мурада II (29 мая 1453 г.), что положило начало исламизации города и исказило его первоначальный облик. Среди достопримечательностей Константинополя наибольшее внимание авторов привлекает церковь св.Софии, затем Апостольские церкви, монастырь Богородицы во Влахерне, монастырь Пантократор, Студийский монастырь, монастырь Одигитрия, монастырь св.Георгия в Монганах и др. Хождения содержат также подробные описания реликвий, хранящихся в их стенах. Так, в св.Софии, по данным архиепископа новгородского Антония, находилось более трех десятков реликвий, среди которых – «телега серебряная» императора Константина и Елены, «одры железные», где св.Георгий и Никита подвергались мучениям, золотое блюдо княгини Ольги с изображением на нем Христа и др.[49] В Апостольских церквах хранился гроб Иоанна Златоуста, гроб императора Константина и матери его Елены, Константинов крест и др.; в монастыре Пантократор – «корчага в алтаре», «страсти господни»; в Студийском монастыре – крест Иоанна Предтечи, перст Иоанна Крестителя и др. Наиболее же подробно в путевых записках освещаются реликвии Софии Константинопольской[50].

Характеристика хождений, рассказывающих о Константинополе была бы неполной без упоминания об античных и средневековых памятниках архитектуры и искусства. Число их невелико. К.Д.Зееманн дал перечень главных памятников скульптуры и архитектуры Константинополя[51]. Среди них Столп Юстиниана, Дворец Константина, Змеиная колонна, Ипподром и др.[52] Наибольшее внимание обращают на себя описания путешественников-новгородцев. Добрыня Ядрейкович (Антоний) больше всего интересовался живописью, детально описав иконы и художественные росписи константинопольских соборов. Он высоко оценивает мастерство иконописца Павла, упоминает икону св.Бориса и Глеба, икону Одигитрия (Путеводительница), написанную по пре-

данию евангелистом Лукой. Все это позволяет охарактеризовать автора хождений как знатока живописи. Автор Анонимного хождения в Царьград наиболее увлечен скульптурой, а Стефан Новгородец — архитектурой и мозаикой, в которых он, видимо, и сам хорошо разбирался[53].

Интересы Стефана во многом совпадают с интересами его предшественников-земляков, но в чем-то дополняют их: в его путевых записках выделяется описание порта Кондоскалион на Мраморном море.

Помимо Константинополя три путешественника описывают Иерусалим: игумен Даниил, дьякон Зосима и гость Василий. Их рассказ о городе сопровождается подробным перечислением святых мест, церквей и монастырей. Прежде всего путешественники описывают три главные церкви Иерусалима: церковь Святая Святых, церковь Воскресения, церковь св.Вознесения, где есть Гроб Господен, а также Силоамскую купель, Елеонскую гору, Мамврийский дуб, Фаворскую гору в окрестностях города и ряд других достопримечательностей, символизирующих присутствие Бога на земле. Путешественники упоминают более чем о сорока реликвиях Иерусалима и его предместий. Среди них — «ворота», в которые въехал Христос на вербное воскресенье в Иерусалим, Вифлеем и место, где Христос родился. Особое внимание уделено описанию Гроба Господня — одной из главных святынь христианского Востока. При этом из всех хождений, описывающих Иерусалим, выделяется хождение игумена Даниила[54].

Хождение священноинока Варсонофия содержит подробные сведения о реликвиях христиан в Египте и на Синае. Среди достопримечательностей он прежде всего выделяет местности, связанные с жизнью Иисуса Христа, церковь пречистой Богородицы, женский монастырь Мистрия, церковь св.мученика Меркурия, монастырь Синайский, две церкви во имя св.пророка боговидца Моисея, церкви во имя пророка Ильи. Варсонофий приводит также перечень 14 церквей Синайской горы (среди них церковь соборная Христова Преображения, церковь св.Неопалимая купина, церковь Иоанна Предтечи и др.) К описанию церквей Синайской горы путешественник счел необходимым приложить опись 16 церквей, находящихся вне монастырей. «Всех же на Синае монастырских и внемонастырских церквей 40», — запи-

сал Варсонофий[55]. Перечисление основных церквей Синайской горы можно назвать уникальным и единственным в своем роде, т.к. Варсонофий был первым и единственным русским путешественником, описавшим достопримечательности Синая в средние века. Столь же внимателен к описанию святых мест и гость Василий[56]. Афанасий Никитин сообщает о достопримечательностях Индии. Среди индуистских святынь выделим описание храма Парвати: «Пробыл я в Бидаре 4 месяца и сговорился с индусами пойти в Парвати, где у них бутхана то их Иерусалим, то же что для бессермен Мекка»[57]. Сравнение индуистского храма как священного места с Иерусалимом для христиан и Меккой для мусульман представляет безусловный интерес.

Таким образом, изложенные здесь факты позволяют наметить общую тенденцию в изменении восприятия стран зарубежного Востока на Руси. Следует признать, что «образ других» при всей стереотипности категорий ее составляющих подвергался трансформации: если усилия путешественников XII-XIII вв. были направлены на сбор прежде всего религиозно-культовой информации, то с конца XIV в. появляется интерес к светской общественно-политической и государственной жизни зарубежных народов. В XV столетии представления о народах различных стран расширяются. В середине века начинается планомерное описание экономики, культуры, быта мусульманского Востока. Появляется ряд записок о путешествиях в Египет, Малую и Переднюю Азию. Завершается этот период описанием стран Азии в хождении Афанасия Никитина. Попытка же на основе хождений проанализировать особенности восприятия русскими путешественниками стран Востока и обнаружить их исходные психологические установки с особой остротой ставит вопрос разработки специальной методики изучения повествовательных источников и, в частности, методики выявления в них скрытой информации. Появление подобной методики явилось бы естественным условием всестороннего исследования проблемы мировосприятия. Кроме того, была бы создана возможность наиболее полного использования тех информационных слоев хождений, которые до сих пор остаются невостребованными именно в плане изучения отечественной культуры.

[1] Подробнее см.: *Гуревич А.Я.* Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988. № 1; *Он же.* Историческая антропология: проблемы социальной и культурной истории // Вестник АН СССР. 1989. № 7; *Он же.* О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2-3. С.21-36; *Burke P.* The French Historical Revolution. Cambridge,1990; *Гутнова Е.В.* Средневековье: место в европейской цивилизации // Средние века. Вып. 53. М.,1990; *Бессмертный Ю.Л., Ястребицкая А.Л.* Международный коллоквиум «Школа Анналов вчера и сегодня» // Новая и новейшая история. М.,1990. С.123-140. См. также: Культура и общество в средние века в зарубежных исследованиях: К XVII Международному конгрессу исторических наук (Мадрид, август 1990). Реф. сб. М.,1990. С.5-15.

[2] Анализ этой проблемы важен, т.к. позволяет решить не только конкретные научные задачи, но и расширить рамки самих исследований. Кроме того, возможно именно такой подход поможет подойти к более конкретному определению понятия «менталитет».

[3] Традиция путешествий (в первую очередь паломничеств) к святым местам Востока возникает в христианском мире в IV в. После крещения Руси эта традиция была воспринята и новообращенными жителями восточнославянских земель. Свидетельства о наиболее ранних паломничествах довольно скудны и порой носят полулегендарный характер. Например, летописная легенда о путешествии апостола Андрея в Киев и Новгород, сообщение былин известного Владимирова (Киевского) цикла о путешествии в Иерусалим Василия Буслаева. Подробнее см.: Повесть временных лет. М.-Л.,1950. Ч.1. С.12.; Библиотека русского фольклора. Былины. М.,1988. Т.1. С.458-459. См. также: *Данциг Д.М.* Русские путешественники на Ближнем Востоке. М.,1965; *Он же.* Ближний Восток. М.,1976. Более достоверно описание игумена Даниила (XII в.)-основоположника жанра хождений. См.: Житье и хоженье Даниила Русскыя земли игумена 1106-1108 гг. // ППС. 1883. Вып.3. Т.1.; 1885. Вып.9. Т.3. Весьма популярные в географической литературе прошлого столетия, хождения долгое время были незаслуженно забыты. Возрождение интереса к ним относится к 70-м годам нынешнего столетия. См.: *Seemann K.D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Muchen,1976.; Книга хожений: Записки русских путешественников XI-XV вв. М.,1984.

[4] За период XII-XV вв. известны следующие хождения на Восток: хождение Даниила, игумена Русской земли (XII в.), хождение Добрыни Ядрейковича (Антония) в Царьград (XII–XIII вв.), анонимное хождение в Царьград (конец XIII – начало XIV в.), из странника Стефана Новгородца (XIV в.), хождение Игнатия Смольнянина в Царьград (XIV в.), хождение дьяка Александра в Царьград (XIV в.), хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину (XV в.), хождение Варсонофия в Египет, Синай и Палестину (XV в.), хождение гостя Василия в Малую Азию, Египет и Палестину (XV в.), хождение за три моря Афанасия Никитина (XV в.). В них скрыты как бы два мира: внешний мир, который

окружает человека и постоянно изменяется на его глазах и внутренний мир, который он оценивает по своим собственным критериям, определенным либо национальными и культурными традициями его родины, либо его социальным положением и индивидуальностью.

5 См.: *Raba J.* Das Weltbild der Mittelalterlichen und fruhneuzeitlichen russischen Reisenden // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Bd.38. B.,1986. S.20; Культура, человек и картина мира. М.,1987. С.229-230; Мир глазами средневекового человека. Киев,1990. С.1-22; *Гуревич А.Я.* Человек средневековья // История Европы. М.,1992. Т.2. С.685-697.

6 *Сперанский М.Н.* Славянские апокрифические евангелия // Труды XV Археологического съезда в Москве. М.,1895. Т.2. С.64-66. См. также: *Заболотский П.* Легендарный и апокрифический элемент в хождении игумена Даниила // РФВ. М.,1899. № 1-2. С.220-237.

7 Книга Паломник – Сказание мест святых во Царьграде Антония архиепископа Новгородского в 1200 г. // ППС. 1899. Вып.51. Т.17. № 3. С.1-2.

8 Там же. С.382-383.

9 *Majeska G.P.* An Unknown work on Constantinople // Cyrillomethodianum VIII-IX. Thessaloniki, 1984/85; *Majeska G.P.* Anthony of Novgorod and Constantinople. A.D.1200 // The XVII-th International Byzantine congress. P.209.

10 *Прокофьев Н.И.* Хождения конца XII – начала XIV вв. // Литература Древней Руси и XVIII в. // Ученые записки МГПИ им.В.И.Ленина. М.,1970. Т.363. С.235-252; Seemann K.D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur... S.229.

11 Книга хожений... С.92-101.

12 *Лотман Ю.М.* Динамическая модель семантической системы // Семиотика культуры. Труды по знаковым системам. Вып.10. Тарту,1978. С.3.

13 Книга хожений... С.121.

14 Там же. С.127.

15 Там же. С.176.

16 Там же.

17 Там же. С.172-173. См. также: *Raba J.* Das Weltbild der mittelalterlichen... S.27-28.

18 Книга хожений... С.173.

19 Там же. С.162-168.

20 Подробнее см.: *Гутнова Е.В.* Средневековье: место в европейской цивилизации... С.37-39.

21 Книга хожений... С.41.

22 Там же. С.29.

23 Там же. С.47.

24 Там же. С.42,64.

25 Там же. С.41.

26 Там же. С.164.

27 Там же. С.172.

28 Там же. С.103.

29 Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л.,1986. С.45.

30 Там же. С.46.

31 Там же. С.151.

[32] Книга хожений... С.82.
[33] Там же. С.169.
[34] Там же. С.170.
[35] Там же.
[36] См.: *Клибанов А.И.* У истоков русской гуманистической мысли // Вестник истории мировой культуры. М.,1958. № 1. С.22-39; *Он же.* Историческая традиция идеи равенства народов и вер. Там же. № 2. С.45-63.; *Он же.* Реформационное движение в России в XIV – первой половине XVI в. М.,1960. С.71-372.
[37] Книга хожений... С.65.
[38] Там же. С.47.
[39] Там же. С.125.
[40] Там же. С.124.
[41] Там же. С.167.
[42] Там же. С.170.
[43] Там же. С.171.
[44] Там же. С.134.
[45] Хождение за три моря Афанасия Никитина... С.45.
[46] Там же. С.46.
[47] Там же.
[48] *Majeska G.P.* Russian travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth centuries. Washington., 1984; *Seemann K.D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur... S.205-207.
[49] См.: *Уваров А.С.* О «блюде» великой княгини Ольги. Новое дополнение к паломнику Антония // Древности. Труды Московского археологического общества. 4. (1874) 3. С.95-98; *Лопарев Х.М.* Новый список описания Царьграда Антония Новгородского // Библиограф. СПб.,1888. № 12. С.330-392; *Айналов Д.В.* Дар святой Ольги в ризницу св.Софии в Царьграде // Труды Археологического съезда в Харькове. М.,1905. Т.3. С.1-4.
[50] Подробнее о церкви св.Софии, ее достопримечательностях, дворцовом комплексе и его окрестностях, о южной, центральной, западной и восточной частях Константинополя, а также о достопримечательностях на побережье Золотого Рога см.: *Majeska G.P.* Russian travelers to Constantinople... P.178-387. См. также: *Петросян Ю.А., Юсупов А.Р.* Город на двух континентах. М.,1981. С.54; *Петросян Ю.А.* Древний город на берегах Босфора. М.,1986.
[51] *Seemann K.D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur... S.200.
[52] Подробнее см.: *Петросян Ю.А.,Юсупов А.Р.* Город на двух континентах... С.36-37; *Петросян Ю.* Древний город... С.38-41,42-48.
[53] См.: Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура // Сборник статей в честь В.Н.Лазарева. М.,1973. С.79-81, *Смирнова Э.С.* Живопись Великого Новгорода (середина XIII – начало XV вв.) М.,1976. С.48-63; *Попова О.С.* Искусство Новгорода первой половины XIV в. и его связи с Византией. М.,1980. См. также: Древнерусское искусство (художественная культура X – первой половины XIII вв.). М.,1984. С.101-111, 244-261, 272-286.
[54] *Seemann K.D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur... S.178-179.
[55] Книга хожений... С.167.
[56] Там же. С.169-177.
[57] Хожение за три моря Афанасия Никитина... С.49.

Морозова Л.Е.

ОБРАЗ «ЧУЖОГО» В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЛЮДЕЙ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ НАЧАЛА XVII ВЕКА

В исторической литературе утвердилось мнение, что Россия была изолирована от Западной Европы до эпохи Петра I. Расхожей стала фраза о том, что Петр «прорубил окно в Европу», до этого же ни Европа, ни Русь связей друг с другом не имели.

Причину изоляции Руси видели в золотоордынском иге, оторвавшем страну от европейской цивилизации на 300 лет, и в православном вероисповедании, по которому представители других вер считались «погаными».

Согласно этому мнению получалось, что изоляция России была связана только с внутренними причинами. Думается, что данное объяснение слишком односторонне и не учитывает всего комплекса причин.

Если в целом взглянуть на историю Русского государства, то можно обнаружить, что в период Киевской Руси никакой изоляции не существовало. Напротив, Русь являлась такой же европейской державой, как Франция, к примеру, и имела достаточно обширные международные связи. Но, раздираемая внутренними противоречиями, Киевская Русь пала под натиском кочевых племен из монгольских степей. Став данником Золотой Орды, она перестала быть самостоятельным объектом международных отношений.

Несколько последующих веков в истории Руси оказались заполненными не развитием государства, а борьбой за возврат прежнего величия, за киевское наследие. Противниками в данном случае являлись не только золотоордынские ханы, но и соседние европейские страны, отхватившие изрядный кусок «киевского наследства» у израненной Руси. Если с татаро-монгольским игом было покончено в конце XV в., а в XVI в. перестали существовать Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, влившиеся в Русское государство, то за возвращение западных земель шла борьба весь XVI, XVII и часть XVIII века. Естественно, что враждебное окружение на Западе не способствовало быстрому расширению международных контактов с европейскими странами, хотя Русь к ним и стремилась. Одним из средств занять дос-

тойное место среди европейских держав московские государи считали заключение династических браков.

С конца XV в. в семье русских государей было несколько иностранных женихов и невест, с помощью которых расширялись связи с европейскими странами. Великий князь Иван III для повышения престижа своего государства женился вторым браком на дочери последнего византийского императора Софье Палеолог. В то время Палеологи уже были лишены престола и жили в Риме «у проклятых латин». Этот факт не стал препятствием для брака. Значит, великого князя не испугала возможность «латинского влияния» при дворе. Своего старшего сына Ивана, наследника престола, он женил на дочери молдавского государя Елене. Дочь выдал замуж за великого князя литовского, ставшего потом польским королем Александром. Различие в вероисповедании не стало препятствием для этого брака.

Общеизвестно, что Иван Грозный в последний период своей жизни вынашивал планы посвататься к английской королеве, потом ее племяннице, и даже хотел переехать в Англию. Его не смущало, что он мог там оказаться в одиночестве среди представителей других вероисповеданий. Свою двоюродную племянницу Марию Владимировну он выдал замуж за голштинского князя Магнуса, который не стал на Руси менять свою веру. Поэтому брачная церемония проходила по двум обрядам: православному и лютеранскому.

Борис Годунов «прославился» среди современников своей чрезмерной любовью к иностранцам и всему иностранному. Свою дочь Ксению он хотел выдать замуж за датского принца Иоганна. При этом от жениха не требовали принятия православия. Только преждевременная смерть жениха помешала этому браку. Похоронен он был в лютеранском храме, в немецкой слободе, где жили иностранцы.

Данные примеры показывают, что в XVI в. различие в вероисповедании не было препятствием для тесных контактов с европейцами и не являлось причиной для самоизоляции Русского государства. Напротив, в XVI в. наблюдается активное расширение всевозможных международных контактов.

Совершенно иную ситуацию мы видим в начале и первой половине XVII в. Повсюду начинается борьба с представителями других вер, во всем видится стремление к чистоте православия. Разрушаются лютеранские церкви, на государственную службу берутся только лица, принявшие правосла-

вие, принимается ряд законов против иностранцев и т.д. Браки с иностранцами в царской семье не заключаются.

Заканчиваются крахом все попытки патриарха Филарета найти невесту для первого царя из династии Романовых Михаила в европейских королевских домах. Хотя данный брак существенно укрепил бы международный престиж нового царя, препятствием для него стало требование русской стороны: невеста непременно должна была принять православие. Это казалось для европейских девушек и их родителей неприемлемым.

Широкий резонанс получило дело королевича Вольдмера, который был приглашен в Россию в качестве жениха для старшей дочери царя Михаила Ирины. Он не захотел принять православие, считая достаточным крещение по лютеранскому обычаю. Это показалось царю Михаилу непреодолимым препятствием для брака с дочерью, и он пытался самыми разнообразными путями воздействовать на упрямого королевича. Поскольку все оказалось напрасным, душевное состояние Михаила ухудшилось, обострились старые болезни, и он преждевременно скончался. В связи с делом Вольдмера оказались в опале многие видные общественные деятели, пытавшиеся найти приемлемый выход из данного конфликта. Например, Семен Шаховской, которого даже хотели казнить, но потом отправили в сибирскую ссылку.

Все это свидетельствовало о том, что в самом начале XVII в. в России произошли события, существенно поменявшие отношение к представителям других вер и вызвавшие враждебное отношение к европейцам. Этими событиями стала Смута конца XVI – начала XVII в., ярко и образно описанная в обширнейшей публицистике, созданной как по горячим следам событий, так и по прошествии некоторого времени, необходимого для осмысления пережитого. Анализ произведений дает возможность понять, как и почему происходили изменения в отношении русских людей к представителям других вер.

Одним из первых сочинений, возникших после контактов с иностранцами при Лжедмитрии I, было «Сказание о Гришке Отрепьеве». Оно показывало, как русские люди самым тесным образом, буквально на бытовом уровне, познакомились с жителями соседних государств: поляками, шведами, литовцами, которые помогли прийти к власти первому самозванцу и вместе с ним оказались в Москве. В состав госуда-

рева двора вошли поляки-секретари, поляки-послы, поляки-советники, и т.д. Настоящим нашествием поляков и литовцев стал приезд в Москву невесты царя Марины Мнишек. Ее многочисленные родственники и друзья были расселены по дворам многих знатных русских людей, что позволило им увидеть жизнь польских дворян изнутри, на бытовом уровне. Свадебные пиры дали возможность ознакомиться с внешней стороной чужеземных обычаев.

Как же отнеслись русские люди к этим званым и незваным гостям, шумной толпой населившим столицу? В «Сказании о Гришке» отмечено, что самое первое знакомство русских людей с иностранным окружением Лжедмитрия повергло их в шок.

Так, чтобы его въезд в столицу выглядел особенно торжественным, Лжедмитрий приказал польским музыкантам, «ляхам и литве играти в литавры и по набатом бити, и в сурны трубити по их еретическому обычаю»[1]. Это нарушало православную церемонию, согласно которой царя встречало духовенство с иконами и крестами, а царь должен был сойти с коня и приложиться к чудотворным иконам.

Непозволительным было и то, что вместе с царем в главный православный храм Успенский собор вошли и его сторонники «ляхи, угряне, латиняне» и многие другие еретики[2]. «Искони сего не прияша Божия церковь, ниже слашано бысть никако нигде и во царствующем граде Москве,» — писалось в «Сказании»[3].

Следует отметить, что сторонников самозванца автор называет и по национальности, и по вероисповеданию, ставя всех в один ряд. Для него «чужими» были и представители других вер, и представители других наций. Друг от друга их он не отличал. Понятия веры и нации для него как бы сливались.

Уже само появление «чужих» в святых для православного человека местах: церквях, монастырях и т.д. расценивалось как их осквернение, а неподобающее поведение — оскорблением веры, «безобразным наругательством и позоровством»[4]. Таким неподобающим поведением русские люди считали: ношение крестов ниже пояса, сидение в церквях, прикосновение к гробам чудотворцев, «святым иконам наругахуся, ко гробам святых чудотворец опирахуся наругательно»[5].

Наибольшее возмущение у всех людей, по мнению автора «Сказания», вызывало поведение поляков во время свадьбы

Лжедмитрия. «И внидоша за ним во святую церковь много ляхов и люторей, и римскаго закону капланове, и жены их бесчинствоваху во святой Божией церкви. И ляхове у святых образов приклоняся, спали и лежали во время святаго пения, святые литоргия, а жены их бесчинствоваху в церкви Божия, иже не бе мощно зрети такие скверны и смрад от поганых беззаконий. Все это великая пагуба и погибель Христовой вере»[6].

Получается, что главной виной лжецаря было не то, что он присвоил чужое имя и звание, а то, что он позволял посягать на православную веру. Отрицательное отношение к полякам было вызвано главным образом тем, что они были другой веры и имели другие обычаи. Поэтому эпитеты в их адрес самые бранные: «поганые и злокозненные еретики», «разорители веры христовой», «помраченныи бесы темными» и т.д.

Таким образом, борьба с самозванцами и поляками была провозглашена в Сказании борьбой за чистоту веры против поганых еретиков. Главной причиной, ее вызывавшей, было не просто инаковерие поляков и литовцев, а угроза окатоличивания русских людей и пренебрежительное отношение представителей других вер к русским обычаям и святыням. Отрицательное отношение со стороны русских людей оказывается как бы спровоцированным самими поляками и литовцами при покровительстве Лжедмитрия.

Несколько иное отношение к поляками и литовцам в «Повести како отмсти» и ее редакции «Повести како востихи», созданных после воцарения Василия Шуйского, когда большая часть поляков уже была отправлена на родину и велись переговоры о восстановлении добрососедских отношений с польским королем. В них поляки представлены такими же жертвами «злохитростного обманщика» Гришки Отрепьева, как и русские люди. Отрицательное отношение было выражено, главным образом, к самому самозванцу и его невесте Марине Мнишек, которая названа «бесерменские веры от тмосущих Литовския земли, люторка... злохитрена волшебной премудрости исполнена»[7].

В «Повестях» сторонниками самозванца названы не только поляки и литовцы, но и другие «поганы иноверци: жиды, немцы и иные сквернавые»[8], оказавшиеся у него на службе. Так, все неправославные иностранцы были объявлены «злохитренными поганцами», еретиками и законопреступниками. В сознании русских людей все они стали «чужими».

Это наглядно проявляется в одном довольно раннем сочинении — «Сказании о самозванце». Так, перечисляя гостей на свадьбе у Лжедмитрия, автор писал, что там были «поганые всяких вер люди: лютори, ляхи, латыни, колвенцы, немцы»[9]. Здесь мы опять видим разнозначимость понятий национальности и верования. Все неправославные — «поганцы окольные».

Появившееся отрицательное отношение к иноверцам в период правления Лжедмитрия у русских людей сказалось на отношении ко всем иностранцам в целом. Так, в более позднем сочинении «История в память сущим» (первая редакция начальных шести глав «Сказания Авраамия Палицына») даже Борис Годунов был обвинен в излишней любви к иностранцам: «любя иноязычников паче священноначальствующих», «ереси арменстей и латынстей последующим добр потаковник бысть»[10]. Автор этого сочинения, в отличие от других, знал, чем отличалось католичество от православия («опресночный хлеб», субботний пост и др.), поэтому он не смешивал вместе все отклонения от православия и не приписывал их Лжедмитрию. Его «латынских учеников», т.е. католиков, он считал врагами христианства, а лютеран — «еретическим семенем», «антихристовыми проповедниками», «сатанинными угодниками»[11]. В этом произведении, написанном в самом начале междуцарствия, появляется и новый момент в отношении к полякам и литовцам. Автор объединяет их с ворами и разбойниками, называет грабителями, поскольку они вошли в армию второго самозванца, разорявшую страну.

Новое отношение к полякам и литовцам в наибольшей степени нашло отражение в «Новой повести», написанной в начале 1611 г. В это время началось самое настоящее нашествие польских отрядов на Русь. Польский король осадил Смоленск, гетман А.Гонсевский вошел в Москву, шайки «лисовцев» занимались разбоем и грабительством по всей стране.

В «Новой повести» поляки и литовцы представлены уже не врагами православной веры, а «агарянскими полками», супостатами, которые возжелали покорить русскую землю. «Самый лютый супостат — польский король», который захотел «похитить веру православную и поставить под свою руку» русских людей. Автор повести неоднократно подчеркивал, что польский король обладал крайне отрицательными

качествами: «злонравным жестоким сердцем», был «многодушный губитель и злой разоритель великого государства»[12].

Сходными и крайне отрицательными характеристиками наделял автор повести всех поляков. Они и «враги-губители», и «богоотступники-кровопролители», и «разорители веры христовой», и «первенцы сатанины», и «братья Иудины, душегубительные волки»[13].

Как видим, наряду со старыми обвинениями в разорении православной веры появляются и новые — «кровопролители и душегубители». Автор прямо написал, что поляки хотели погубить русских людей, «в работу и холопы поработити, нажитое пограбить... хотят нами овладети и покорити»[14].

Значит, нашествие поляков во главе с польским королем имело цель не только искоренить православную веру, но и самих русских людей ограбить и поработить. Эта новая опасность от «иноверных и чужих» была связана с покушением не только на душу человека, но и на его жизнь.

Опять же можно отметить, что изменение образа «чужого» в представлении русских людей происходило под влиянием новых обстоятельств, в данном случае, в условиях иностранной интервенции и связанной с ней угрозой потери национальной независимости.

Еще одним произведением, созданным в условиях польско-литовско-шведской интервенции, был «Плач о московском разорении». Он был написан по поводу сожжения Москвы поляками в марте 1611 г. Если в «Новой повести» автор только предупреждал о возможных последствиях нашествия польско-литовских войск на Русь, то в «Плаче» уже отражены его результаты. Автор старается вскрыть главные причины разорения Русского государства. Обращаясь к истории, он отмечал, что раньше «Великое государство было страхом для бесерменов, германов и прочих язык... Издавна православная христианская вера греческаго закона от иноплеменных стран ненавидима»[15]. Многие нечестивые государи хотели ее разорить, особенно «нечестивый кровожелатель» польский король. Поэтому, узнав об авантюре Гришки Отрепьева, он решил ему помочь, «чтобы меч поднять на кровь христианскую». В итоге «бесояростное войско» польского короля разрушило города и села, убило множество народа христианского, Россию привело к погибели. «Злояростный и бесодерзостный гетман» вошел в Москву и разорил ее[16].

Отношение автора «Плача» к полякам и литовцам самое отрицательное. Он называет их «злохищные, нечестивые, лукавством вшедшие в Москву, яко пагубные волки вкрадшиеся в оград Христова стада, много насильства нача делать православным христианам, костелы устроили, злобы яд излияша»[17].

В число врагов Русского государства включены и шведы, которых автор называет немцами: «Окаянные поляки и немцы запали город, кровь неповинных как воду полили. Все разграбили, разорили столп христианской веры»[18].

Таким образом, анализ нескольких произведений, написанных в период Смуты, показывает, что образ «чужих», в данном случае поляков, литовцев и шведов, формировался у русских людей под влиянием развертывающихся в стране событий. Поначалу мирный приезд поляков и литовцев в составе свиты Лжедмитрия, потом на службу и, наконец, на свадьбу повлек за собой самые отрицательные последствия для их восприятия. Самозванец стал вводить при дворе польские обычаи, позволял своим польским сторонникам оскорблять религиозные чувства православных, способствовал распространению католического влияния. Поскольку все это внедрялось насильственным путем, то вызвало естественное возмущение со стороны русских. Поляки стали представляться гонителями истинной веры, еретиками, осквернителями святынь, поганцами и нечестивцами.

В период интервенции образ поляков, литовцев, а потом и шведов стал тождественен образу грабителя и разбойника, «злохищного волка и ненасытного кровожелателя». Несомненно, что он сложился под влиянием реальной ситуации в стране, когда польские отряды превратились в разбойников и грабителей и разоряли русские города и села, убивали мирных жителей, захватывая их имущество.

Вполне очевидно, что именно в Смуту отношение русских людей к своим ближайшим иностранным соседям резко ухудшилось. Этому способствовала угроза окатоличивания и захват исконно русских земель. Оно сохранялось крайне отрицательным достаточно долго, пока не были изжиты и ликвидированы последствия Смуты. Это и способствовало некоторой изоляции России от европейских держав: не заключались династические браки, на службу к царю не брались католики, даже в наемные войска, международные отношения налаживались лишь с теми странами, которые не состояли в дружбе с польско-литовским государством.

В этом плане интересно сравнить официальные документы, в которых объяснялись цели избрания Бориса Годунова и Михаила Романова. В грамоте об избрании Бориса писалось так: «Понеже видехом безгосударно Российское царствие и стадо Христово небрегомо и гиблемо, и того ради скорбехам и в печали быхом, яко овца не имуще пастыря»[19]. Значит, его избрание было необходимо, чтобы в России был государь, поскольку прежнего не стало.

Избрание Михаила Романова объяснялось более конкретными причинами: «Чтобы великое Российское государство после московскаго разоренья впередь безгосударно не было и православная крестьянская вера от латынь и от люторских богомерзких вер в разоренье и во обруганье и досталь не учинилась»[20].

Если Борис Годунов должен был в общем беречь «стадо Христово», то царь Михаил обязан был спасать это стадо уже от конкретных врагов – «латынь и люторских богомерзких вер». Они выявились в ходе Смуты и надолго запечатлелись в умах русских людей как «поганцы, нечестивцы, кровоядцы» и т.д. Это и определило их отрицательное отношение к иностранцам, выходцам из Западной Европы, в течение почти столетия.

---

1 Русская историческая библиотека. СПб.,1909. Т.XIII. Стб.733.
2 Там же.
3 Там же. Стб.733-734.
4 Там же. Стб.736-737.
5 Там же. Стб.738.
6 Там же. Стб.743.
7 Труды отдела древнерусской литературы. М. –Л.,1975. Т.XXVII. С.249.
8 Там же.
9 Русская историческая библиотека... Стб.1421.
10 Сказание Авраамия Палицына. М. –Л.,1955. С.258.
11 Там же. С.278.
12 Русская историческая библиотека... Стб.198.
13 Там же. Стб.199-200.
14 Там же. Стб.201.
15 Там же. Стб.221,230.
16 Там же. Стб.228-229.
17 Там же. Стб.231.
18 Там же. Стб.232.
19 Акты, относящиеся к истории земских соборов. М.,1920. С.17.
20 Там же. С.20.

Куприянов А.И.

ПОЛЯКИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ (1760-1860-е гг.)

Ни с одним из славянских народов отношения русских не были так сложны и противоречивы, как с поляками. XVI и XVII столетия характеризуются упорными многолетними военными конфликтами России и Речи Посполитой за преобладание в Восточной Европе. Из этого противостояния обладавшая большими ресурсами Россия вышла победительницей. Следствием общего геополитического развития Восточной и Северо-Восточной Европы стали в конце XVIII в. три раздела Польши между ее более могущественными соседями: Россией, Австрией и Пруссией. Наполеоновские войны привели к новому переделу польских земель, в результате которого значительная часть территории, составлявшей историческое и этническое ядро Польши, отошла к России. Каковы же были представления русских о своих новых соотечественниках? Как формировался и изменялся сам образ поляка в сознании разных сословий и социальных групп русского общества?

Принято считать, что для русских Польша уже в XVII в. ассоциировалась с анархией и рассматривалась как крайне негативный образец политического устройства. «Почти не было случая, – пишет историк М.А.Алпатов, – чтобы русские, приезжавшие в Польшу или проезжавшие через нее, не обратили внимания на господствующий там беспорядок»[1]. И, соответственно, уже тогда стал складываться в целом негативный образ поляка – вздорного, спесивого, заносчивого шляхтича. Казалось бы события Смутного времени (если исходить из памятников русской публицистики первой четверти XVII в.), борьба за Смоленск, а позже за Украину и Белоруссию, должны были способствовать представлению о поляках как о врагах.

Но у русских офицеров и генералов, побывавших в Польше в 1760-х – начале 1790-х гг., описание тамошних политических событий и бытовых обычаев, как правило, не имеет никаких оценочных суждений[2]. Тем более нет у них и

отрицательных суждений о поляках. Вероятно, у многих русских дворян того времени так и не сложился, по крайней мере на вербальном уровне, сколько-нибудь целостный образ поляка. По-видимому, большинство русских офицеров, участвовавших в боевых действиях в Польше, как и генерал-майор П.Н.Кречетников (1767-1768 гг.), устойчиво зафиксировали для себя одну черту поляков — отвагу, храбрость и стойкость в сражениях[3].

Общим местом аналитических записок (А.Столыпина, А.Ловинского, А.Геслинга) «о состоянии умов» в западных губерниях Российской империи в канун вторжения Наполеона была констатация надежды поляков на восстановление независимости отечества и готовность пойти ради этого на любые жертвы. В этих записках выделены лишь две черты поляков: политическое легковерие и кичливость. Кроме этого А.А.Столыпин отмечает еще одно «особенное свойство поляков в Литве» — «скрывать свои мысли, желания и действия»[4]. Однако эти свойства они обрели в результате строгого надзора русского правительства.

К концу 1830 г., когда в Царстве Польском вспыхнуло восстание, переросшее в настоящую войну, образ поляка в массовом сознании дворянства в полной мере так и не кристаллизовался. Во всяком случае не была осознана и даже почувствована многими несущая опора польского национального характера — патриотизм. В этом плане весьма знаменательны письма 1831 г. московского почт-директора А.Я.Булгакова к брату. Еще в январе им владели шапкозакидательские настроения — он держал пари, «что в Польше все будет без выстрела и все покорится без войны»[5]. Подобные настроения дворянства были весьма распространены: например, А.С.Пушкин сообщал о некоем господине, державшем при аналогичном пари тысячу рублей против бутылки шампанского[6]. В феврале-марте Булгаков характеризует поляков как «сумасбродных», «безмозглых», утверждая, что «они в фанфаронстве перещеголяли и французов»[7]. Имплицитно в его письмах поляки предстают как легкомысленные, хвастливые и трусливые. Но в письме от 4 июля Булгаков в корне пересматривает свое представление о поляках: «иные представляют [их] легкомысленными, ветренными, сумасбродными. Нет, это гнусные, неблагодарные преступники, коих

поступки очень обдуманы...»[8]. Но не у всех 1831 г. внес перелом в представления о поляках. Так, генерал-адъютант Ридигер по прежнему считал наиболее типичными чертами поляков «легкомыслие и запальчивый энтузиазм»[9]. Аналогичный образ сложился и у усмирителя восстания фельдмаршала И.Ф.Паскевича, который долгие годы был наместником в Царстве Польском. Он выделяет «легкомыслие и беспокойное воображение поляков», а также указывает на двойную причину ненависти к России: «от зависти к сильнейшему государству и идей беспутной вольности, нетерпения всякого порядка и власти»[10].

Поэт и генерал Д.В.Давыдов в своих «Воспоминаниях о польской войне 1831 года» рисует малопривлекательный портрет польской нации: «наглость и самонадеянность» в минуты успеха, «гордый и заносчивый в счастии, но низкопоклонный после неудач», «непостоянство», «дух своеволия, столь враждебный мудрому единодержавию»[11]. Другому участнику войны 1831 г. А.Н.Вульфу поляки видятся не столь отталкивающими, но вызывают раздражение кичливостью и патриотизмом, который кажется ему с позиций космополитизма неумеренным и свидетельствующим о недостатке цивилизованности[12].

Генерал С.А.Тучков, которому еще в 1794 г. довелось сражаться с восставшими в Вильно поляками, дает им более развернутую характеристику: «Поляк высокомерен, хвастлив и расточителен». Он отметил гостеприимство дворян и вялость, нерасторопность, лень, глупость, пьянство, безнравственность «мужиков» как следствие их крайнего угнетения. При этом старый русский генерал решительно выступил против некоторых уничижительных черт, приписываемых полякам: «Многие называют то подлостью и низостью в поляках, что они при малейшей для них надежде оказывают всю ненависть и презрение к русским. Но едва скроется луч ее, как становятся они почтительны, ласковы и учтивы до унижения»[13]. Среди русских дворян, которые разделяли такой стереотип поляков был и мнивший себя глубоким знатоком Польши И.Ф.Паскевич. В марте 1845 г. в ответ на замечание А.О.Смирновой об одном из поляков, показавшихся ей «немного подлым», фельдмаршал сделал стереотипное обобщение: «Ведь их география такая, что они или подлича-

ют, или бунтуют»[14]. С.А.Тучков не относил эти черты к аутентичным свойствам национального характера поляков, а объяснял их исключительно условиями того политического положения, в котором находилось их отечество. Саму причину ненависти поляков к русским он усматривал в религии, образе правления, подчеркивая любовь поляков к вольности и боязнь попасть под самодержавное правление, а также во взаимных войнах, которые являлись следствием первых двух причин[15].

У Николая I, как показывает его переписка с Паскевичем, образ поляка был более одномерным. «Мнимая народность», по его глубокому убеждению, отличалась «неисправимым сумасбродством», отсутствием чувства благодарности и верности, «безумством», «дерзостью и самонадеянностью»[16]. Однако, будучи главой государства, Николай I, хорошо осознавая невозможность в обозримом будущем «истребить» в поляках их патриотизм и революционный дух, не позволял носителям имперского патриотизма пестовать образ врага в лице поляков. Более того, далеко не все носители имперского сознания, в том числе и А.С.Пушкин, считали уместным возбуждать у русских ненависть к полякам[17]. В письме от 9 декабря 1830 г. к Е.М.Хитрово он писал: «Мы можем только жалеть поляков. Мы слишком сильны для того, чтобы их ненавидеть». 21 января 1831 года он вновь пишет об этом дочери М.И.Кутузова: «Нет нужды возбуждать русских против Польши»[18].

1831 г. во многом сформировал у русских дворян крайне негативный образ поляка: гордый, заносчивый, высокомерный, кичливый, хвастливый, дерзкий, легкомысленный, запальчивый, самонадеянный, патриотичный («мнимопатриотичный»), коварный и неблагодарный. Разумеется, эти эпитеты, которыми описывали собирательный портрет поляка, разделялись не всем дворянством, но его большинством. Имелись некоторые отличия и в восприятии поляков боевыми офицерами и штатской публикой. У военных присутствует значительно меньше негативных характеристик, они нередко отдают дань мужеству польских воинов. Гражданские чины значительно чаще любили рассуждать о «врожденной трусости народного характера» поляков[19]. Со временем точка зрения военных возобладала в этом вопросе. Так, Н.И.Греч

признает храбрость единственной добродетелью «подлых поляков», заметив при этом, что ее «они, впрочем, разделяют со всеми разбойниками»[20].

Нет никакой надобности говорить, что этот коллективный портрет другого народа был далек от действительности и больше говорит о русском дворянстве того времени, нежели о польской нации. И в этой связи остановимся лишь на одной существенной черте образа поляка – неблагодарности. Трудно найти столь явный пример абберации сознания русского дворянства. Признавая за Россией право владеть Польшей по праву завоевания, они почему-то отказывали полякам в праве силой оружия вернуть себе свободу и независимость. Ложно понятый национальный интерес (для одних – геополитические соображения, для других – притягательность объединения всех славянских народов в единое государство) не позволял большинству образованного русского общества сколько-нибудь непредвзято оценить борьбу поляков за независимость. Утопический лозунг восстановления Польши в границах Речи Посполитой актуализировал у русских чувство враждебности и негодования. Наконец, устойчивое закрепление за свободолюбивым народом такой характеристики, как «неблагодарный», во многом было обусловлено конституционным комплексом российского дворянства. Многие верноподданные были глубоко оскорблены не столько восстановлением Александром I польской государственности (в весьма урезанном объеме), сколько «дарованием» императором конституционного устройства завоеванному народу. Такая избирательность монарха глубоко уязвила людей различных политических убеждений от Н.М.Карамзина, «подавшего 17 октября 1819 г. особую записку государю, до членов зарождавшихся тогда тайных обществ, из которых позднее вышли декабристы»[21]. При этом недоумевали не только носители имперского сознания, но и явные противники территориальной экспансии России, среди которых был и отец известного славянофила А.И.Кошелева – И.Р.Кошелев[22].

Период мирного развития Польши до начала 1860-х гг. был благоприятен для разрушения в мировидении дворянства негативного образа поляка-врага. Благотворными были связи польских и русских деятелей культуры. В изменении

представлений о Польше и поляках в столицах важную роль сыграла деятельность польской интеллигенции, особенно писателей, издателей и журналистов, стремившихся регулярно знакомить русскую читающую публику с классикой и новинками польской литературы, с новостями культурной жизни Польши. Пользуясь близостью к правительственным кругам, Ф.В.Булгарин сознательно стремился разрушить образ поляка как вечного бунтовщика, анархиста и революционера. В аналитической записке для III отделения, выделяя «врожденную любовь» поляков к отечеству и народности, он подчеркнул «рыцарский, воинственный» характер народа, в силу которого тот склонен «повиноваться Царю-воину», отсутствие в нем кровожадности, привязанность к дворянскому достоинству. Хотя народ и легковерный, но, при нежном и вежливом обращении, удивительно мягкий. Резюме духа и характера польского народа, по Булгарину, выглядит вполне безобидно: «Поляки – северные французы: народные цвета, песенки и прокламации – вот их нравственная пища»[23].

В провинции немалую роль в преодолении стереотипа поляков в представлениях и образованного общества, и простонародья играли польские ссыльные.

В верхних слоях общества образ врага стремительно разрушался, уступая место более реалистическим представлениям. Уже в феврале 1838 г. Е.Головин писал в Варшаву Паскевичу, что в Петербурге «между высшими сословиями господствует ощутительная симпатия к полякам и особливо между женским полом»[24].

Значительно менее ясны представления необразованного большинства о поляках. И.В.Созин справедливо отметил, что о мироощущении простых людей XVIII-XIX вв. мы имеем очень скудные сведения[25]. Думается, события Смутного времени, в числе которых борьба с поляками заняла важное место, сохранились в народной (но не в исторической) памяти значительно слабее, чем это представляется историкам и публицистам. Во всяком случае, исследователь исторической памяти крестьян XIX в. А.В.Буганов утверждает: «Чаще всего предания Смутного времени в общей форме повествуют о борьбе с «панами», «литовцами»[26]. При этом «паны» не всегда для крестьян имели этническую окраску, а ассоциировались с разбойниками, шайки которых в первой четверти

XVII в. не раз разоряли русский север. Баталии русских воинов с поляками, участвовавшими в наполеоновских походах, и в польско-русской войне 1831 года, судя по фольклору, в частности историческим песням, отнюдь не привели к формированию образа врага в народном сознании. Нет в исторических песнях и уничижительного восприятия противника. На первом плане в произведениях, созданных в солдатской среде, трудности и невзгоды, выпадающие на долю воина. В них подчеркивается упорный и кровопролитный характер сражений, как в 1813 г. при переправе русских войск через Вислу, так и в 1831 г.[27] Более того, участие поляков во вторжении армии Наполеона в Россию вызывает в песне «Похвалялся [вор]-француз» даже сочувствие, когда французский император заявляет:

Запружу я речку Березу
Своим польским табуном;
Запружамши речку Березу,
Словно по мосту пройду[28].

Рассказывая об отношении народа к теплому приему дворянами и чиновниками пленных из многонациональной армии Наполеона, Д.Н.Толстой писал: «Крестьяне наши и окрестные смотрели на это без всякого чувства злобы, хотя и признавали их «нехристями», но сочувствовали их бедствиям и оправдывали их тем, что «они люди ***невольные*** (*выделено мной – А.К.*): не сами пришли, Бонапарт привел...»[29].

В глазах необразованных слоев общества образ поляка выделяется из туманных представлений об иностранцах, как прежде образ французов, англичан и немцев, не ранее 1831 г. Летом этого года в народе фигура поляка приобретает зловещие очертания: заговорщик, бунтовщик, поджигатель, отравитель. Цензор А.В.Никитенко записывает в дневнике: «Народ ропщет и по обыкновению верит разным нелепым слухам, как, например, будто доктора отравляют больных... Кричат против немцев лекарей и поляков, грозят всех их истребить»[30]. Весной 1833 г. в Петербурге распространялись слухи о заговоре поляков против царя. По утверждению графа А.Ф.Орлова, «русские всегда нерасположенные к полякам, в то время почувствовали в себе пробуждение народной ненависти ко всему носящему польское имя». Поляки опаса-

лись даже появляться на улицах, «народ, так сказать, стерег их»[31]. А по Москве в то же время гуляли слухи о новом «возмущении» в Варшаве[32]. Однако в условиях мирного развития Польши в народном сознании негативные представления о поляках быстро тускнели, а в регионах, где отсутствовали сколько-нибудь интенсивные этнические контакты русских с поляками, крестьяне не могли четко идентифицировать последних. В этом плане показателен слух, ходивший летом 1863 г. в северной столице о крестьянах, избивших под Симбирском пятерых чиновников, принятых ими за злокозненных поляков[33], что было более, чем символично: поляки, так же как и немцы, евреи, доктора, студенты, чиновники, помещики воспринимались крестьянами как «чужие». Отторжение поляков происходило не только по линии этноконфессиональной («нехристи»), но и социокультурной – «господа», «баре», «паны».

Вместе с тем полонофобия, проявлявшаяся в начале 1830-х и начале 1860-х гг., не имела глубоких корней в народе. При отсутствии устойчивого стереотипа поляка в массовом сознании крестьянства, полонофобия опиралась на социально-психологический механизм боязни неясного, таинственного врага, который опасен своим коварством и скрытностью. Поэтому холера и пожары объяснялись происками враждебных России сил, в том числе и поляков. Но в народной среде полонофобия актуализировалась лишь в периоды острых межнациональных конфликтов. Так, во второй половине 1840-х гг. в провинции ни горожане, ни крестьяне не указывали следователям на поляков как организаторов поджогов. В «поджигателях» видели «злоумышленников» и «каких-то иностранцев». Напротив, в начале 1860-х гг. убеждения, что поляки поджигают города получили распространение не только в среде простонародья, но и в образованных слоях общества. Приичем это представления распространялись первоначально в низших слоях петербуржцев, а затем, по мере развития революционных событий в Польше, овладели и образованными слоями общества. А.В.Никитенко, тщательно фиксировавший слухи и среду их распространения, еще в мае 1863 г. скептически относился к обвинению поляков в поджогах, но позже настолько в этом уверился, что при получении известия о задержании поджигателей-

русских испытал чувство глубокого разочарования: «Горько, если это правда». А месяц спустя, в октябре 1864 г., он вновь в растерянности пишет: «Неужели это правда, что пожарами потешаются наши нигилисты, а не поляки, которым это сначала приписывали»[34].

Образ врага, реанимированный правительственной пропагандой в 1863 г., однако, не приобрел такого всеобъемлющего характера, как в 1831 г., и уж тем более далеко не все образованные люди обвиняли в пожарах поляков. Все же такие представления получили широкое распространение. Об этом писал жене, упоминая о пожаре в Царском Селе, Ф.И.Тютчев: «ясно, что все это дело случая и что поляки тут ни при чем. Но никто этому не поверит, и поляки первые приписывают себе эту честь»[35]. Следует отметить, что в закрепление образа врага свой существенный вклад внесли и польские повстанцы, прежде всего своей тактикой партизанских действий, террора, в том числе против мирного населения, а также территориальными притязаниями и консервативностью социальной программы, которые не могли быть одобрены либерально настроенными кругами русского общества.

В крестьянской среде, вероятно, негативные настроения так и не переросли в устойчивый стереотип поляка. 6 октября 1864 г. А.В.Никитенко фиксирует в своем дневнике со слов директора департамента сборов В.М.Маркевича, вернувшегося из провинции, отношение простого народа к ссыльным полякам: «Сначала он дико смотрит на них и негодует, что к ним посылают этих «изменников». Но так как эти «изменники» хитры и по наружности ведут себя неукоризненно, то скоро ненависть к ним уступает место самому радушному и ласковому обращению»[36]. Так личный опыт разрушил образ врага и способствовал появлению в народной среде более адекватных представлений о польском народе.

---

[1] *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XVII – XVIII вв. М.,1973. С.333.

[2] Дневник поручика Васильева. СПб.,1896; Журнал генерал-майора и кавалера П.Н.Кречетникова. М.,1863; *Кречетников М.Н.* Дневные записки о движении и действиях войск русских в Великом княжестве Литовском и Польше в 1792 г. М.,1863.

[3] *Кречетников П.Н.* Журнал... С.132-133,154.
[4] ГА РФ. Ф.1165. Оп.3. Д.37. Л.2,6; Д.38. Л.2.
[5] Письма А.Я.Булгакова к его брату // Русский архив. 1902. Кн.1. С.49.
[6] *Пушкин А.С.* Переписка. Т.2. С.209.
[7] Письма А.Я.Булгакова... С.50, 59.
[8] Там же. С.72.
[9] *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. СПб.,1896. Прил. к Т.5. С.193.
[10] Там же. С.601.
[11] *Давыдов Д.В.* Воспоминания о польской войне 1831 года // Соч. СПб.,1893. Т.2. С.216,232,328.
[12] *Вульф А.В.* Дневники // Любовный быт пушкинской эпохи. М.,1994. Т.1. С.382.
[13] *Тучков С.А.* Записки. СПб.,1908. С.73,80,112.
[14] *Смирнова-Россет А.О.* Воспоминания. Письма. М.,1990. С.377.
[15] *Тучков С.А.* Записки. С.69,74.
[16] *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал... С.528,537,550, 557.
[17] *Федотов Г.* Певец Империи и Свободы // Современные записки. Кн.50. С.184; *Осповат А.Л.* Пушкин, Тютчев и польское восстание 1830-1831 годов // Пушкинские чтения в Тарту. Таллин,1987.С.52.
[18] Письма Пушкина к Е.М.Хитрово. Л.,1927. С.69,82.
[19] ГА РФ. Ф.109. СА. Оп.2. Д.257. Л.1 об., 3 об.
[20] *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.,1990. С.216.
[21] *Беляев М.Д.* Польское восстание по письмам Пушкина к Е.М.Хитрово // Письма Пушкина к Е.М.Хитрово. С.258.
[22] ОР РГБ. Ф.149. К.2. Д.6. Л.7,8.
[23] Цит.по: *Рейтблат А.И.* Ф.В.Булгарин и Польша // Русская литература. 1993. №3. С.84.
[24] *Щербатов А.* Генерал-фельдмаршал... С.356.
[25] *Созин И.В.* На весах истории // Родина. 1994. № 12. С.19.
[26] *Буганов А.В.* Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М.,1992. С.118.
[27] Исторические песни XIX века. Л.,1973. С.78,80,194.
[28] Там же. С.80.
[29] *Толстой Д.Н.* Автобиография обыкновенного человека // Русский архив. 1912. № 3. С.345.
[30] *Никитенко А.В.* Дневник. Л.,1955. Т.1. С.107.
[31] ГА РФ. Ф.109. Оп.221. Д.1а. С.103-104.
[32] ГА РФ. Ф.109. I экспедиция. 1832 г.Д.1. Л.33.
[33] *Никитенко А.В.* Дневник. Т.2. С.344.
[34] Там же. С.462, 463, 470.
[35] Письма Ф.И.Тютчева к его второй жене // Старина и новизна. Кн.21. Пг.,1916. С.194.
[36] *Никитенко А.В.* Дневник. Т.2. С.467.

Долгих Е.В.

ВОСПРИЯТИЕ ВНЕШНЕГО МИРА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ НИКОЛАЕВСКОГО ВРЕМЕНИ (М.А.КОРФ, Д.Н.БЛУДОВ)

М.А.Корф и Д.Н.Блудов, о которых пойдет речь в настоящей статье, занимали высшие государственные должности, и уже поэтому их представления о внешнем мире заслуживают особого внимания. Дмитрий Николаевич Блудов (1785-1864) был министром внутренних дел, главноуправляющим 2-м отделением собственной его императорского величества канцелярии, председателем Государственного Совета и Комитета министров, президентом Академии наук. Модест Андреевич Корф (1800-1876) был управляющим делами Комитета министров, государственным секретарем, членом Государственного Совета, директором Публичной библиотеки и, наконец, главноуправляющим тем же 2-м отделением собственной его императорского величества канцелярии.

Надо заметить, что и тот, и другой к тому же постоянно оказывались в числе членов секретных комитетов, т.е. среди лиц, обративших на себя внимание императора, и составляли таким образом элиту элиты. Большинство людей этого круга имели реальную возможность путешествовать и видеть «внешний мир» воочию и, что не менее важно, могли читать иностранные газеты и журналы без цензурных препятствий. И Корф, и Блудов получили, как принято говорить, блестящее европейское образование; европейский культурный материал был освоен ими значительно лучше российского допетровского. Вместе с тем, Россия и Европа заполняли для них все пространство человеческой цивилизации[1], прочие страны и континенты служили далеким и весьма условным фоном, подобным театральным декорациям; Европа оставалась единственным собеседником, с которым возможен культурный диалог. Итак, внешний мир для Корфа и Блудова располагался на западе.

Универсум в воззрениях этих сановных бюрократов имеет пирамидальную иерархическую структуру, причем каждый ее

элемент навечно определен и зафиксирован. Общественное мироздание воплощено в государстве.

Поскольку с точки зрения иерархии ценностей смысл общественной пирамиды сосредоточен в ее верхушке, в фигуре, персонифицирующей государственность, постольку и внимание сановных бюрократов обращено на престолы. Вследствие того обозреваемое ими пространство крайне сужено, а время в нем остановлено. Путешествуя по Англии, Франции, Германии, Италии, и Корф, и Блудов видели в городах, прежде всего, средоточение деяний монархов и героев, т.е. средоточие государственного престижа. По этому критерию распределяется «провинциальность» и «столичность» европейских городов и держав: для Блудова Италия – безусловно «историческая» страна, а для более молодого Корфа она уже – провинция, а центр истории перемещен во Францию. Ни Корф, ни Блудов не заметили какой-либо особости, своеобразия европейских обществ, не заметили они также (в отличие, например, от Е.Ф.Канкрина) и промышленной революции: посетив в 1845 г. Лондон, Корф поражается многолюдством и грандиозностью города, но свои впечатления вкладывает в понятную формулу представительности столицы империи[2].

С вершины статичной пирамиды непостижимой ошибкой выглядит для них столь распространившиеся в Европе «идеи» – странные, опасные образования, обладающие признаками одновременно мира духовного и мира материального, как бы монады злого духа: «Впрочем, холера, – рассуждает Д.Н.Блудов в 1831 г., – также, как политические и правительственные болезни нашего времени, кажется, имеет двоякое свойство заразы и эпидемии: они прививаются от людей и как будто носятся в воздухе. Отчего и зачем, это тайна Провидения, которую, может быть, разгадают историки – философы двадцать девятого века»[3]. М.А.Корф связывает «политические эпидемии» и с холерой, и с похолоданием климата[4]. Очевидная аномальность «идей» порождает желание «удачным, решительным ударом» (Блудов) освободиться от них: «Какое решение принять – восклицают честные люди, и что же еще им остается делать во время этой эпидемии революционных идей? – вопрошает Блудов в од-

ной из своих исторических заметок, — ...мы видим, что сейчас во Франции непрерывно возникают все новые преступления и группировки, а также все остальные симптомы грядущего разложения. То, что сегодня говорят о духе революции, мы слышали несколько лет назад по поводу Бонапарта: казалось одинаково опасным как бороться с ним, так и подчиниться ему; ...однако же кое-что было сделано с 1812 года»[5].

Сановные бюрократы могли объяснить себе это судорожное состояние только тем, что «Правительства» вдруг и по неведомым причинам утеряли свое атрибутивное онтологическое свойство — благоразумие («осторожность, твердость и прямодушие»[6] одновременно — обыкновенные черты, присущие официальной государственной деятельности). Глупость «Правительств» делает народы безумными[7]. Поэтому и в любых попытках изменений, предпринимаемых европейскими монархами, сановные бюрократы видели нечто бессмысленное, случайное, опасное, непростительную причуду или бесхарактерную слабость, безвольную «уступчивость». Они вызывают и у Корфа, и у Блудова негодующее непонимание, как потакание злу — причем злу извечному, обманом завлекающему на гибельный путь разрушения миропорядка. Гибкость при таком понимании — это предательство, постыдная сделка. Вся европейская политическая ситуация первой половины XIX в. прочитывалась в категориях соблазна, недаром и понятие, и образ этот так популярен при описании событий во «внешнем» мире. Суждения Корфа или Блудова — это не ответ на вопрос: что вызвало к жизни данное явление? — подобные проблемы не входят в их систему понятий, а морально-оценочные суждения, традиционные для исторической мысли XVIII в. дидактические указания на Добро и Зло, на «урок Истории»[8]. В современных им событиях они угадывали признаки конца Европы, и при том конца «видимого», аналогичного падению Рима под натиском варваров[9]. Многообразие протекания жизни для сановных бюрократов — это разлаженность, несогласие, разупорядоченность, а опасность — однозначный признак ложности. Динамическая система воспринимается ими только как падающая, саморазрушающаяся конструкция.

«Внешний» мир осмысливается по законам мира «внутреннего». На практике это приводит к тому, что на состояние Англии, Пруссии, Франции, Австрии без корректировки переносятся российские реалии. Статусность понимается как «истинный монархизм»; монархия, бывшая для большинства европейских стран формой правления, для Корфа и Блудова олицетворяла и обусловливала весь жизненный уклад страны до мельчайших подробностей. В государстве они жаждали видеть большую патриархальную семью, построенную по законам пост-сентименталистского мифа. А это значительно архаизирует ситуацию первой половины XIX в.; и если наблюдательный и трезвый Корф относит »патриархальный союз подданных с владыками» к достаточно неопределенной «прежней Европе»[10], то добродушный и увлекающийся Блудов переносит его в современность: благоразумный прусский народ умеет чувствовать, что своим счастьем он одолжен доброму королю[11] (это сказано в 1830 г.)

Таким образом, ни Корф, ни Блудов ни в какой форме не ощущали специфики развития Европы и узнавали в ней «испорченную» Россию. Ставшее аксиомой противопоставление России и Запада сводится к чувству «онтологического превосходства» (наш народ — самый монархический, наш Бог — самый правый, наш государь — самый красивый, самый стойкий, самый рыцарский и т.д.)

При этом ущербность внешнего мира не замыкалась внутри его, она воспринималась как агрессивная, покушающаяся на порядок. «...Западная пропаганда все более и более расширяет тлетворные свои крылья над девственною доселе Россиею»[12], — тревожится Корф в 1845 г., с горечью слушая городские разговоры во время длительного отсутствия императора в Петербурге. Поэтому чем далее, тем более нарастает желание отграничить себя от Европы, вынести за пределы России центр негодования, бросить неведомому врагу вызов, служить примером доблести и порядка. Для закрытой системы опасность — признак истинности собственного существования. При этом тяга к злым умыслам со стороны «Запада» явно преувеличивается; в любом суждении Европы (а оно вычитывается в газетах и журналах независимо от их направления, во фразах иностранцев независимо от их

взглядов, в поведении дипломатов) Корф пытается отыскать или злостное искажение, или преднамеренное невежество. Он настойчиво «ищет» Кюстинов и до, и после появления книги знаменитого маркиза, неизменно находит в статьях «массу вздора» и «непонимания России»; те сочинения, которые удостаиваются его одобрения, являются весьма прозрачной утопией места, помещенной в Россию. Постулирование себя в качестве образца требует постоянной оглядки на внешний мир, обостренного внимания к его мнению. Всечасное ожидание зла от порочного «Запада» порождало стремление предупредить, предохранить, отвратить исходящий от него дисгармонирующий звук. Кроме того, пирамидальность мироустройства требовала и молчания Европы: самодержавие с высоты своей правильности имеет право на суждение о всей действительности, действительность же не имеет права на суждение, а тем более на высказывание. Поэтому критика со стороны иностранцев воспринималась с обидой, как продуманное оскорбление.

Революции в Европе в 1830-1831 и 1848-1849 гг. резко усиливают мифологизацию картины внешнего мира. Социальный катаклизм рассматривается сановными бюрократами по законам народно-эсхатологической модели: конец света, страшный суд и полное, необыкновенное преображение реальности. Опустошающее ожидание превращения всех устоев бытия преследует и Блудова в марте 1830 г., и Корфа в марте 1848 г., оба хотят отвлечься или отгородиться от неотступных тягостных мыслей; обычные дела теряют для них свой интерес, оба они замечают, что нет никакого желания и как-то совестно писать о себе и своих заботах. Корф задумывается, будет ли «после нынешних исполинских переломов существовать история, вообще наука и вообще прежнее человечество»[13], к вечному сну, как он полагает, отходит вместе с королями и дипломатия[14]. Он поневоле спрашивает себя — продолжать ли свои занятия, стоит ли? — «страшные вопросы, от которых душа замирает». Первую половину марта 1848 г. в сообщении о европейских событиях звучат апокалипсические ноты: «Посреди превращения древнего мира в новый, разрушения всего, что прежде считалось святым и

заветным, ниспровержения и попрания тронов, властей, присяги, всех условий и основ общественных, — время идет какими-то свинцовыми шагами. Дни, кажется, текут по общему уставу природы, а между тем эти колоссальные события пролагают в них такие грани, как будто человек и человечество прожили вдруг целое столетие». Едва верится, — продолжает Корф, — что все свершилось в три недели, кажется, что уже год мы живем в этом чаду, в этих фантастических превращениях, превосходящих все, что могло привидеться во сне три недели назад[15].

И для Корфа, и для Блудова европейские события 30-40-х гг. — это обращение мира в хаос. Так как порядок может быть только один — это все, что застает человек в каждую минуту его жизни — то любые попытки изменения есть уже потрясение основ мироустройства, их разрушение, начало всеобщего конца. Поэтому ни Корфа, ни Блудова совершенно не интересуют программы радикальных групп, проблема приложимости их к наполненному взаимосвязями и парадоксами обществу. Планы переустройства для сановных бюрократов — лишь случайный, второстепенный факт. Мысль о каком-либо конструктивном, пусть и умозрительном начале во всеобщем конце для них абсурдна. Поэтому революции истолковываются чисто психологически: они представляют собой даже не анархический бунт, а пароксизм темных, жестоких, неуправляемых страстей, направленных «единственно против начала [le principe] владычества», «под видом установления лучшего общественного устройства человек обратился в лютого зверя лишь против — Монархов...»[16] Права представлялись сановникам излишеством, правом на чудачество, мнимой величиной, а потому и борьба за них вырастает в бессмыслицу катастрофического масштаба. «Политическая болезнь якобинизма, — пишет Блудов в августе 1830 г., — как видно неизлечима... Они кажется хотят повторить всю свою прежнюю революцию от 1789 до 1799 года, со всеми ее глупостями, несчастьями и ужасами»[17]. Пустота, нелепость и преступность революционных событий настолько самоочевидны для Корфа и Блудова, что тотальное, не оставляющее лакун возвращение к былому мыслится как простое восста-

новление нормы, тишины и покоя. Прошлое в их видении совершенно свободно от будущих катаклизмов, не связано с ними и не порождает их. У потрясений нет прошлого, они берутся ниоткуда, вдруг прорываясь из затаенной тьмы в человеческих душах. Это прорыв во времени и черная дыра в пространстве. События во Франции или Германии оказываются вселенскими – «почти все человечество» (Блудов), и беспрецедентными в жизни народов – «буря, подобно коей не было примера в летописях человечества» (Корф). Такие события не имеют масштаба, соотносимого с каждодневными интересами государства. Невиданность происходящего определяется взглядом на него как на разрушение отношений властвования вообще, а они в понимании сановников не отличимы от конкретных институтов и лиц. Поскольку именно власть является благой силой, вносящей порядок в хаос мира людей, то она (в ипостаси государства) замещает собой и христианского Бога, который не только сотворил мир, но и сотворил его благим. За моральными, психологическими, модальными категориями, служащими рациональной формой выражения, проглядывает извечная оппозиция света и тьмы. Революции первой половины XIX в. – это жестокая забава злого духа, еще одна его обманчивая личина. Политические новости превращались в драму грандиозной борьбы двух мировых сил – гармоничной и вырвавшийся из-под спуда пагубной. В этой величавой картине тонуло всякое чувство реальности. И Корф, и Блудов сохраняют во всей яркости эсхатологическую модель взрыва, но выворачивают ее наизнанку: совершенный миропорядок уже воплотился в существующем.

После того, как острота восприятия снималась, и Корф, и Блудов пытались осмыслить современную ситуацию в русле популярных в эпоху романтизма рассуждений о таинственности предначертанной свыше судьбы, однако они не могли преодолеть представления о недавних событиях как о страшном, но случайном перерыве размеренного бытия. И точно так же, то есть случайностью происшедшего, мог объяснить себе Корф изумившее его явление – в послереволюционной Германии отсутствуют следы конца света: «Я

был очень любопытен видеть наружность Германии после событий 1848 года и — виденное поразило меня совершенным удивлением: везде то же благочиние, тот же порядок, то же уважение к законам и властям, как бы грозная туча, унеся в излившемся из нее потоке несколько престолов, царств и форм правления, уступила опять место светлому солнцу, и лучи его все тотчас опять высушили и возвратили к прежнему составу. Что таится под этою внешнею оболочкою, каково внутреннее расположение умов, чем беременна близкая, может статься, будущность? Это другой вопрос, но в видимом проезжий иностранец не найдет никакой разницы с прежним...»[18].

В представлениях сановных бюрократов реальные противоречия мира, а также его соотнесение с миром «внутренним», «своим» заменялись давно освоенным представлением о борьбе добра и зла как таковых. Противостоял этой картине мира только здравый смысл, житейское нетеоретизирующее чувство разумного. Он не мог побудить к переосмыслению, однако «отвоевывал» себе минимальное пространство и тем самым создавал лакуну, напряженное поле, которое не позволяло совершенно отвлечься от «неправильной» действительности. Блудов, склонный к художественному типу мышления, легко сочетал разнородное, а потому его миф всегда тяготеет к широте и равномерности. Но Корфа именно здравый смысл заставляет замечать (хотя и не дает возможности объяснить) несоответствие: в упорядоченной России на железных дорогах царят беспорядки и произвол, а в Германии, через два года после катастрофы, — блестящий порядок, возбуждающий благоговение в путешественнике. «Проехав от Гамбурга до Баден-Бадена, — пишет Корф в 1851 г., — я приходил во все большее и большее удивление: поезд отходит и приходит в минуту, везде образцовая вежливость; отдав вещи только счетом, под клочок бумаги, вы находите их целыми хотя бы в самом отдаленном пункте. Завидно, и приходится сознаться, что нам еще очень далеко до такой порядочной честности и такого честного порядка!»[19].

[1] *Блудов Д.Н.* Письма к жене 1831 г. // РГАДА. Ф.1274. Д.1643. Л.46 об.
[2] *Корф М.А.* Дневник за 1845 г. // ГА РФ. Ф.728. Д.1817. Т.8. Л.208 об. –209.
[3] *Блудов Д.Н.* Письма к В.А.Жуковскому //Русский Архив. 1902. № 6. С.347.
[4] *Корф М.А.* Дневник за 1849 г. // Там же. Т.12. Л.162 об. –163.
[5] Мысли и замечания графа Д.Н.Блудова (Из его записной книжки). СПб.,1866. С.41-42.
[6] *Блудов Д.Н.* Письма к жене. 1830 г. // РГАДА. Ф.1274. Д.1642. Л.4 об. –11.
[7] Мысли и замечания графа Д.Н.Блудова // *Ковалевский* Е.П. Собр. соч. СПб.,1871. Т.1. С.273.
[8] *Блудов Д.Н.* Черновики // РГАДА. Ф.1274. Д.2763. Л.57 об.
[9] Там же. Л.54.
[10] *Корф М.А.* Дневник за 1841 г. // Там же. Т.4. Л.198.
[11] *Блудов Д.Н.* Письма к жене. 1830 г. // Там же. Д.1642. Л.11.
[12] *Корф М.А.* Дневник за 1845 г. // Там же. Т.8. Л.236.
[13] *Корф М.А.* Дневник за 1848 г. // Там же. Т.11. Л.157 об.
[14] Там же. Л.179.
[15] Там же. Л.158.
[16] Там же. Л.141.
[17] *Блудов Д.Н.* Письма к жене. 1830 г. // Там же. Д.1641. Л.89.
[18] *Корф М.А.* Дневник за 1851 г. // Там же. Т.14. Л.58-58 об.
[19] Там же. Л.58 об.

Козлов С.А.

ГОЛЛАНДИЯ В РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Многообразные связи России и Голландии в технико-экономической, политической, культурной и других сферах деятельности в последние годы привлекают повышенное внимание как российских, так и нидерландских исследователей[1]. Можно условно выделить две основные причины проявления отмеченной тенденции: исключительно плодотворные конкретные результаты 300-летнего сотрудничества двух ведущих европейских держав и постоянный, живой интерес народов России и Голландии друг к другу. Сегодня, когда наша страна все активнее стремится к интеграции и равноправному сотрудничеству с другими европейскими государствами, а обновляющаяся Европа, в свою очередь, ищет собственное место в современном мире, именно исследования подобного рода приобретают особую значимость, позволяя выявить содержание отдельных этапов формирования общеевропейского культурного пространства, а также определить социокультурные отличия, проявляющиеся у россиян и западноевропейцев на протяжении многих десятилетий и серьезно затрудняющие их межнациональный диалог. Большой интерес вызывает и творческое использование в России XVIII-XIX вв. передового аграрно-промышленного опыта Голландии, ее богатейшего культурного наследия.

Остановимся на характеристике тех особенностей, которые определяли восприятие русскими Голландии, ее истории и культуры в первой половине XIX в. Это был во многом переломный исторический период, когда Россия в условиях разложения и кризиса феодально-крепостнической системы вплотную подошла к отмене крепостного права, стремясь осмыслить и освоить ценнейший хозяйственный, социально-политический и культурный опыт других европейских народов. И Голландии при этом отводилось далеко не последнее место.

Причудливый, разноликий и противоречивый образ Голландии встает из многих российских источников этого периода. Однако содержащаяся в них информация, как правило, отрывочна и зачастую скудна. Поскольку в рамках небольшой работы проведение многофакторного анализа не

представляется возможным, ограничимся рассмотрением двух групп источников по данной теме.

В первую группу входят записки ряда российских путешественников первой половины XIX в. Среди них своей содержательностью и глубиной анализа выделяются сочинения князя Алексея Мещерского, Николая Бестужева и известного филолога, журналиста и писателя Н.И.Греча. Разумеется, записки путешественников носят скорее описательный, чем аналитический характер. Тем не менее, они содержат ценную информацию о быте, нравах, обычаях и характере голландцев, что позволяет взглянуть на жизненный уклад Голландии прошлого века сквозь призму российского самосознания и менталитета.

Вторая группа источников включает в себя экономические описания Голландии, принадлежащие перу российских предпринимателей и экономистов. Эти труды дают возможность значительно расширить наши представления об экономических связях двух стран.

Итак, с конца XYII в. – эпохи форсированных петровских реформ – в России заметно усиливается интерес к передовому аграрно-промышленному опыту Нидерландов. Одновременно идет процесс налаживания равноправных торгово-экономических контактов и связей. Однако на протяжении XYIII в. модернизационный процесс в России развивался крайне неравномерно. На него серьезно влияли и смена представителей династии Романовых на российском престоле, и различные культурные ориентиры правящей элиты, и глубокий культурный раскол «низов» и «верхов» российского общества в результате петровских преобразований. В начале XIX в. в среде столичного дворянства и высшей знати было сильно такое явление, как галломания, а в среде российских помещиков-рационализаторов, напротив, явно неоправданное увлечение английским «фермерством» – попытки создания рациональных хозяйств западноевропейского типа[2].

В этих условиях интерес к Голландии в российском обществе несколько снизился. Так продолжалось до событий, связанных с Отечественной войной 1812 г. и борьбой русских войск с Наполеоном Бонапартом в Западной Европе. Перелом произошел после активного участия русских войск в освобождении и восстановлении независимости Нидерландов в 1813 г.[3]

После этих событий усиливается интерес голландцев и русских друг к другу. В конце 1813 г. в Амстердаме издается на голландском и русском языках учебник-разговорник «Пособие, чтобы хорошо понимать русского и казака», а голландский писатель и историк Схелтема выпускает две книги, посвященные историческим связям России и Нидерландов.

В 1821 г. появляется сочинение Николая Бестужева «Записки о Голландии 1815 года», в котором содержится подробное описание быта, нравов и обычаев голландцев, а также их городов Роттердама, Гааги и др.

Через два года при участии Вольного экономического общества в России выходит переводная работа – книга бывшего помещика во Французской Фландрии Дешерфа «Фландрское сельское хозяйство в нынешнем его состоянии». Главной целью книги было знакомство россиян с высокоразвитым земледелием во Фландрии. Характерна уже первая фраза этого сочинения: «Мало есть в Европе народов, которые так рано отличились в сельском хозяйстве, как нидерландцы»[4]. Автор отмечает во «Введении», что он опирается на многолетнюю хозяйственную практику целой нации. Книга содержала подробное описание полного сельскохозяйственного цикла во Фландрии; при этом подчеркивался рациональный характер хозяйства и отличное состояние местных дорог. К книге Дешерфа прилагалось и краткое практическое наставление для новых поселенцев и колонистов, рассказывалось об успехах нидерландской земледельческой колонии в Моравии.

В 20-х гг. XIX в. в России активно создается система военных поселений. Не исключено, что выход сочинения Дешерфа в это время был не случаен, ибо именно организации, дисциплины, рациональности (разумеется, с учетом необходимости отмены крепостного права и формирования новых собственнических отношений) и не хватало российскому сельскому хозяйству для его коренного усовершенствования.

В 30-50-х гг. XIX в. в условиях нараставшего кризиса феодально-крепостнической системы России заметно усиливается интерес отечественных предпринимателей к аграрно-промышленному опыту Голландии, особенно в области развития льнополотняной промышленности. Здесь обе страны уже выступали как конкуренты на внешних рынках Европы. На страницах ряда отечественных экономических изданий

(«Журнала министерства государственных имуществ», «Журнала сельского хозяйства» и др.) появляются работы, касающиеся различных отраслей сельского хозяйства и промышленности Голландии.

Какие же стороны голландской жизни привлекали особое внимание российских путешественников и предпринимателей дореформенной эпохи?

Во-первых, буквально все авторы отмечают чрезвычайную чистоту голландских улиц и внутренних помещений – так, например, Николай Бестужев обращает внимание на мостовую Роттердама, «на которой не видно ни соринки»[5]. «Вся Голландия не что иное, как парк опрятного владельца, – подчеркивает князь А.Мещерский. – Даже игра маленьких крестьянских детей заключается в том, что они беспрестанно моют, чистят и метут»[6]. Уважение и восхищение русских авторов вызывала также необычайная чистота и опрятность голландцев в области содержания скота, изготовления сыра и масла, при хранении продуктов, и особенно содержания хозяйственных дворов и дорог[7]. Подобные порядки, как отмечали многие авторы, резко контрастировали с неприглядным отечественным хозяйственным бытом[8].

Во-вторых, россиян привлекали хорошо отлаженный хозяйственный механизм и рационализация труда в Голландии, в частности, строго регламентируемый сельдяной промысел[9].

В-третьих, все авторы отмечают силу духа и огромное трудолюбие голландского народа. Так, Н.Бестужев, описывая освободительную борьбу семи голландских провинций против Филиппа II и герцога Альбы, пишет, что «твердые духом голландцы, стоя одной ногой в воде, теснимые войсками Филиппа, должны были избирать или пламень костров, или море. – Нечего было делать: надобно было победить природу, чтобы противостоять людям»[10]. «Здесь-то, согнанные с лица земли, – заключает Н.Бестужев, – голландцы показали свету, к чему способно человечество, и до какой степени может вознестись дух людей свободных», что и позволило Голландии встать в ряд сильнейших государств Европы[11].

В качестве черт национального характера отмечаются также: спокойствие, любовь к семейной жизни, «ненависть к несправедливости и мятежу», пунктуальность, верность старым обычаям, а также патриотизм и набожность. Обращают на се-

бя внимание необычайно интересные описания традиций голландского населения той эпохи.

Так, например, А.Мещерский отмечал, что «более всех народов они любят русских и германцев; последних за их строгую точность в торговых делах, а первых – за их твердость и душевную силу; но с нами, – пишет он, – они осторожнее, потому что боятся нашего тонкого ума и проницательности»[12]. Удивляли русских путешественников и такие особенности, как отсутствие нищих в Голландии, добросовестность и бескорыстие голландского правосудия (в России в это же время буйно расцветала коррупция), а также необычайная дешевизна продуктов. Так, в 1815 г., по свидетельству Н.Бестужева, всего за два гульдена можно было получить ночлег, чай утром и вечером, и обед. Высокую оценку получили у авторов-мужчин и достоинства голландских женщин. «Мужчины тихие, вялые, медленные, но учтивые, – писал Н.Греч. – Женщины прекрасные. Не все красавицы, но все миловидны, ласковы, одеты чисто и изящно»[13]. Наконец, отмечаются отличные отношения, сложившиеся между простыми голландцами и русскими солдатами в 1813-1815 гг. («Добрые русские привязали к себе всех жителей» – Н.Бестужев), а также отрицательные для Бельгии последствия ее отделения от Нидерландского королевства.

В-четвертых, отметим интерес россиян к таким сторонам голландской действительности, как усовершенствования в области сельского хозяйства и промышленности. Здесь необходимо выделить труды видных российских рационализаторов Е.С.Карновича и А.П.Заблоцкого-Десятовского. Особенно интересовала их высокоразвитая льняная промышленность Голландии[14].

Привлекала к себе отечественных предпринимателей и деятельность многочисленных сельскохозяйственных обществ (особенно основанного в 1847 г. Голландского общества сельского хозяйства), а также разнообразные хозяйственные опыты и усовершенствования выдающегося нидерландского рационализатора барона Слета Ольдгюйса[15]. Есть сведения о том, что в России с успехом использовался с 30-х гг. прошлого века опыт Клейн-Роопской земледельческой колонии близ Риги.

В-пятых, наблюдался живой интерес россиян к голландскому искусству, в частности, к живописи и архитектуре. Особенно восхищали их полотна Рубенса и знаменитый орган в Харлеме[16]. В то же время дошедшие до нас характеристики памятников культуры Голландии первой половины XIX в., как правило, не отличаются глубиной и содержательностью.

Отмечается в российских источниках дореформенной эпохи и ряд отрицательных сторон голландской действительности тех лет. Например, в сочинении Н.Бестужева говорится о недоверчивости, скупости и эгоизме местных жителей. «Мелочная точность голландская видна на каждом их шаге, – пишет он, – иногда она хороша, иногда смешна. Например, мясник не рубит костей, а пилит их, чтобы не пропадал для него вес в крошках, летящих из-под топора, и чтобы в супе не оставалось костяных крошек – это хорошо, но то для меня весьма забавно, что голландцы чай пьют с толченым сахаром, чтоб вернее меру сахару положить ложкою»[17]. Впрочем, сам автор обьясняет нелицеприятные стороны характера голландцев их сложной исторической судьбой, прежде всего периодом междоусобиц и 20-летним игом французов, в результате которого голландцы сохранили доброту, миролюбие, терпение и хладнокровие, но научились «надевать маску услужливости», усвоили легкомыслие французов, стали скупее и корыстнее[18]. Практически все русские отмечали обособленность, индивидуализм и эгоизм голландцев. «Дом голландца есть неприступная крепость, – пишет Н.И.Греч, – в которую имеют вход только близкие родственники и короткие друзья. Эти затворнические хоромы походят на укромные гаремы ревнивого Востока. Там всегда тихо, чинно, благонравно – но, как я думаю, должно быть до крайности единообразно и убийственно скучно»[19]. «Во всем порядок, довольство, опрятность, но в то же время отдельность, недружелюбие, эгоизм. Всяк за себя, а Бог за всех – говорят голландцы... Все чисто, мило, порядочно благообразно в Голландии, – заключает Н.И.Греч, – но, мне кажется, я не мог бы жить с этими честными, почтенными и образованными людьми. Рыбья кровь – красная, но холодная!»[20]

Таким образом, практически все стороны голландской жизни, отнесенные нашими соотечественниками к разряду отрицательных, были обнаружены ими не в сфере матери-

ального производства, а в области традиционной культуры, обычаев и особенностей национального характера жителей Голландии. Во многом такой подход обьяснялся различием исторического пути, пройденного обеими странами, а также различным соотношением «удельного веса» общинных, коллективистских традиций и представлений и личного, деятельного, индивидуального начала в структуре менталитета россиян и голландцев той эпохи.

Рассматривая первую группу источников – записки русских путешественников, необходимо отметить внимание их авторов к проблеме гуманизма. В свое время В.В.Зеньковский в «Истории русской философии» высказал мнение о том, что в русском гуманизме, тесно связанном с масонством, существенную роль играли чисто моральные мотивы[21]. Отсюда исследователь выводил связь между отечественным гуманизмом XVIII в. и русской публицистикой XIX столетия. Записки русских путешественников последних предреформенных десятилетий эту связь подтверждают. Все они написаны в русле просветительской традиции. Записки не только информировали, но и воспитывали читателей.

Приведем характерный пример. Во многих записках россиян о Голландии XIX в. отмечаются достоинства местной системы исправительных наказаний. Так, в сочинении А.Мещерского значительное внимание уделяется описанию тюремных заведений. Мещерский подчеркивает, что именно в Голландии «родилась мысль занимать узников работою», и там же Уильям Пенн, чье имя носит ныне американский штат Пенсильвания, «почерпнул первое понятие о влиянии трудолюбия на нравственность».

Отметим также и интерес россиян к деятельности благотворительного общества в Гааге, основанного в 1818 г.

Н.И.Греч отводил важное место и описанию так называемых «колоний бедных», созданных по предложению генерала Ван дер Босха вначале в провинции Дренте, а затем в Виллемсоорде и Фредериксоорде. В состав колонистов при этом входили исключительно неимущие и сироты, которым оказывалась правительственная помощь. Высоко оценивал он деятельность штрафной колонии в Оммерсхансе по перевоспитанию колонистов, развитию земледелия и ремесла, подчеркивая, что этот опыт «попечения о бедных и нищих» необ-

ходимо использовать и в других европейских странах. «Последствия попечений о бедных и нищих для благосостояния городов и нравственности их жителей неисчислимы», — заключает Н.И.Греч[22]. Следует отметить, что в России учреждений подобного типа, включая земледельческие колонии для неимущих, до реформы 1861 г. не существовало.

Таким образом, традиции публицистического освещения, заложенные еще в эпоху Просвещения, в первой половине XIX в. немало содействовали становлению диалога между Россией и Голландией, а знакомство с передовым голландским опытом в области совершенствования и гуманизации исправительной системы вплотную подводило русского читателя к выводу о необходимости коренного преобразования подобной системы и на родине.

Тем самым записки продолжили достойную традицию «Писем русского путешественника» Н.М.Карамзина, положивших начало самостоятельного, а не подражательного освоения богатейшего опыта западноевропейских стран.

Таким образом, российские источники первой половины XIX в. содержат незначительное количество нового фактического материала, касающегося развития производительных сил Голландии в этот период.[23] Однако возникающий на их страницах живой и выразительный образ Голландии позволяет нам понять истоки многих культурных различий между нашими странами, накладывающих существенный отпечаток и на развитие деловых отношений.

В частности, можно сделать вывод, что для российского восприятия голландской действительности было характерно ее рассмотрение сквозь призму национального своеобразия, т.е. неповторимости любой национальной культуры. Напротив, этика голландцев того времени (как и современная этика жителей Западной Европы), по-видимому, уже начинала отдавать предпочтение принципу универсальности, нежели первоначальному своеобразию. Здесь проявилось как влияние этики Французской революции и просветителей, так и воздействие товарно-денежных отношений на формирование рационалистического мировоззрения жителей Нидерландов с резко выраженными чертами индивидуализма и частной инициативы.

Каковы же дальнейшие пути исторического и социокультурного исследования российско-голландских отношений? В настоящее время активно разрабатывается ряд новых методик изучения этой сложной проблемы. Представляется весьма перспективным использование в этих целях теоретических разработок А.С.Ахиезера и Г.Хофстеде[24], что открыло бы возможность проведения сравнительного историко-культурного анализа российского и голландского менталитетов, включая и деловую этику.

Необходимо отметить, что разработка данной проблемы на конкретном материале российско-голландских экономических и культурных связей XIX-XX вв. имеет не только научное, но и прикладное значение. Недооценивание различий в национальном менталитете отрицательно сказывается на развитии современного торгово-экономического сотрудничества между Россией и Королевством Нидерландов, а также на понимании предпринимателями обеих стран позиций друг друга. Сравнительное изучение российско-голландских связей прошлого позволит понять причины многих сложностей, возникающих между представителями во многом отличных друг от друга европейских культур.

В настоящее время в Российской академии наук осуществляется международный междисциплинарный научный проект «Русская культура в мировом контексте», частью которого является самостоятельная программа – «Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков»[25]. Одним из важных и перспективных направлений научного исследования этой сложнейшей проблемы должно стать комплексное, – с участием не только историков, но и филологов, литературоведов и культурологов, – изучение образа Голландии в русской культуре XIX столетия. Подобное исследование даст возможность еще лучше понять как сходство, так и различие культур России и Голландии, их постоянный и исключительно плодотворный для обеих сторон историко-культурный диалог.

[1] См., напр.: Россия и Голландия: 300 лет сотрудничества. Тезисы межд. научно-практической конференции. М.,1995.

[2] *(Ростопчин Ф.В.)* Плуг и соха, писанное степным дворянином. М.,1806. С.5 и др.

[3] *Рогинский В.В.* Россия и освобождение Нидерландов от наполеоновского господства // Новая и новейшая история. 1985. № 5. С.45-61.

[4] *Дешерф.* Фландрское сельское хозяйство в нынешнем его состоянии. СПб.,1823. С.1.

[5] *Бестужев Н.* Записки о Голландии 1815 г. СПб.,1821. С.4.

[6] *Мещерский А.* Записки русского путешественника: Голландия, Бельгия и Нижний Рейн. М.,1842. С.192.

[7] Там же. С.116 и др. Ср.: *Лосский Н.О.* Характер русского народа. М.,1990. С.52-55.

[8] *Мещерский А.* Указ.соч. С.192 и др.; *Греч Н.* Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии. СПб.,1847. С.63 и др.

[9] *Бестужев Н.* Указ.соч. С.7.

[10] Там же. С.16.

[11] Там же.

[12] *Мещерский А.* Указ.соч. С.174.

[13] *Греч Н.* Указ.соч. С.55.

[14] См. также: О состоянии льняной промышленности в Германии, Голландии, Бельгии, Франции и Великобритании. СПб.,1848.

[15] См.: Обзор сельскохозяйственных учреждений в Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Германии и Италии. СПб.,1866. С.194-303.

[16] *Греч Н.* Указ.соч. С.130 и др.

[17] *Бестужев Н.* Указ.соч. С.38.

[18] Там же. С.48.

[19] *Греч Н.* Указ.соч. С.64.

[20] Там же. С.64,66.

[21] *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т.1. Ч.1. 1991. С.107.

[22] *Греч Н.* Указ.соч. С.129. См. также: Die hollandischen Armenkolonien von Adalbert Freiherrn von Buol-Bernberg. Wien,1853

[23] См.: *Griffiths R.T.* Industrial Retardation in the Netherlands 1830-1850. Gravenhage,1979; *Van Zanden Y.L.* De economische ontwikkeling van de Nederlandse landbouw in de negentiende Eeuw. 1800-1914. Wageningen, 1985.

[24] См.: *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. М.,1991. Т.1; *Hofstede G.* Cultures and Organisations: Software of the Mind. L.,1991.

[25] *Вафа А.Х.* Международный научный проект "Русская культура в мировом контексте" (История. Литература. Искусство. Философия. Религия. Народное творчество) // Россия и современный мир. Проблемы. Мнения. Дискуссии. События. М.,1995. Вып.2. С.252-256.

Кудюкина М.М.

ЗАПАД В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В КОНЦЕ 1920-х ГОДОВ

В послереволюционный период официальная советская пропаганда уделяла большое внимание международным вопросам. Формирование представлений о внешнем мире, о врагах и союзниках СССР считалось необходимым условием политического воспитания масс. В этой связи несомненно представляет интерес проблема, насколько эффективной была эта работа, удалось ли создать адекватную «картину» мира, внедрить выгодные власти стереотипы в массовое сознание. Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассматривать не только организацию и содержание пропаганды, но и восприятие, осмысление получаемой информации населением, выявить по мере возможности, какое представление о внешнем мире складывалось не у политической и интеллектуальной элиты, а у обычного «маленького» человека.

Большинство населения страны в то время составляло крестьянство. Изучение взглядов крестьян на внешний мир интересно не только с чисто научной точки зрения, но еще и потому, что в конечном итоге большинство представителей советской политической структуры среднего и низшего уровня имело крестьянские корни. Миграция населения из деревни в города привела к формированию значительного крестьянского пласта в так называемой городской культуре.

Источники, позволяющие выявить представления о внешнем мире сельских жителей России в 1920-е гг., многочисленны и разнообразны. Часть из них исходит непосредственно от крестьян: письма в различные газеты и центральные органы управления, крестьянские наказы, фольклор, протоколы и стенограммы заседаний органов управления от сельсоветов до съездов советов разных уровней.

Другой значительный комплекс источников составляют обследования, сводки и обзоры настроений населения, выполненные по заказу центральных органов советской власти и ВКП(б). Особый интерес для изучения данной проблемы представляют сводки, составленные в связи с «военной опасностью» 1927 г.

Сравнительно много данных о настроениях крестьян содержится в документах, отражающих «взгляд со стороны» на деревенскую действительность. Это отчеты советских и партийных работников, посланных в командировки для проведения тех или иных кампаний, их письма, содержащие характеристику общественно-политической ситуации, статьи корреспондентов о жизни деревни и т.д.

Сложность научной обработки этих разнообразных источников, как и большинства документов, отражающих проблемы массового сознания, заключается в их субъективности, политической заданности отбора первоначального материала, отрывочности. Представляется, однако, что сопоставление разнородных документов все же позволяет воссоздать достаточно достоверную картину восприятия крестьянами внешнего мира.

Прежде чем говорить о том, каким воспринимали Запад крестьяне, необходимо сказать – хотя бы очень коротко – откуда они получали сведения. Основным источником информации, конечно, служили газеты. Однако далеко не всегда они были доступны крестьянам. Не говоря уже о том, что уровень грамотности в 1920-е гг. был низким, газеты до мелких населенных пунктов нередко просто не доходили совсем или поступали с большим опозданием. Докладчики из городов также, как правило, выступали лишь в деревнях, где были сельсоветы. Крестьяне Костромской губ. в 1928 г. жаловались, что «не осведомлены о международном положении, не получаем целыми годами соответствующих докладов и разъяснений... Газеты приносятся в сельсовет, который обслуживает 12 селений в радиусе пяти верст... Просим нашу центральную власть, не найдется ли возможность сделать распоряжение периодично разъяснять нам о международном положении»[1]. В этих условиях информация о внешнем мире часто поступала из вторых рук, когда последние новости обсуждались во время поездок крестьян на рынок, разговоров с горожанами-отпускниками, демобилизованными красноармейцами, получавшими представление о международном положении на политзанятиях. Ничего удивительного, что в условиях, когда для многих крестьян внешний мир начинался не за границами страны, а за околицей деревни, информация часто искажалась, порождала массу слухов, осмыслива-

лась с точки зрения уже имевшихся у крестьян представлений, включавших в себя и историческую память, и опыт предшествующих лет. Например, Политуправление Красной Армии постоянно подчеркивало, что новобранцы, большинство которых составляла деревенская молодежь, имели весьма смутное представление о последних международных событиях, хотя и интересовались ими[2].

О существовавшем в деревне интересе к вопросам международной политики в 1920-е гг. писали и сами крестьяне («Разговоры на политические темы ведет не только молодежь, но и бородачи интересуются событиями в Китае, говорят о Чемберлене и Чан Кайши»[3]), и приезжавшие в деревню журналисты, партийные и советские работники. Этот интерес часто стимулировался и провоцировался целеустремленной политикой партийных и культурно-просветительных организаций, нередко отдававших предпочтение заслушиванию докладов о международном положении ведению повседневной практической работы.

Все же интерес крестьян к международным делам был неглубоким, так как не затрагивал их жизненных интересов. Резолюции по докладам принимались часто без обсуждения, вопросов задавалось немного, и они в первую очередь касались угрозы войны, внешней торговли и выплаты СССР царских долгов западным странам, т.е крестьян интересовало именно то, что как-то могло повлиять на возможности развития хозяйства. Об этом же свидетельствует и анализ крестьянских писем. Например, из 739 писем, полученных «Крестьянской газетой» во второй половине 1926 г., только в 32 говорилось о международных делах в связи с ожиданиями войны[4].

Так как первоначальную информацию, позволявшую крестьянам судить о международных делах, поставляли в первую очередь газеты, то и представления о внешнем мире, интерес к тем или иным событиям за границей СССР во многом зависел от насыщенности и политической направленности прессы.

В связи с укреплением международного положения СССР в середине 20-х гг. газеты большое внимание уделяли описанию передового хозяйства западных стран. Эти материалы создавали у крестьян представление о совершенно ином

уровне жизни по сравнению с Россией, когда в доме у любого американского крестьянина «чисто, есть пианино, скрипка, много употребляют мяса, эти крестьяне гораздо богаче наших буржуев»[5]. Рассказы о немыслимом для российского крестьянина богатстве, о «счастливых странах» вопреки замыслам авторов подобных публикаций приводили не к желанию создать подобное хозяйство в России, а, скорее, к стремлению эмигрировать. Так, прочитав в газете «Правда» описание Дании, «группа сибирских крестьян, самая культурная и старательная в своем селе, решила незамедлительно переселиться в эту Данию, хотя бы с тем, чтобы жить там в батраках»[6].

Своеобразным отражением представлений крестьян о богатстве западных стран стало распространение убеждения, что этот уровень жизни формируется, помимо прочего, и за счет российского крестьянства, изъятия у него хлеба для продажи за границу: «В Англии нашей рожью с сахаром откармливают скот»[7].

Рассуждения о необходимости использования иностранных специалистов для развития промышленности и передового сельского хозяйства в свою очередь породили настроения о готовности Запада оказать помощь СССР. По свидетельству П.А.Заломова, побывавшего в деревне в начале 1925 г., «об иностранцах сложилось у некоторых самое нелепое представление как о благодетелях, которые спят и видят, как помочь русскому крестьянину, а советская власть не позволяет»[8].

В то же время постоянное подчеркивание классовых противоречий, противопоставление «безумной роскоши», духа наживы «расфранченной черни империалистической цивилизации»[9] тяжелому положению пролетариата не могло не создать впечатление о капиталистических странах как о мире, раздираемом внутренними противоречиями, стоящем на грани революции.

Пропаганда международной солидарности пролетариата, постоянная публикация материалов о революционных настроениях в Европе естественно приводили к переоценке революционного потенциала западного пролетариата, ожиданию скорой мировой революции и недоумению, почему не принимаются меры для ее ускорения. Документы свидетель-

ствуют, что многие сельские партячейки после прослушивания докладов об экономическом положении Европы выносили резолюции типа: «Принимая во внимание наличие кризиса и предпосылку к революции, просить Коминтерн объединить мировой пролетариат и скорее свергнуть мировую буржуазию»[10].

Уверенность в заинтересованности Запада положением дел в СССР сосуществовала, а во второй половине 20-х гг. активно вытеснялась представлением о солидарности мирового пролетариата, которое было свойственно не только коммунистам. Это, скорее, было самым распространенным убеждением, которое в середине 20-х гг. крестьяне, да и не только они, всерьез не пытались оспаривать. Резолюции различного рода крестьянских собраний о солидарности с бастующими горняками Англии, жителями колоний, революционным Китаем, с коммунистами западных стран, боровшимися против фашистских и полуфашистских режимов принимались повсеместно и далеко не всегда были навязаны крестьянам решением сверху.

Косвенным доказательством веры населения в действенность рабочей взаимопомощи может служить попытка оказать давление на советское правительство, апеллируя к мировому пролетариату: «Тов. Молотов, если вы не примете меры, то мы, беднота, будем писать за границу письма, и пущай заграничный пролетариат читает, как нам здесь беднякам живется»[11].

Интерес крестьян к международной обстановке резко повысился в начале 1927 г. В январе проходила XV московская партконференция, выступая на которой, Н.И.Бухарин подчеркнул враждебность стран Запада и заявил, что «у нас нет гарантий, что на нас не нападут. Борьба между нами и империалистами перешла в более высокую фазу, чем раньше»[12]. Еще более определенно высказался К.Е.Ворошилов: «Мы не должны забывать, что находимся накануне войны, и что война эта далеко не игрушка»[13]. Военные ожидания, спровоцированные этими выступлениями, выявили те проблемы, которые больше всего волновали крестьян, и позволяют расширить представление о восприятии Запада в массовом сознании. Крестьян в этот период в первую очередь интересовало, кто станет главным противником СССР в предстоя-

щей войне, причины войны, сравнение боеспособности воюющих армий, позиция мирового пролетариата в войне.

В полном соответствии с официальной пропагандой того времени основным врагом СССР представлялась Англия: «Английское правительство в лице Чемберлена, Болдуина и Черчилля, как псы, сорвавшиеся с цепи, хотят задушить ход нашей социалистической революции»[14], — говорилось в одной из типичных резолюций. В то же время представление о потенциальном противнике часто было достаточно расплывчатым: конкретная страна или не называлась совсем, или упоминались такие страны как Польша, Литва (в основном в западных районах СССР), страны, которым СССР не выплатил царские долги, или просто «западные империалисты», «капиталистический мир». Характерно, что в перечне потенциальных противников практически никогда не встречалась Германия.

СССР, как правило, рассматривался как объект нападения. Вслед за официальной пропагандой крестьяне начало войны связывали с антисоветской позицией Запада, стремлением буржуазии уничтожить завоевания социалистической революции. С этой точки зрения Запад представал как враждебная сила, которая внимательно следит за развитием событий в СССР и готова воспользоваться первым удобным случаем для нападения. Например, в Смоленской губ. было зафиксировано мнение о том, что внутрипартийная борьба (с троцкистской оппозицией) наносит ущерб стране в первую очередь потому, что ослабляет ее боеготовность: «Спором внутри партии воспользуется международная буржуазия»[15].

Существовала и другая точка зрения о причинах войны. Крестьянство пыталось объяснить возможное столкновение с точки зрения материальных интересов западных стран — речь шла о необходимости вернуть царские долги. «Англия нападает на нас потому, что на ее долю выпадает большая часть царских долгов. Если бы мы уплатили, то они не напали бы на нас»[16]. Война затрагивала хозяйственнные интересы крестьян, поэтому и объяснение пытались найти не в абстрактных представлениях о политическом противостоянии двух систем, а в более понятных экономических отношениях. Следовательно, по распространенному мнению, войны можно избежать, «откупившись» от Запада. На крестьянских

собраниях обсуждались предложения «дать концессии капиталистам», сдать им золотые прииски, бакинские промыслы и т.п.[17]

Характерно, что в крестьянской среде не было распространено высказываний, неоднократно отмеченных в городах, о том, что враждебная позиция западных стран спровоцирована поддержкой СССР мирового революционного движения.

Представления о техническом превосходстве западных стран естественно рождали неуверенность в боеспособности Красной Армии, распространялись слухи о новом вооружении, об «аэропланах с ядовитыми бомбами», которые управляются по радио. И все же, по мнению многих, несмотря на превосходство в вооружении, буржуазия не сможет победить СССР, так как ей не позволит пролетариат.

Вопрос о том, какую позицию займет в случае войны пролетариат западных стран, волновал многих. Идея мировой революции и возможность экспорта революции была попрежнему широко распространена. С этих позиций война, даже если ее и позволит начать западный пролетариат, должна была оказаться легкой для СССР, так как в ходе ее будет освобожден угнетенный рабочий класс, армию-освободительницу «будут встречать с красными флагами, особенно наши соседи: Польша, Румыния, Болгария»[18]. В войну СССР выгодно вступить до разгрома революции в Китае, так как в этом случае СССР поддержат сотни тысяч революционеров.

Однако начинали появляться и сомнения в безоговорочной международной солидарности трудящихся, в революционности западного пролетариата: «Мы английским рабочим отчисляли свои последние гроши, а теперь они никакой помощи в трудную минуту не оказывают», «хотя бы демонстрации рабочие делали, что ли, а раз молчат рабочие — это буржуазии на руку»[19].

Необходимо отметить, что на оценку возможного противника СССР в войне влияла сложная внутриполитическая ситуация, проявившаяся в 1927 г. Часть крестьянства связывала с войной надежды на освобождение от советской власти, поэтому Англия рассматривалась как союзник, а не как враг. Противники коммунистов надеялись на поддержку Запада в случае крестьянских восстаний: «Советские угрозы для нас пустяки, иностранцы стремятся помочь крестьянам,

если сейчас будет забастовка крестьян, иностранцы двинутся к нам на помощь»[20]. Особенно заметными эти настроения «антипролетарской международной солидарности» были в пограничных районах, причем в качестве наиболее вероятного союзника рассматривались соседние страны: Польша во главе с Пилсудским на западе страны, Япония на востоке.

Появлялись антисоветские листовки с «международными» лозунгами: «Да здравствует разрыв англо-советских отношений; Со всей решимостью за Англией на борьбу с СССР; Да здравствуют русские белогвардейцы, проживающие в Англии и борющиеся за восстановление русского царизма; Как не готовьтесь к войне и побеждению империализма, но все равно, красная свора, великие массы и друзья на стороне капитала» и т.д.[21]

Подобная тесная связь представлений о внешнем мире с внутриполитической ситуацией в стране вообще характерна для крестьян 20-х гг. Учитывая слабую информированность сельского населения, это естественно. Крестьяне как бы пытались приспособить информацию о внешнем мире к своим нуждам, сделать ее понятной, адекватной традиционным представлениям. Характерно, что, по-видимому, уровень усвоения основных событий внутренней и внешней политики был примерно одинаков. Не случайно столь распространены были сравнения государственных деятелей СССР с теми западными лидерами, которые были «на слуху». Например, обычным было сравнение Троцкого с Пилсудским или Чан Кайши.

Некоторые реалии и имена западных государственных деятелей прочно вошли в обыденное сознание. В крестьянских высказываниях и письмах постоянно встречаются упоминания тех или иных имен, как правило, с яркой эмоциональной окраской, типа: «Я бы Чемберлену не пожелал жить такой жизнью, как у меня...», сравнения с жизнью в других странах: «мужик хуже английской свиньи давится ржаным хлебом»[22] и т.д.

Таким образом, можно говорить о том, что у российского крестьянства, как и у общества в целом, в 20-е гг. складывается достаточно устойчивый образ внешнего мира, на формирование которого сильное влияние оказывало традиционное крестьянское мировоззрение. Крестьяне пытались ос-

мыслить информацию о внешнем мире в первую очередь с точки зрения собственных интересов, приспособить получаемые сведения к своему уровню понимания, понять, как события во внешнем мире могут повлиять на их жизнь. Запад в основном воспринимался ими как сила, враждебная советскому государству, и оценивался – положительно или отрицательно – с точки зрения их взаимоотношений с новой властью.

---

[1] РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.312. Л.1.
[2] Там же. Ф.17. Оп.85. Д.127. Л.100. Интересно заметить, что подобная ситуация сохранялась и позднее. Как говорил в 1936 г. командующий Белорусским военным округом И.П.Уборевич, значительную часть новобранцев последнего призыва составляли люди, «которые не знают, кто такой Сталин, кто такой Гитлер, где Запад, где Восток, что такое социализм». Цит. по: Отечественная история. 1996. №1. С.117.
[3] РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.312. Л.113.
[4] Там же. Ф.17. Оп.85. Д.16. Л.281.
[5] Там же. Д.289. Л.54.
[6] Там же. Д.16. Л.367.
[7] Там же. Д.19. Л.222.
[8] Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С.175.
[9] Правда. 1927. 1 января .
[10] РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.68. Д.402. Л.4.
[11] Там же. Оп.85. Д.16. Л.46.
[12] Правда. 1927. 9 января.
[13] Там же. 14 января.
[14] РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.85. Д.19. Л.142.
[15] Там же. Д.289. Л.19.
[16] Там же. Д.217. Л.38.
[17] Там же. Д.289. Л.17.
[18] Там же. Ф.78. Оп.1. Д.262. Л.140.
[19] Там же. Ф.17. Оп.85. Д.217. Л.36.
[20] Там же. Д.289. Л.33.
[21] Там же. Д.219. Л.53.
[22] Там же. Д.19. Л.221.

Невежин В.А.

ПОЛЬША В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ 1939-1941 гг.

Особый пункт секретного дополнительного протокола, который был подписан Молотовым и Риббентропом вместе с пактом о ненападении 23 августа 1939 г., зафиксировал намерение обеих договаривающихся сторон по «обоюдному согласию» разрешить вопрос о самом существовании независимого Польского государства[1]. После того, как 1 сентября 1939 г. Польша подверглась нападению со стороны Германии, СССР отнюдь не остался безучастным и начал готовиться к освоению «сферы интересов» за счет польских территорий.

Эта подготовка включала в себя разного рода дипломатические, политические, военные, а также пропагандистские мероприятия. В данной статье сделана попытка показать, какова была роль советской пропаганды в идеологическом обеспечении «освободительного похода» Красной Армии, или, как называл эту акцию Сталин, «военной прогулки» в Польшу 1939 г. Кроме того, внимание автора сосредоточивалось на анализе действий советских пропагандистских структур в 1939 – 1941 гг., направленных на формирование в общественном сознании враждебного образа этой страны, в особенности, ее руководства.

Моделирование процессов возникновения «образа врага» во взаимоотношениях различных стран и народов привело исследователей к пониманию того, что в основе этих процессов находится неверное восприятие – «взаимная мисперцепция». Механизм ее действия в упрощенном виде выглядит следующим образом: неверные образы внешнего мира, как правило, навязываются «сверху», проникая затем в массовое сознание. Считается, что тоталитарная система, аналогом которой являлся сталинский режим, в большой степени была подвержена стереотипному мышлению, а поэтому более склонна к мисперцепциям.

Официально провозглашенный большевистским руководством курс на сближение и даже «дружбу» с нацистской Германией, взятый после 23 августа 1939 г., не находил широкого отклика в общественном сознании. Он фактически «отнимал» формировавшийся годами враждебный стереотип германского фашизма. Однако неизменно «срабатывал» бо-

лее всеобъемлющий образ «капиталистического окружения». Наличие подобного образа позволяло произвольно, но в зависимости от конкретных внешнеполитических целей, любых «внешних врагов» представлять в качестве потенциальных или реальных военных противников. В 1939–1941 гг. сталинский режим целенаправленно манипулировал имевшимся в его распоряжении пропагандистским калейдоскопом, высвечивая «необходимый» объект в «нужное» время, с целью подготовки и осуществления перманентных акций наступательного характера, в том числе – с привлечением крупных контингентов Красной Армии.

На XVIII съезде ВКП(б) член ЦК большевистской партии, начальник Политического управления РККА Л.З.Мехлис категорически заявил, что не за горами время, когда Красная Армия «в ответ на наглую вылазку врага поможет рабочим стран-агрессоров освободиться от ига фашизма, от ига капиталистического рабства и ликвидирует капиталистическое окружение, о котором говорил товарищ Сталин»[2]. Германский посол в СССР Ф.Шуленбург вполне адекватно воспринял произнесенное Л.З.Мехлисом на большевистском партийном съезде, и в начале апреля 1939 г. передал его слова своему руководству в качестве предупреждения. Спустя пять десятилетий немецкая исследовательница И.Фляйшхауэр не без сарказма назвала высказывания Л.З.Мехлиса «пустой фразой», направленной на «военное устрашение»[3].

Между тем, дальнейшие события 1939 г. показали, что Красная Армия приступила к практическим шагам по ликвидации «капиталистического окружения». Советский Союз формально оказался после пакта Риббентропа-Молотова в состоянии нейтралитета в войне, однако это не помешало ему осуществить практически бескровный «освободительный поход» в Западную Украину и Западную Белоруссию.

Хотя секретный дополнительный протокол к пакту от 23 августа 1939 г. прямо не провозглашал, что советская сторона должна немедленно выступить с вооруженной силой для освоения своей «сферы интересов» в Польше, немцы попытались ускорить это выступление. Но Сталин, опасаясь непредвиденных последствий (например, негативной реакции западных держав), тщательно подготовил антипольскую акцию, что и предопределило ее конечный успех.

Решение о начале подготовки военного вмешательства СССР в Польше было принято 6 сентября. Под прикрытием рассуждений о «несвоевременности» вступления частей

РККА на польскую территорию началось развертывание в составе Белорусского и Киевского особых округов мощных войсковых группировок, переименованных впоследствии в армии[4]. 7 сентября стала распространяться весть о том, что польское правительство готовится покинуть Варшаву, которая тут же была передана в Москву. Ф.Гальдер тогда же записал в дневнике: «Русские выступят»[5]. 7-16 сентября прошла скрытая мобилизация призванных на учебные сборы военнообязанных запаса по Московскому, Калининскому, Ленинградскому, Белорусскому, Киевскому, Харьковскому и Орловскому военным округам, так называемые «Большие учебные сборы» (БУС). Было мобилизовано порядка 3-х млн. человек[6].

Пропагандистская подготовка к предстоящим военным акциям началась незадолго до самой скрытой мобилизации, по крайней мере во второй половине августа 1939 г. Первым делом на страницах печатных органов Политического управления Красной Армии (ПУРККА) появились пропагандистские материалы, содержавшие теоретическое обоснование подобных акций. Так, под рубрикой «Консультация» в печатном органе Политического управления Красной Армии журнале «Пропагандист и агитатор РККА» (номер сдан в производство 23 августа, а подписан в печать 7 сентября 1939 г.) была опубликована статья полкового комиссара Н.Я.Осипова о марксистско-ленинском понимании «характера войн в современную эпоху»[7]. Автор, опираясь на работы К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина и, наконец, на только что вышедший в свет «Краткий курс истории ВКП(б)», разъяснял, что войны бывают лишь двух родов: справедливые и несправедливые, причем если первые непременно «являются продолжением политики прогрессивных, революционных классов» и всегда «связаны с интересами народа», вторые, наоборот, «грабительские», «антинародные и реакционные» по своей сути. Следовательно, вовсе неважно, на чьей именно территории ведутся боевые действия, и вообще, кто начал их первый. Гораздо важнее другое: «Красная Армия будет вести войну за дело всего передового, прогрессивного человечества, против извергов реакции, эксплуатации, контрреволюции» и при известных условиях «может ***предупредить нападение агрессоров*** (*курсив мой — В.Н.*) на отечество социализма». Как образно говорилось в названной статье, Красная Армия «возьмет разбойника за горло» своей «железной рукой», прежде, чем тот «успеет вынуть свой крова-

вый нож». Далее автор разъяснял, что характерными качествами РККА являются «активность и наступательность», а посему «не исключена возможность, когда «самим ходом исторического процесса рабочий класс вынужден будет взять на себя инициативу военных действий». Н.Я.Осипов опирался при этом на выводы М.Я.Фрунзе, который в свое время обосновывал подобные действия, создававшие «полное совпадение требований военного искусства и общей политики».

Резюмируя, полковой комиссар Осипов утверждал следующее: поскольку Красная Армия предназначена для выполнения интернациональных задач, то в случае, если ее помощь «может дать решающие политические и военные результаты», такая помощь будет оказана. Адресуясь к буржуазным «политикам» и «стратегам», он заверил: «справедливый характер войны СССР и наша принципиально мирная политика» вовсе не исключают «наступательные действия Красной Армии в военно-стратегическом и оперативно-тактическом смысле»[8]. Далее Н.Я.Осипов ссылался на авторитетное ленинское высказывание, прозвучавшее на VIII Всероссийском съезде Советов (1920 г.), суть которого сводилась к следующему: постоянные призывы к оборонительной войне – это признак «мелкобуржуазного пацифизма». Если бы перед «постоянно активно-враждебными нам силами», подчеркивал тогда Ленин, представители большевистского руководства дали зарок, что никогда не приступят «к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными», то они «были бы не только глупцами, но и преступниками»[9].

Упомянутая статья в одном из ведущих печатных органов ПУРККА заканчивалась убедительным выводом, разительно сходным с уже цитировавшимся высказыванием Л.З.Мехлиса на XVIII съезде ВКП(б): »Верная заветам Ленина и указаниям Сталина, Красная Армия перейдет границы агрессора, раздавит врага мощью своего оружия и вооруженной рукой поможет трудящимся стран-агрессоров свергнуть капиталистическое рабство»[10].

Между тем, в глубокой тайне шла подготовка кадров и необходимых технических средств для ведения агитационно-пропагандистской работы среди войск потенциального противника (Польши) и населения западноукраинских и западнобелорусских земель, куда был нацелен впоследствии «освободительный поход» Красной Армии. Создавались фронтовые подразделения, на которые позднее были возложены

эти функции. В составе формировавшихся полевых управлений Украинского и Белорусского фронтов (оба фронта были образованы 11 сентября, а входившие в их состав воинские соединения начали 17 сентября боевые действия против Польши) возникли соответствующие отделы по 7 офицеров в каждом (начальник и 6 переводчиков). Заранее комплектовались редколлегии газет, в первую очередь – на украинском и белорусском языках (по 25 чел. в каждой). Согласно директивы ПУРККА от 5 сентября 1939 г., они разворачивались по штатам военного времени. К исходу первой декады сентября в поезда-типографии были доставлены необходимые шрифты и печатная техника, а также дополнительные вагоны для размещения редакций этих газет. После начала боевых действий Красной Армии против Польши немедленно стали издаваться газеты для войск противника и местного населения на украинском и белорусском языках[11].

Главным «режиссером» крупнейших пропагандистских кампаний в СССР на рубеже 30-х – 40-х гг. был Сталин. Но его мысли порой «озвучивались» не им самим, а кем-либо из «соратников» (чаще всего – В.М.Молотовым либо А.А.Ждановым). Так и произошло в случае с «освободительным походом» 1939 г.

В ночь с 7 на 8 сентября 1939 г. большевистский лидер имел продолжительную беседу с генеральным секретарем Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) Г.Димитровым, на которой присутствовали В.М.Молотов, А.А.Жданов, а также представитель ЦК ВКП(б) в ИККИ Д.З.Мануильский (судя по записи в специальном журнале все четверо вошли в сталинский кабинет в Кремле в 22 час 50 мин 7 сентября; Димитров и Мануильский покинули его в 0 час 10 мин 8 сентября, а Жданов и Молотов немного позднее – в 1 час 50 мин)[12]. Сталин, в частности, высказал мысль о неизбежности поражения Польши в противоборстве с Германией, что, по его мнению, было бы только на руку СССР. Польское государство, разъяснял он своим «соратникам», «раньше» являлось национальным, и поэтому «революционеры защищали его против раздела и порабощения». «Теперь», т.е. в сентябре 1939 г., продолжал Сталин, Польша – «фашистское государство», которое «угнетает украинцев, белорусов и т.д.» Безапелляционно прозвучал сталинский «приговор»: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше!»[13].

Исходя из сталинских указаний, 8 сентября Президиум Исполкома Коминтерна начал рассылать директиву Секретариата ИККИ компартиям об отношении к начавшейся войне. В директиве, в частности, подчеркивалось: «Международный пролетариат ***не может ни в коем случае*** (*курсив мой – В.Н.*) защищать фашистскую Польшу, отвергнувшую помощь Советского Союза, угнетающую другие национальности». 15 сентября Секретариат ИККИ высказался резко отрицательно по вопросу об отношении к добровольному вступлению коммунистов и «революционных элементов» в национальные легионы – добровольные военные формирования эмигрантов-антифашистов для участия в военных действиях на стороне Польши и англо-французской коалиции против нацистской Германии[14].

Ведомства В.М.Молотова и Л.П.Берии получили конкретное задание: представить материалы о государственном устройстве, национальном составе, экономике, вооруженных силах, транспорте этой страны[15].

Вполне вероятно, что во время вышеупомянутой беседы в Кремле с 7 на 8 сентября, на которой в числе других присутствовал и А.А.Жданов, последний получил задание подготовить статью для газеты «Правда», которая послужила бы своеобразным программным документом для развертывания открытой антипольской пропагандистской кампании. Именно в адрес Жданова по предложению Политбюро направлялись подготовленные в срочном порядке и систематизированные сотрудниками наркоматов внутренних и иностранных дел записки о государственном устройстве Польши.

Согласно официальным польским данным 1938 г., население этой страны составляло около 35 млн. чел., из которых 69% – поляки, 14,3% – украинцы, по 3,9 % – белорусы и евреи, 7% – немцы. Однако по «уточненным» сведениям ведомства Берии национальный состав Польского государства оказался несколько скорректирован: 60% якобы являлись поляками, 40% – представителями вышеперечисленных «национальных меньшинств». В свою очередь, НКИД представил документ, в котором делался безапелляционный вывод: «Государственный строй Польши – республика фашистского типа» (Sic! – *В.Н.*)[16].

Основанную на этих данных статью А.А.Жданов назвал «Почему Польша терпит военное поражение». Статья начиналась со слов: «Хотя с момента начала военных действий между Германией и Польшей прошел какой-либо десяток

дней...». Это позволяет уточнить датировку написания самой статьи. В полном соответствии со сталинскими указаниями, опираясь на представленные НКВД и НКИД сведения о Польском государстве, Жданов назвал последнее «помещичье-буржуазным государством полуфашистского типа», в составе которого поляков якобы было «всего лишь около 60%», а остальное составляли национальные меньшинства — украинцы, белорусы, евреи, немцы и т.д. В первоначальной версии статьи численность украинцев и белорусов определялась в пределах «до 10 миллионов населения» (соответственно, «свыше 7 миллионов» и «около 3 миллионов» человек). Но А.А. Жданов несколько переработал текст. Сохранившийся вариант ждановской рукописи с пометой «экз. т.Сталина» позволяет предположить, что окончательная доработка проходила при участии «вождя»[17]. Вероятнее всего, указания на сей счет были получены 12 сентября: в этот день А.А.Жданов находился в течение длительного времени (с 18 час 35 мин до 22 час 20 мин) в кабинете Сталина в Кремле[18].

14 сентября 1939 г. переработанный текст ждановской статьи (без подписи) и с новым названием («О внутренних причинах военного поражения Польши») был опубликован в газете «Правда». Характеристика Польского государства как страны «полуфашистского типа» была в окончательном варианте снята. Возможно, сказалось противоречие, проявившееся в ходе беседы Сталина с «соратниками» 7—8 сентября 1939 г.: тогда он, с одной стороны, заявил, что с началом войны потеряло смысл деление капиталистических стран на демократические и фашистские, а с другой — отнес Польшу к числу последних.

Зато были усилены «национальные» мотивы, в результате чего «оказалось», что в Польше насчитывалось не менее 8 млн. украинцев и около 3 млн. белорусов. Для сравнения, по официальным польским данным 1938 г., из 34,5 млн. населения украинцы составляли 14,3%, белорусы — 3,9%[19], соответственно, около 5 млн. чел. и менее 1,4 млн. чел. «Исчезло» из текста и упоминание о немцах, как представителях нацменьшинства Польского государства. В статье А.А.Жданова просматривалось удовлетворение по поводу того, что «Польское государство оказалось недееспособным» и при первых военных неудачах «стало рассыпаться». Но совершенно умалчивалось в ней о подавляющем превосходстве германской армии, вторгшейся на польскую территорию[20]. Как подчеркивал позднее А.Верт, передовая статья «Правды»

«доказывала, что польская армия ***практически не сражалась вообще»*** (*курсив А.Верта – В.Н.*)[21].

В то же время национальная политика польского правительства, главным образом, в отношении украинцев и белорусов, объявлялась едва ли не главной причиной военного поражения Польши. А.А.Жданов не преминул прибегнуть к весьма нелестному сравнению: политика польского правительства в Западной Украине и Западной Белоруссии, которые якобы были превращены в «бесправную колонию», согласно его формулировке, ничем не отличалась «от угнетательской политики русского царизма».

Таким образом, согласно политической установке, утвержденной Сталиным накануне «освободительного похода» Красной Армии в Западную Украину и в Западную Белоруссию, пропаганда нацеливалась на формирование двойственного образа Польши: с одной стороны – враждебно-реакционное польское правительство, с другой – стонущие под гнетом «единокровные братья» белорусы и украинцы, которые с нетерпением ожидают освобождения именно со стороны СССР и Красной Армии.

Опубликованная в «Правде» статья «О внутренних причинах военного поражения Польши», несмотря на то, что ее автор не был назван, воспринималась германской стороной как программная. В телеграмме, направленной 14 сентября Ф.Шуленбургом из Москвы в министерство иностранных дел Германии, имелась настоятельная просьба обратить на нее особое внимание, поскольку статья содержала «политическую мотивировку советской интервенции» против Польского государства[22].

Политическое управление Красной Армии (ПУРККА) придавало большое значение изучению этой статьи. 15 сентября Л.З.Мехлис в директиве, адресованной политорганам шести военных округов, где проводились большие учебные сборы, предписывал поместить правдинскую передовицу «во всех окружных, армейских и дивизионных газетах», а также переиздать в виде отдельного бюллетеня (там, где не было дивизионных газет). Далее, необходимо было «развернуть массовую разъяснительную работу» вокруг статьи «О внутренних причинах военного поражения Польши», «сделать ее достоянием каждого командира, политработника и красноармейца», провести по ней политинформацию. Политработники и командный состав нацеливались «на разъяснение положения белорусского и украинского крестьянства панской

Польши», на использование газетного материала о начавшихся крестьянских «выступлениях и восстаниях». Но основная задача состояла в том, чтобы доказать: «национальный гнет привел Польшу к военному разгрому». В «разъяснительной работе» рекомендовалось сопоставить положение украинцев и белорусов, проживавших в УССР и БССР, с положением представителей этих же народов в Польше, подчеркивая «расцвет украинской и белорусской литературы, печати и искусства» на советских территориях. Для командного и политического состава, согласно директиве ПУРККА от 15 сентября, должны были проводиться лекции, тематика которых затрагивалась в упомянутой передовой статье «Правды» (национальный состав, национальный гнет, «методы правящих кругов» Польши, направленные на сохранение власти, как причина военного поражения страны)[23].

Еще 12 сентября 1939 г. НКВД Белорусской ССР сообщало, что настроение белорусов и «батрацко-бедняцкой части польского населения» на сопредельной стороне характеризовалось «выражением симпатий к СССР», а также нежеланием служить в армии, воевать, вплоть до желания бежать на советскую территорию. Из этого спецсообщения следовало: имея целью скрыть от своего населения неудачи на фронте в войне с немцами, польские власти применили репрессии, «усилили режим» (*Sic* — *В.Н.*).

Два дня спустя, 15 сентября нарком внутренних дел СССР Л.П.Берия издал специальную директиву, согласно которой НКВД Белорусской и Украинской ССР должны были действовать на польских территориях «в теснейшем контакте с военным командованием». Опергруппам НКВД, в частности, предписывалось в занятых городах «оказывать всяческое содействие политотделам армии и прикомандированным к ним работникам в немедленном занятии типографии, редакций газет, складов бумаги», а также в налаживании советских изданий[24].

При выборе аргументов для оправдания прямого военного вмешательства в дела Польши большевистское руководство действовало довольно умело, используя в комплексе имевшиеся пропагандистские приемы. Прежде всего, учитывался традиционный, выверенный еще со времен российских императоров, повод для обоснования притязаний на польские территории, основывавшийся на так называемом «принципе национальностей». Западноукраинские и занаднобелорусские земли, входившие в состав Руси, в результате ее ослаб-

ления в XIII в. оказались занятыми Великим княжеством Литовским, а в XVI в. стали польскими владениями. Данное обстоятельство давало царской России «желанный предлог для притязаний» на эту территорию «как на национальную русскую область, угнетенную, однако, Польшей»[25].

В конечном счете в результате трех разделов (1772, 1793, 1795 гг.) сама Польша перестала существовать, а искомые земли вернулись в лоно теперь уже Российской империи. Версальско-Вашингтонская система мирных договоров, подводившая итог Первой мировой войне, привела, в частности, к восстановлению Польши. В 1920 г. разразилась советско-польская война, в результате которой западнобелорусские и западноукраинские земли вновь стали польскими. Временная военная слабость большевистского режима, занятого главным образом решением своих внутриполитических задач, не позволяла его лидерам прямо декларировать в отношении потерянных территорий «принцип национальностей».

Во время и после «освободительного похода» Красной Армии в Западную Украину и в Западную Белоруссию он был вновь взят на вооружение. В советской периодической печати 1939–1941 гг. повсеместным было обращение к восточнославянской солидарности, выдвигался лозунг этнического и культурного единства русского, белорусского и украинского народов. Широко использовалась в ней идея общности судеб этих народов, обращение к историческому прошлому. Типичными стали утверждения о том, что Западная Украина и Западная Белоруссия являлись исконно русскими землями, входившими в «империю Рюриковичей» и составлявшими единое целое с прочими восточнославянскими землями[26].

Пропагандистское обеспечение антипольской акции 1939 г. опиралось не только на вековой опыт императорской России в проведении агитации против Польши, но в ходе его осуществления заимствовались и некоторые приемы Гитлера, применявшиеся в преддверии германской агрессии против этой страны. Еще 6 мая 1939 г., когда полным ходом шла подготовка Германии к польскому походу, временный поверенный в делах СССР в Берлине Г.А.Астахов довел до сведения наркома иностранных дел В.М.Молотова, что нацисты намерены развернуть кампанию в своей печати с обличением политики Польского государства. Астахов, в частности, выделял в ней звучавший со всей силой тезис об «угнетении немцев», который выглядел «угрожающе»[27]. 14

июня он же сообщал о развертывании этой кампании «на столбцах газет и журналов», где, в частности, был вновь поднят вопрос о «национальных меньшинствах»[28].

Советская агентура также получила информацию о подготовке нацистами «пропагандистской атаки против Польши»[29]. 17 мая 1939 г. начальник разведывательного управления РККА И.И.Проскуров направил эти секретные сведения в ЦК ВКП(б). Сталина заинтересовала докладная записка И.И.Проскурова. Для себя он отметил на полях этого документа, что необходимо поговорить с начальником Разведупра и выяснить источник полученных данных[30]. Разговор состоялся уже 19 мая 1939 г.: вечером того дня Проскуров в течение полутора часов находился в сталинском кабинете в Кремле[31].

Один из деятелей Коминтерна, В.Ульбрихт в июне 1939 г. предложил через Московское радио разоблачать нацистские утверждения о «террористической» национальной политике Польши, призванной «сыграть важную роль для провоцирования фашистской войны» против этого государства. Но данное предложение не встретило поддержки в Секретариате Коммунистического Интернационала[32].

Прошло три месяца, и советское руководство само взяло на вооружение пропагандистские методы нацистов при подготовке военной акции против Польши, естественно, рассматривая их в контексте советско-польских отношений. Так, если внимание германской пропаганды было заострено на том, что польские власти «угнетают» немцев, проживавших на территории Польши, то большевистские пропагандисты в качестве «угнетенных» рассматривали «единокровных братьев» — украинцев и белорусов, которые являлись «нацменьшинством» Речи Посполитой. Идеологическая направленность материалов, готовившихся как в Берлине, так и в Москве с целью создания негативной характеристики этого государства, была на редкость сходной.

Под лозунгом «Польша — второе мозаичное государство» немцы с весны 1939 г. клеймили «террористическую и опасную национальную политику» ее руководства. Сталин же, как уже отмечалось, назвал Польшу «фашистским государством», угнетавшим украинцев, белорусов и другие национальные меньшинства. В упомянутой ждановской статье утверждалось: »Национальная политика Польши характеризуется подавлением и угнетением национальных меньшинств...».

Лозунг «Польша – государство реакции и упадка» был избран нацистами для того, чтобы доказать «нищету польского крестьянства, культурную отсталость страны, феодальный способ ведения хозяйства и голодное существование польского населения». Большевистская пропаганда, опираясь на ждановские выкладки, с учетом стоявших перед ней задач, несколько «скорректировала» этот лозунг. В частности, следовало доказать, что Западная Украина и Западная Белоруссия «являются объектами самой грубой, беззастенчивой эксплуатации со стороны польских помещиков», «бесправной колонией», отданной «польским панам на разграбление».

Наконец, нацисты в своей антипольской кампании взяли на вооружение лозунг «Паразиты у власти!» с целью «изобразить разложение господствующей верхушки Польши, продажность польских руководителей, их декаденство и классовую оторванность от широких масс населения». Практически та же задача стояла перед большевистской пропагандой в сентябре 1939 г., когда А.А.Жданов писал о правящих кругах Польского государства, «кичащихся своим якобы свободолюбием»[33].

Основополагающий тезис большевистской пропаганды 1939 – 1941 гг. об исторических корнях и общности национальных судеб русского, белорусского и украинского народов был выдержан в господствовавших в рамках сталинского режима классовых категориях. Односторонность этнических и классовых критериев, использовавшихся для обоснования присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии, приводила в конечном счете к почти полному игнорированию многонационального характера оформившейся на этих землях культуры. На страницах советской печати в указанный период не нашел отражения вопрос о сложности национально-культурного конгломерата, каковым являлись восточные окраины Польши, с присущими им этнической и исторической спецификой, переплетением экономических, исторических и национальных факторов[34].

Исходя из сталинских установок, «озвученных» А.А.Ждановым и В.М.Молотовым, уже в ходе «освободительного похода» в ряде приказов командования Красной Армии, директив ПУРККА, военных советов Украинского и Белорусского фронтов развивалась мысль о «недееспособности» Речи Посполитой. В результате специального контент-анализа текстов опубликованных листовок, предназначавшихся для войск и населения противника, С.И.Репко пришел к выводу,

что из 50 содержащихся в них тем 22% дискредитировали польское правительство, а их целью являлось возбуждение у населения недовольства властями из-за жизни в голоде и нужде. 10% листовок по своей тематике предназначались для поднятия антипольских настроений и чувства уязвленного национального достоинства (поляки – притеснители украинцев и белорусов)[35].

На страницах советской периодической печати после публикации ждановской статьи от 14 сентября 1939 г. также развернулась широкая кампания по дискредитации независимого Польского государства, образовавшегося в результате Версальского мира 1919 г. По существу в ней подвергалось сомнению само право на суверенитет послеверсальской Польши, государственное строительство которой якобы «происходило под знаком разбойничьих захватов и грабежа». В многочисленных публикациях преобладали картины экономической эксплуатации, нищеты, безработицы, экономического упадка, характерных для нее. Особое внимание большевистской пропаганды сосредоточивалось на зависимости между угнетенным положением украинского и белорусского народов и экономическим положением этих «национальных меньшинств».

В целом, безрадостная картина положения на территориях Западной Украине и Западной Белоруссии в рамках Польши была призвана вызвать в сознании советских людей солидарность с «единокровными братьями, украинцами и белорусами»[36]. Действительно, известие о вступлении Красной Армии на новые территории было встречено «с чувством безоговорочной радости». К.Симонов спрашивал: почему же ему было тогда не радоваться, что СССР шел освобождать Западную Украину и Западную Белоруссию? Правота этого сталинского шага еще более подтверждалась тем обстоятельством, что ни Англия, ни Франция, объявив войну Германии, так и не пришли, вопреки своим заверениям, на помощь полякам[37].

Наступление Красной Армии на Польшу, или, как назвал его В.М.Молотов, «военная интервенция Советского Союза»[38], началось ранним утром, в воскресенье, 17 сентября 1939 г. В тот же день Молотов выступил с речью по радио, обращенной к гражданам СССР. В ней, в частности, подчеркивалось: Польша показала свою внутреннюю несостоятельность, местопребывание ее правительства неизвестно, прежние советско-польские договоры утратили силу, а СССР

подает «руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу». Однако, в выступлении Молотова обращалось внимание и на другие обстоятельства. Красная Армия после проведения «частичного призыва» в шести военных округах получила «крупное пополнение» и «должна с честью выполнить поставленную перед ней почетную задачу». Наконец, выражалась уверенность, что РККА покажет «свою боевую мощь, сознательность и дисциплину» и при выполнении этой задачи она покроет себя «новыми подвигами, героизмом и славой»[39].

Естественно, в воинских частях и подразделениях Красной Армии, ранним утром 17 сентября 1939 г. пересекших границу с Польшей, немедленно приступили к пропаганде основных положений речи Молотова, которую предлагалось изучать наряду с передовой статьей газеты «Правда» от 14 сентября. ПУРККА издал специальную директиву «Об изучении речи главы Советского правительства тов. В.М.Молотова», в которой предлагалось опубликовать текст этой речи во всех окружных и дивизионных газетах массовым тиражом. Ставилась задача, чтобы на митингах личного состава были приняты резолюции, «одобряющие мероприятия Правительства, выражающие готовность... выполнить любое боевое задание партии и правительства».

«Освободительный поход» в директивных документах РККА был назван «революционной, справедливой войной». В директиве военного совета и политуправления Каменец-Подольской (Южной) войсковой группы, которой командовал командарм II ранга И.В.Тюленев (она действовала в составе Украинского фронта) так и говорилось: «Наша борьба с польскими помещиками и капиталистами есть война революционная и справедливая. Мы выступаем ***на свою землю*** (*курсив мой — В.Н.*), идем и освобождаем трудящихся от ига польского капитализма». Данный тезис нашел развитие и в красноармейской печати: «Мы смело и решительно идем вперед, ибо знаем, что ведем самую справедливую из всех справедливых войн, которые когда-либо знала история человечества»[40].

Таким образом, перед частями Красной Армии, перешедшими польско-советскую границу 17 сентября 1939 г., стояла двуединая задача: уничтожить противостоявшие им польские войска и «освободить», т.е. занять территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Основным способом выполнения этой задачи должно было послужить реши-

тельное наступление под лозунгом «самой справедливой из всех войн».

Поначалу некоторым участникам «освободительного похода» и мобилизованным на большие учебные сборы, очевидно, был не до конца понятен смысл этой акции[41]. Но позднее, в том числе под влиянием пропаганды, наметился некоторый перелом в настроениях. В личных письмах красноармейцев из Западной Украины, адресованных родным, пересказывались официальные заявления советского руководства, в первую очередь – речь Молотова по радио 17 сентября 1939 г. Даже те, кто был временно мобилизован в сентябре 1939 г., но не участвовал непосредственно в антипольском походе, получили по возвращении домой прозвище «освободители»...[42]

День начала «освободительного похода» – 17 сентября 1939 г. подавался большевистской пропагандой как преддверие «величественного эпоса», в котором должна была выразиться вся современная история, «весь смысл передовых идей человечества». В дни, когда Польша «была стерта с карты мира», у большинства людей в СССР не возникало вопроса о нравственности столь драматического события, совершившегося при «половинном участии» Советского Союза. Их воспитывали в понимании истины: «нравственно все то, что служит пролетариату». Захват польских областей Красной Армией в сентябре 1939 г. «служил пролетариату», а значит – расценивался как нравственное явление. После репрессий 1937-1938 гг., при наличии «крепкого очищенного тыла», «мало было возможностей сочувствия полякам – и по разуму, и по сердцу». Тогда вряд ли кто-либо даже «в стол» писал о растерзанной Польше[43]. Действительно, и такой гениальный мыслитель, как В.И.Вернадский в октябре 1939 г. заносил в свой дневник суждения о «стихийном ходе истории» рядом с безапелляционной оценкой: «Безумные Поляки», размышляя о «фальшивости» суждений западных лидеров Чемберлена и Даладье относительно необходимости защиты и восстановления Польши[44].

Л.З.Мехлис сообщал в Москву, что украинское население встречало военнослужащих Красной Армии как освободителей[45].

В материалах ИККИ, предназначавшихся для распространения среди коммунистов за рубежом, неоднократно варьировалось утверждение о том, что СССР, вступив на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, выполнил свою «освободительную миссию» и «вырвал из капиталистического

ада 11 миллионов людей, приобщил их к великому делу социализма, обеспечил им свободное национальное и культурное развитие, обезопасил их всей своей государственной мощью от иностранного вторжения и порабощения»[46].

Раздел Польши воспринимался как «начало мировой революции». Жители Западной Украины и Западной Белоруссии представлялись благодаря усилиям пропаганды как бедные, несчастные люди, которые «одну спичку делили на четыре части[47]. Между тем, в сельских местностях **советской** Белоруссии, по свидетельству очевидцев, не было «ни сахара, ни спичек, ни керосина, ни мануфактуры, ни водки»[48].

Для советской пропаганды 1939-1941 гг., вносившей большой вклад в формирование «образа врага» в общественном сознании, было характерно, что и после поражений реальных и потенциальных противников СССР она в своих материалах стремилась не снижать обличительный накал по их поводу. Особенно наглядно это проявлялось, когда речь шла о Польше.

Весь 4-й пункт проекта тезисов ИККИ «Война и задачи коммунистов» (конец сентября 1939 г.) был посвящен «польской проблеме». »Развал польского реакционного государства, – подчеркивали авторы документа, – вскрывший его внутреннюю гнилость, военное бессилие, его полную политическую недееспособность, есть историческая расплата за всю контрреволюционную внутреннюю и внешнюю политику, которую вели польские помещики и капиталисты со времени образования этого государства». Послеверсальская Польша характеризовалась как «тюрьма народов, занявшая место царизма в подавлении украинцев, белорусов, евреев, литовцев и других национальностей». В проекте коминтерновских тезисов утверждалось: «Польская буржуазия подготовила уничтожение своего государства также тем, что она неизменно служила чужим интересам иностранных империалистов, претендовала всегда на роль форпоста мировой реакции против Страны Советов, политически дискредитировала себя в глазах трудящихся масс всего мира контрреволюционной войной против СССР. Всей своей реакционной внешней и внутренней политикой она вселила к себе ненависть масс, не желавших защищать такое государство».

В качестве своеобразного резюме в проекте тезисов ИККИ делалось безапелляционное заявление: «Польский народ и международный пролетариат не заинтересованы в восстановлении прежнего многонационального буржуазно-поме-

щичьего польского государства, приведенного к распаду коррупцией и предательством его правящих классов»[49].

Вслед за разделом Польши между Советским Союзом и Германией стали создаваться фильмы антипольской направленности, авторами которых являлись видные советские режиссеры. Эти ленты были своеобразной демонстрацией печально известного тезиса В.М.Молотова, прозвучавшего в его докладе на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. (советский лидер назвал тогда Польшу «уродливым детищем Версальского договора, жившим за счет угнетения непольских национальностей»)[50].

На другой же день после упомянутого выступления В.М.Молотова, 1 ноября 1939 г. на заседании Комитета по делам кинематографии при СНК СССР рассматривался вопрос об улучшении качества звуковых фильмов. Было упомянуто и о недостатках в звукозаписи художественного фильма В.Пудовкина «Минин и Пожарский». Председатель Комитета по делам кинематографии И.Г.Большаков в данной связи подчеркнул в своем заключительном слове на заседании, что этой картине придавалось «большое значение и с точки зрения художественной, и с точки зрения идейной». Киноленту «Минин и Пожарский» было намечено демонстрировать в массовых копиях по всему Советскому Союзу. Главное, она, как сказал Большаков, ***«перекликается с международными событиями»*** (*курсив мой — В.Н.*)[51]. За неделю до этого заседания в «Правде» появилась рецензия Н.Кружкова на фильм, в которой, в частности, подчеркивалось, что он «выходит на экран как нельзя ***более своевременно*** (*курсив мой — В.Н.*): в нынешние дни, когда вся советская страна радостно переживает освобождение от польского ига братских народов Западной Украины и Западной Белоруссии, взор невольно обращается к историческим параллелям и сравнениям, когда руками народов была развеяна в прах польская интервенция»[52].

По сценарию В.Вишневского режиссер Е.Дзиган снимал грандиозное батальное кинополотно «Первая Конная», сюжетную основу которого составлял «прорыв польского фронта (рейд в тыл белополяков Первой Конной Армии в 1920 г.)».

К маю 1941 г. съемки «Первой Конной» уже обошлись государственному бюджету в 8 млн. руб., но фильм в конечном счете так и не вышел на экран[53]. Работа над «Первой Конной» началась еще в 1938 г., однако осенью 1939 г. благодаря новому развитию событий, связанных с советско-германским

разделом Польши, создатели фильма придали ему откровенно антипольскую направленность. 23 октября 1939 г. И.Г.Большаков потребовал от них отказаться от двухсерийного варианта и ускорить темпы съемок. В.Вишневский записал в те дни: «Ответим этим бл... [*полякам — В.Н.*] — фильмом о 1920 г.! Разгром их — показать везде — в СССР и за рубежом»[54].

В контексте конкретных обстоятельств конца 30-х — начала 40-х гг., а также в соответствии со сложившимся на протяжении предыдущих десятилетий стереотипом враждебности по отношению к Польскому государству, подобные кинокартины имели совершенно определенную политико-пропагандистскую значимость, даже несмотря на первоначальный замысел их создателей[55].

Вероятно, антипольские мотивы, звучавшие в них, проявлялись слишком навязчиво, бросались в глаза. На заседании комитета по делам кинематографии при СНК СССР , состоявшемся 11 ноября 1939 г., один из его сотрудников даже заявил, что Польша стала своеобразным козлом отпущения: какая бы тема ни бралась для экранизации, «все переносится» на нее. По его словам, некоторые советские режиссеры стали действовать по принципу: «давайте валить все на Польшу», но при этом «Германию брать нельзя»[56].

В целом, первый опыт «освоения» «сфер интересов» СССР, оговоренный в секретных протоколах к пакту 23 августа и договору о дружбе и границе с Германией 28 сентября 1939 г., оказался вполне успешным. Показал свою действенность комплексный подход к пропагандистскому обоснованию территориальных приращений за счет Польши, сама законность существования которой была поставлена под сомнение Сталиным и его окружением. Поражения поляков в боевых действиях против Германии позволили изобразить политическое руководство Речи Посполитой в весьма невыгодном свете. Довольно удачной оказалась для восприятия общественным сознанием в СССР идеологическая подоплека продвижения Советского Союза на Запад, а именно взятый на вооружение лозунг «освобождения единокровных братьев, украинцев и белорусов», которые находились «в ярме польских панов».

---

[1] Документы внешней политики СССР. 1939. Т.XXII. В 2-х кн. Кн.1. Январь – август. М.,1992. Док. № 485.

[2] XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.,1939. С.280.

[3] *Фляйшхауэр И.* Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М.,1990. С.395. Прим.57.

[4] *Лебедева Н.С.* Катынь: Преступление против человечества. М.,1994. С.15; *Она же.* Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война: 1939 – 1945. М.,1996. С.245.

[5] *Гальдер Ф.* Военный дневник. В 3-х т. М.,1969. Т.1. С.106,108; Документы внешней политики СССР. 1939. Т.XXII. В 2-х кн. Кн.2: Сентябрь–декабрь. М.,1992. Док. № 549.

[6] Оглашению подлежит. СССР–Германия, 1939–1941. Документы и материалы М.,1991. Док. № 45; *Мельтюхов М.И.* Современная историография и полемика вокруг книги В.Суворова «Ледокол» // Советская историография. М.,1996. С.495.

[7] *Осипов Н.* Войны справедливые и несправедливые // Политучеба красноармейца. 1939. № 17. С.19-27.

[8] Там же. С.27.

[9] Цит.по: *Ленин В.И.* Соч. Изд.3-е. Т.XXVI. С.49-50.

[10] *Осипов Н.* Указ. соч. С.27.

[11] *Репко С.И.* Организация пропагандистской деятельности Красной Армии в период боевых действий осенью 1939 года // Журналистика. История и современность. М.,1993. С.47-48.

[12] Исторический архив. 1995. № 5-6. С.51.

[13] *Фирсов Ф.И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939-1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С.19; Коминтерн и Вторая мировая война. Часть I. До 22 июня 1941 г. М.,1994. С.10,11.

[14] Коминтерн и Вторая мировая война. Часть I. Док. № 9,12,13.

[15] *Лебедева Н.С.* Четвертый раздел Польши и катынская трагедия. С.242.

[16] *Лебедева Н.С.* Катынь: Преступление против человечества. С.13-14.

[17] РЦХИДНИ. Ф.77. Оп.1. Д.886. Л.3,9,12а,14.

[18] Исторический архив. 1995. № 5-6. С.51.

[19] *Лебедева Н.С.* Катынь: Преступление против человечества. С.13.

[20] Правда. 1939. 14 сентября.

[21] *Верт А.* Россия в войне 1941-1945. М.,1965. С.76.

[22] Оглашению подлежит... Док. № 48.

[23] Партийно-политическая работа в боевой обстановке. Сборник документов, изданных во время освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию. М.,1940. С.14-15.

[24] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. Т.1. Кн.1. М.,1995. Док. № 31,33.

[25] *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд.2-е. Т.22. С.18-19.

[26] *Гольдберг Я.* Западная Украина и Западная Белоруссия.(Историческая справка) // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 21.

Ноябрь. С.43; *Росовска-Якубчик Э.* Отношения Польши и СССР в 1939-1943 годах и советская пресса. Дис... к.и.н. М.,1993. С.65.

27 Документы внешней политики СССР. 1939. Т.XXII. Кн.1. М.,1992. Док. № 282.

28 Там же. Док. № 370.

29 Под лозунгом «Паразиты у власти!» // Военно-исторический журнал. 1993. № 9. С.94.

30 Из истории Великой Отечественной войны. Накануне войны (1936 – 1940 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С.216-219.

31 Исторический архив. 1995. № 5-6. С.38.

32 Коминтерн и Вторая мировая война. Ч.1. С.4-5.

33 Под лозунгом "Паразиты у власти!"... С.94; Правда. 1939. 14 сент.

34 *Росовска-Якубчик Э.* Указ. соч. С.65.

35 *Репко С.И.* Указ. соч. С.51.

36 *Росовска-Якубчик Э.* Указ. соч. С.66-67.

37 *Симонов К.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В.Сталине. С.80-81.

38 Оглашению подлежит... Док. № 49.

39 Правда. 1939. 18 сентября.

40 Партийно-политическая работа в боевой обстановке... С.15-17, 24,46,68,119,120.

41 *Маньков А.Г.* Из дневника 1938–1941 гг. // Звезда. 1995. № 11. С.180.

42 Там же. С.181.

43 *Орлова Р.Д.* Воспоминания о непрошедшем времени. М.,1993. С.232-234.

44 *Вернадский В.И.* Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992. № 11-12. С.25,32.

45 *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Кн.2. Ч.1. М.,1989. С.36-37.

46 Коминтерн и вторая мировая война. Ч.1. Док. № 17,18-19,21.

47 *Орлова Р.Д.* Указ. соч. С.101, 233-234.

48 *Маньков А.Г.* Указ. соч. С.178.

49 Коминтерн и вторая мировая война. Ч.1. Док. № 17.

50 Правда. 1939. 1 ноября.

51 РГАЛИ. Ф.2456. Оп.1. Д.422. Л.44.

52 Правда. 1939. 23 окт.

53 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.71. Л.112,113.

54 Цит.по: *Марголит Е., Шмыров В.* Изъятое кино. Каталог советских игровых картин, не выпущенных во всесоюзный прокат по завершении в производстве или изъятых из действующего фильмофонда в год выпуска на экран (1924-1953). М.,1995. С.75.

55 *Черненко М.* Портрет соседа в зеркале геополитики // Киноведческие записки. М.,1989. Вып.2. С.118-119.

56 РГАЛИ. Ф.2456. Оп.1. Д.445. Л.8

Сенявская Е.С.

ИСЛАМСКОЕ ОБЩЕСТВО АФГАНИСТАНА ГЛАЗАМИ ВОИНОВ-«АФГАНЦЕВ»

Восприятие одной культуры другой никогда не бывает абстрактным: всегда существуют конкретный объект, субъект и ситуация восприятия. Афганская война воспроизвела не такой уж редкий вариант взаимодействия двух принципиально различных культур через военное противостояние, причем ситуация была осложнена тем обстоятельством, что само афганское общество было расколото на две части, одна из которых воспринимала вмешательство СССР в Афганистане как союзную помощь и поддержку, а другая, со временем усиливавшаяся и разраставшаяся, — как агрессию и навязывание силой чуждых порядков.

Проблема «свой-чужой» — всегда центральная во взаимодействии любых социумов, включая социокультурные образования. Образ «другого» всегда воспринимается через собственный опыт, традиции, психологию и даже архетипы. Чаще всего это происходит отнюдь не дружественно, без излишних симпатий, потому что своя культура, свои обычаи в силу человеческой психологии представляются более значимыми, а иногда и самоценными, тогда как к инородным явлениям относятся либо безразлично, либо настороженно. Ситуация, когда носители одной культуры вторгаются в среду другой, используя силу, превращает эту изначально неблагожелательную «нейтральность» в активную враждебность, которая тем сильнее, чем дальше друг от друга отстоят эти культуры. В этом смысле Афганская война — классический вариант такой ситуации, причем с обеих сторон. Однако в советских войсках, вступивших в Афганистан, при всей их общности как представителей «советского народа» с присущим ему на поверхностном, «надстроечном» уровне менталитетом (идеологические стереотипы, внедренные государством), служили люди разных национальностей, вероисповеданий, культур. Отсюда вытекает проблема дифференцированного восприятия афганского общества и его традиций различными субъектами, представлявшими в «ограниченном контингенте» различные субкультуры. Среди них можно ус-

ловно выделить три больших категории. Первая — это наиболее близкие афганским народам по культуре и обычаям выходцы из Средней Азии (таджики, узбеки, туркмены и др.). Этническая, языковая и религиозная общность при всем внешнем государственном влиянии создавала в этих случаях основу для восприятия афганской культуры как родственной, хотя и отсталой, застывшей в своем развитии где-то на уровне средневековья. Более удаленной была позиция представителей других народов, также исповедовавших ислам (например, татар, некоторых народов Кавказа и др.), хотя религиозная общность позволяла воспринимать афганскую культуру менее отчужденно и даже видеть в ней какие-то родственные черты. Наконец, позиция наибольшей отчужденности в восприятии была свойственна основной части воинского контингента, которая как раз и характеризовалась максимальными этническими, религиозными и социокультурными отличиями. Это была специфическая позиция восприятия азиатской мусульманской культуры восточноевропейцами (славянами, прибалтами и др.).

Конечно, не следует преувеличивать религиозные основы этих различий, потому что шесть-семь десятилетий атеистической советской власти во многом усреднили образ жизни и мышления представителей и различных этносов, и религиозных конфессий. Однако не стоит и приуменьшать, так как на уровне базовых традиций, обычаев, бытового поведения и обыденного сознания религиозные корни различных этнокультур в целом были очень сильны. (Об этом, например, свидетельствует ситуация в посткоммунистической Югославии, где при этнической близости населяющих ее народов после десятилетий официального атеизма религия стала главным фактором противостояния в обществе и распада государства.)

Основной интерес для нашего анализа представляет именно позиция третьей категории советских воинов-«афганцев», — и потому, что за исключением начального этапа войны они представляли подавляющее большинство в «ограниченном контингенте», и потому главным образом, что восприятие это особенно ценно с позиции наибольшей разницы потенциалов «мусульманской» и «христианской» культур.

Следует подчеркнуть несколько важнейших параметров самой ситуации восприятия и ряд вытекающих из нее следствий. Во-первых, это было не «дистанционное» восприятие, при котором в общественном сознании стабильно существует некий набор стереотипов и предрассудков, а непосредственно личностное, действенное, в прямом контакте, следствием чего был конкретный опыт взаимоотношений, а само восприятие было чувственно-образным и эмоциональным. Не случайно значительная часть источников, создававшихся в ходе событий в Афганистане и даже после их окончания, фиксирует прежде всего чувства и переживания участников, а уже потом осмысление и анализ того, что там происходило.

Во-вторых, ситуация восприятия была экстремальной, как всякая война, в особенности на чужой территории. И тут, безусловно, на отношение советских военнослужащих к жителям Афганистана накладывался сложный комплекс чувств: их воспринимали не только как представителей иной культуры, но и как потенциальных или реальных противников, которые могут в любой момент выстрелить, напасть из-за угла, заманить в засаду, захватить в плен, убить. Традиционный стереотип о восточных жестокости и коварстве очень часто находил подтверждение на практике, причем особенно в отношении к иноверцам-европейцам. Один из источников приводит распространенную формулу моджахедов (то есть «борцов за веру», как они сами себя называли), когда они предлагали сдаться окруженным советским солдатам: «Мусульман, выходи, живой будешь. Шурави, сдавайся, не больно резать будем!»[1]

В-третьих, — и это только подтверждается приведенным выше свидетельством, — поскольку ядром СССР являлись Россия и славянские республики, то фактически и афганскими моджахедами, и советскими войсками война воспринималась как противостояние культур, только одни это открыто формулировали, призывая к «джихаду» (священной войне против «неверных»), а другие под лозунгом интернациональной помощи внедряли в чужую среду свои, чуждые ей идеи.

В-четвертых, важной характеристикой ситуации была ее крайняя противоречивость. Советский «ограниченный контингент» выступал, с одной стороны, «классовым» союзни-

ком «народно-революционной» власти Кабула; с другой, — воспринимался как агрессор многочисленными, разношерстными ее оппонентами, за которыми стояла огромная часть народа. Советские войска вмешались во внутренний политический конфликт, в гражданскую войну, что сразу изменило ее характер: противники центральной власти фактически объявили войну национально-освободительной и повели ее под религиозными знаменами. Факт появления чужеземных солдат исключительно свободолюбивым, независимым афганским народом был воспринят как иностранная интервенция[2]. И чем активнее были советские военные операции в поддержку кабульского правительства, тем сильнее возрастало сопротивление оппозиции, привлекавшей на свою сторону все более широкие слои населения. Это не могли не замечать и советские военнослужащие. Отсюда крайняя противоречивость восприятия ими самой войны и афганского народа. С одной стороны, некоторая романтизация событий как следствие официального лозунга об интернациональном долге, братской помощи афганским революционерам, защите государственных интересов СССР и его южных границ; с другой, — личный опыт жесткого противостояния с опасным и жестоким врагом, ведущим партизанскую войну, при отсутствии четкой грани между мирным жителем и душманом. Несомненно, на восприятие войны, а через нее и афганского общества, влиял тот факт, что противниками «народной власти» почему-то оказывались не только «банды моджахедов», но и сам народ — от мала до велика, вне зависимости от «классовой принадлежности». При этом, наверное, стоит говорить об изменении доминанты восприятия — от начальной к завершающей стадии войны. Если в 1980 г. советских солдат, положивших конец зверствам режима Амина, встречали цветами, и у них появлялось ощущение того, что им действительно рады (хотя и тогда уже началось внутреннее сопротивление, первые обстрелы, первые жертвы), то к 1989 г. таких иллюзий уже ни у кого не осталось[3].

В-пятых, ситуация восприятия характеризуется и особенностью его субъекта: это были преимущественно военнослужащие, то есть люди на тот момент одной профессиональной категории, хотя среди них находились и солдаты срочной службы, и кадровые офицеры. Кроме того, в абсолют-

ном своем большинстве это была молодежь, попавшая на войну прямо со школьной скамьи. Люди, почти не имевшие жизненного и социального опыта, неожиданно оказались в чужой стране, в непривычной и враждебной среде, в экстремальных обстоятельствах. Следствием этого явилась высокая степень эмоциональности в отношении к событиям и к окружающей действительности. Эта особенность отразилась и в источниках – как личного происхождения (письма, дневники, мемуары, устные воспоминания-интервью), фиксирующих такое восприятие, так и в имеющих художественную основу (авторские стихи, песни, солдатский фольклор). В последней категории источников в обобщенной символической форме выражен весь спектр отношений к афганской войне, – и к афганскому обществу, и к самой ситуации войны, и к своему месту в ней.

С учетом приведенных выше, а также ряда других параметров и следует оценивать ситуацию восприятия советскими воинами афганского общества, его обычаев и традиций в рамках исламской культуры.

«Что расскажешь о Востоке? Непривычная страна:
Здесь совсем другие Боги и другие имена...»[4] –

написал об Афганистане офицер и поэт Игорь Морозов. А в других своих стихах добавил:

«Здесь сошлись два века в противостоянии –
Век двадцатый и четырнадцатый век»[5].

В самом деле, первое, что бросалось в глаза прибывшим в чужую страну советским солдатам, – не столько восточный колорит и экзотика, сколько ужасающая бедность: убогие глиняные постройки, оборванные, грязные, вечно голодные ребятишки, выпрашивающие «бакшиш» (подарок), нехватка или отсутствие привычных «плодов цивилизации», отчего возникало чувство, что ты отброшен назад во времени. И принятое здесь летоисчисление по мусульманскому календарю символически очень точно отражало самую суть ситуации. «Что больше всего поразило в Афганистане – это нищета, – вспоминает рядовой С.Фесюн, проходивший службу в 1980-1981 гг. в Кандагаре. – Когда мы приехали, зима была. Снега не было, но ветер, пронизывающий до костей, злой какой-то. Мы, солдаты, в ватных бушлатах и то мерзли.

А местные крестьяне в это время босиком ходили. Все их жилища из песка и глины слеплены. Тогда же я увидел, как дерево продают на килограммы, тщательно взвешивая»[6].

При всей своей бедности афганские декхане, составляющие подавляющее большинство населения, очень трудолюбивы: «На полях люди работают не разгибая спины с утра до вечера. Почва плохая: песок вперемешку с камнями. Удобрений никаких. И все же два урожая в год снимают»[7]. Тем удивительнее казалось сочетание этого качества с другими: вороватостью, корыстностью, даже продажностью. Обман при совершении торговых сделок рассматривался как явление вполне достойное. Причем, если в отношении мусульман между собой существовали своеобразные нормы честности, то «надуть» иноверца считалось особой доблестью. Широко было распространено воровство, даже открытое. Так, с проезжающих мимо военных машин афганцы заимствовали все, что легко откручивается. Особенной ловкостью в такого рода делах отличались местные пацаны[8].

С другой стороны, нельзя было не заметить разительные контрасты местной жизни: Афганистан существовал одновременно как бы в двух измерениях – в темном средневековье и в «просвещенном» XX веке, причудливо сочетая признаки и того, и другого. «Конечно же, нашей первой точкой оказался базар, – рассказывает рядовой А.Г.Банников, служивший в Афганистане в 1985-1986 гг. – Мы словно попали в века минувшие: декхане в рваных халатах, совсем нет женщин, около дуканов, как бы вмонтированные в стены, на корточках сидели то ли нищие, то ли хозяева этих магазинчиков... Но когда мы взглянули на прилавки дуканов, то убедились, что это век будущий. Наимоднейшие шмотки, которые несколько недель назад были сшиты на какой-нибудь американской или английской фабрике. Рядом с ними беспорядочно лежали японские магнитофоны, телевизоры. Часы всех мастей, духи...»[9] То же можно сказать и об оружии: начиная войну с дедовскими «бурами», душманы вскоре получили и освоили самое новейшее вооружение вплоть до ракетных установок. Средневековое по уровню сознания общество успешно противостояло современной армии, используя против нее как современные средства ведения войны, так и тактику партизанских действий, осно-

ванную на вековом опыте и знании местности, тесном взаимодействии боевиков с «мирными» жителями.

Второе впечатление — огромная религиозность местного населения. Для людей, в большинстве своем воспитанных в духе атеизма, подобная атмосфера была особенно непривычна и неожиданна. Вот как описывает свои впечатления рядовой А.Бабак, проходивший службу в Кабуле и Шинданде с 1980 по 1982 г.: «Что в первое время очень удивляло, так это намаз в мечетях. Пять часов утра, до подъема еще час самого сладкого солдатского сна, а тут вдруг проповедь муллы из громкоговорителей. Жили в палатках — все было слышно. Голос у муллы какой-то жалобный и вместе с тем требовательный. Бывало, даже невольно посочувствуешь: уж больно беспокойная должность у человека. С утра до вечера служит Аллаху»[10].

Пожалуй, наблюдая скрупулезное соблюдение религиозных обрядов как душманами, так и правительственными войсками (когда, например, посреди боя и «духи», и «сарбозы» дружно прекращали стрельбу и опускались на колени, чтобы совершить намаз), советские солдаты сильнее всего могли ощущать, насколько это чужая война и как неуместно их вмешательство во внутреннюю жизнь этой страны. Различие культур обусловливало и специфику ведения советскими войсками боевых действий: они были свободны от многих психологических барьеров, характерных для их союзников-царандоевцев. Так, ефрейтор А.Шатров, служивший в Афганистане в 1982-1984 гг., вспоминает, что во время одной операции они «выловили больше сотни человек из банды, которая основательно трепала наши войска. Правда, нарушили мусульманский обычай — проверили женские покои, которые есть в каждом доме. Бандиты в них и прятались, закутавшись в женскую одежду и паранджу. Афганские солдаты, которые до этого несколько раз «чесали» Самаркандиан, туда не заходили»[11].

Восточные традиции и религиозный фанатизм проявлялись во всем поведении моджахедов: убить врага и надругаться над его трупом считалось особой доблестью; обычным делом были зверские расправы над пленными; своим за любую провинность рубили головы[12]. Весьма характерно и отношение «духов» к опасности: все они смелые воины, но это

смелость особого рода, основанная на исламском фатализме, покорности судьбе, то есть воле Аллаха. Погибнуть в бою, пролив кровь за веру, — значит обеспечить себе пропуск в рай, но при этом они панически боятся бескровной, «неправедной» смерти — быть утопленными, задушенными или повешенными[13]. Таким образом, отношение к смерти у них специфически религиозное, идущее от исламских догматов. Для советских «безбожников», воспитанных тем не менее в культуре, имевшей христианские корни, это было весьма непривычное и странное мировоззрение, вызывавшее резкое неприятие.

В свою очередь для душманов «шурави» были не только чужеземцами, вставшими на сторону непопулярной политической группировки, которая, захватив центральную власть, стала нарушать вековые традиции, оскорбляя чувства верующих (закрывались мечети, расстреливались муллы, привлекались к общественной жизни женщины и т.д.[14]). Они были «кафирами» (поборниками иной веры), и война с ними считалась священной, получившей благословение Аллаха. Возможно, именно это обстоятельство наряду с общей психологической напряженностью вызывало в советских войсках вспышки религиозности среди атеистов: у людей возникала настоятельная потребность противопоставить уверенному в своей «праведности» неприятелю нечто равноценное в духовном плане. Идеологические клише, звучавшие на политзанятиях, для этого уже не годились: в реальной обстановке Афганской войны они выглядели беспомощными и нелепыми.

Ислам — не только религия. Это образ жизни и мыслей, ядро целой цивилизации — чуждой и до конца непонятной, отторгающей чужака-европейца. В Афганистане это было особенно заметно, потому что обычаи, характерные для исламского мира в целом, накладывались на тысячелетние традиции народа, который всегда выходил победителем в борьбе с внешним врагом, и любые попытки вторжения на его территорию заканчивались для завоевателей плачевно. В любом кишлаке, у каждого племени, рода и клана существует свое ополчение, так называемая «лашкара». Численность таких отрядов может составлять от десятка до нескольких тысяч человек (в межплеменных формированиях). А так как место погибшего воина по освященному веками обычаю

обязан занять сын, брат, любой другой родственник или соплеменник, то «война с «лашкарой» для любой регулярной армии бесперспективна, если речь не идет о «победе любой ценой»[15]. Даже незначительное кровопролитие вызывает здесь цепную реакцию, и по закону кровной мести за оружие берутся те, кто еще вчера оставался в стороне от борьбы. Сопротивление нарастает со скоростью горной лавины. Этого не учли политики, принимавшие решение о вводе советских войск в Афганистан, — какими бы причинами они ни руководствовались. А вот Амин, глава режима, свергнутого при участии спецподразделения «Альфа», более адекватно оценивал обстановку в стране и в ответ на критику в свой адрес со стороны советских советников по поводу того, как же можно бомбить и уничтожать целые племена, говорил: «Вы не знаете наш народ! Если какое-то племя взялось за оружие, оно его уже не сложит. Единственный выход — всех уничтожить от мала до велика! Такие у нас традиции»[16].

Кроме того, среди пуштунских племен широко распространено наемничество, которое считается очень почетной и хорошо оплачиваемой профессией. По решению старейшин племени «лашкара» может выступить на стороне любого, кто обратится за помощью или заплатит за военную поддержку. И мотив выгоды имеет не меньшее значение, чем политический или религиозный. Так, голова советского офицера оценивалась в 300 тысяч афгани (точная цена колебалась в зависимости от звания), а урожай со среднего крестьянского надела стоил всего 50 тысяч[17]. Стоит ли удивляться, что даже «мирные декхане», не состоявшие в отрядах оппозиции, днем обрабатывали свой клочок земли, а ночью выходили на промысел совсем иного рода? И советские солдаты знали, что «гадость можно ждать от каждого», будь то старик, женщина или ребенок. Как не было в Афганистане линии фронта, так не было и границы между «мирным» и «немирным» населением, то охотно принимающим продовольственную и иную помощь, то ставящим мины на пути везущих ее колонн. Недаром враг назывался «духом»: он действительно был невидим, неслышим, неуязвим, появляясь в самых неожиданных местах и так же внезапно исчезая, — то растворяясь среди жителей кишлака, то спускаясь в «подземную страну» — «киризы», то уходя по тайным тропам в горные

ущелья[18]. И ощущение себя как инородного тела в этой непонятной, враждебной стране испытывали все советские воины, оказавшиеся «за речкой».

«Кто здесь суннит? Где здесь шиит?
Что по утрам мулла мычит?
А где здесь «халк», а где «парчам»?
Ответь, ободранный бача!
Кто здесь декханин? Кто – душман?
Ты как кроссворд, Афганистан!
Мы в вихре классовой борьбы...
И не сюды, и не туды!»[19] –

написал офицер-десантник В.Иванов, очень точно отразив самоощущение «ограниченного контингента» среди всех хитросплетений и противоречий афганского общества. И возникал закономерный вопрос: «Зачем мы здесь?»

Постепенно приходило понимание того, что этот мир живет по особым законам и нужно оставить его в покое, дать возможность решить все проблемы самостоятельно, не влезая «в чужой монастырь со своим уставом». «Конечно, прочесывая кишлаки, не чувствуешь себя героем, – вспоминает А.Шатров, – тебя охватывают противоречивые мысли... Думаешь о людях, которые здесь живут. У них свои традиции и обычаи, как у нас в старинных селах на Севере. И вот появились мы, как инопланетяне. Что они думают о нас? Что говорят между собой? Нехорошо как-то...»[20] Да и афганцы заявляли вполне откровенно: «Уходи, шурави. Мы сами разберемся. Это наши дела».

А дела эти представлялись советским солдатам довольно странными. Например, когда пленные душманы, взятые с оружием в руках и переданные в ХАД (службу госбезопасности Афганистана), очень скоро оказывались бойцами царандоя (народной милиции) или, откупленные родственниками, возвращались обратно в банду[21]. Многие неоднократно «кочевали» с одной стороны на другую, в зависимости от конкретной обстановки, интересов личных или своего клана и даже от времени года: «Вот станет теплее, опять подадимся в горы...»[22] Или когда правительственные войска («зеленые»), воевавшие, по мнению наших солдат, никудышно, проявляли чудеса ловкости при «прическе» кишлаков, ухитряясь выносить оттуда все подчистую вместо того, чтобы ис-

кать укрывшихся душманов[23]. По обе стороны находились люди, связанные племенными и родственными узами, продолжавшие поддерживать тесные взаимоотношения, обмениваться «ценной информацией». Это была очень своеобразная война, и иноземцы оказались в ней явно лишними, сыграв отнюдь не умиротворяющую роль, как это изначально планировалось, а явившись невольным катализатором нарастающей напряженности.

На личном опыте сотни тысяч советских военнослужащих убедились, что пришли в совершенно чужую страну, оказались в абсолютно непонятной и чуждой социокультурной среде и выполняли неблагодарную роль, поддерживая своими штыками неадекватное этой среде центральное правительство. Фактически это была роль соседа, вмешавшегося в семейную драку, не уяснив ее сути, да еще пытавшегося учить одну из сторон своим правилам и нормам поведения. Соваться в чужой, к тому же мусульманский средневековый «монастырь» было делом заведомо проигрышным и безнадежным. Вот только расплачиваться за недальновидность советского политического руководства пришлось «ограниченному контингенту». И его отнюдь не туристическое знакомство с исламским миром дорого обошлось не только воинам-«афганцам», но и нашей стране в целом.

---

[1] *Куприянов А.Н.* Мы вернемся // Афганистан болит в моей душе... Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. М.,1990. С.178.

[2] Афганистан в нашей судьбе. М.,1989. С.130.

[3] Там же. С.33-34; *Лосото Е.* Командировка на войну. М.,1990. С.7.

[4] Группа специального назначения. Сборник авторских песен воинов-афганцев. М.,1991. С.47.

[5] Подвиг. Героико-патриотический литературно-художественный альманах. М.,1989. Вып.34. С.113.

[6] *Банников А.Г.* Узелки на память // Афганистан болит в моей душе... С.220.

[7] Земляки // Афганистан болит в моей душе... С.205.

[8] *Банников А.Г.* Указ. соч. С.220-221.

[9] Земляки // Афганистан болит в моей душе... С.204.

[10] Там же. С.206.

[11] Афганистан в нашей судьбе. С.6.

[12] Там же. С.11-12,38-39; *Секачев А.В.* Граната // Афганистан болит в моей душе... С.72; *Лосото Е.* Указ. соч. С.8-9; Из интервью с

майором С.Н.Токаревым, майором П.А.Поповым // Личный архив автора.

[13] Из интервью с майором С.Н.Токаревым; *Лосото Е.* Указ. соч. С.9.

[14] *Малышева Д.Б.* Религиозный фактор в вооруженных конфликтах современности. М.,1991. С.85-89; Афганистан в нашей судьбе. С.98,127.

[15] Афганистан в нашей судьбе. С.117-118.

[16] Там же. С.128.

[17] *Лосото Е.* Указ. соч. С.16.

[18] Из интервью с майором П.А.Поповым, подполковником В.Д.Баженовым, прапорщиком С.В.Фигуркиным, полковником С.М.Букваревым, майором В.А.Сокирко // Личный архив автора.

[19] *Смирнов О.* Никто не солдат для войны. М.,1990.

[20] Афганистан в нашей судьбе. С.6.

[21] Из интервью с майором С.Н.Токаревым, майором П.А.Поповым, подполковником В.Д.Баженовым, прапорщиком С.В.Фигуркиным // Личный архив автора.

[22] *Банников А.Г.* Указ. соч. С.220.

[23] Из интервью с полковником С.М.Букваревым, майором И.Н.Авдеевым // Личный архив автора.

Словарь

бакшиш — *подарок*
бача — *мальчик*
декханин — *крестьянин*
джихад — *священная война*
душман — *враг*
дукан — *лавка*
кишлак — *селение*
киризы — *подземная система орошения*
лашкара — *ополчение*
моджахед — *борец за веру*
сарбоз — *солдат*
шурави — *русский*
хальк, парчам — *политические партии*

II. РОССИЯ И РУССКИЕ: ВЗГЛЯД ИЗВНЕ

Портнов Л.О.

ИНОСТРАНЦЫ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОСКОВИТОВ

(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЧИНЕНИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.)

Сочинения иностранных путешественников и дипломатов о Московском государстве признаются многими историками чрезвычайно важным источником. Разумеется, существуют разнообразные подходы к истолкованию и использованию этих документов. Прежде всего в этом смысле необходимо отметить наметившуюся в последнее время тенденцию рассматривать записки иностранцев не только в качестве второстепенных источников (иллюстративный подход), но признание за ними самостоятельного значения, что нашло отражение в исследованиях представлений иноземцев об отдельных явлениях московской жизни, в изучении цельного «образа» России, который складывался у постороннего наблюдателя[1].

Особое внимание к «россике» второй половины XVII в. следует уделить, помимо прочего, по причине того, что сами европейцы рассматривали рубеж 40-50-х гг. как начало новой эпохи истории России, причем это связывалось с новыми возможностями, которые открылись для Московии в результате более тесного общения с иностранными государствами[2].

Иностранцы-наблюдатели, рассматривая современную им Московию, определяли проблемы, которые пытались разрешить они сами и их последователи. Путешественник видит и замечает то, что в общем-то предполагает увидеть, у него есть набор моделей восприятия общества («образ» Московии), а также возможность сравнения. Разумеется, в первую очередь воспринимается нечто ожидаемое (экзотика — все оригинальное и необъяснимое — также входит в набор этих ожиданий), то, о чем наблюдатель каким-то образом был информирован заранее, или же существование чего он предпо-

лагал, исходя из своего опыта. Наблюдая московскую жизнь, иностранцы прежде всего видели то, что могло бы ответить на возникшие у них вопросы. В этом смысле их впечатления были без сомнения запрограммированы в рамках того объема информации, которым они обладали и к массивам которого обращались. А поставленные ими вопросы очерчивали круг того, что было особенно важно узнать о государстве и обществе, с которыми в перспективе могли установиться выгодные отношения.

Вопрос об истории наблюдаемого общества — частный, один из многих. Но он чрезвычайно важен, поскольку сама история в понимании европейцев важна, она способна прояснить многое в современном состоянии государства и народа. История в европейской культуре к тому времени уже давно стала наукой. Настоящий момент в истории Московии иностранцы имели возможность переживать, но для них он представлялся неким итогом, и если достижения были бесспорны (как и обратное), то они хотели познать причины и факторы, которые объясняли status quo и могли пролить свет на будущее. Поэтому практически все путешественники останавливаются на анализе московской истории, высказывают свое отношение к ней, а равно пытаются показать восприятие московитами собственного прошлого.

Историческая память существует как необходимая часть самовосприятия и самоидентификации общности. Внутри этой общности она выражается при помощи одобренных традицией и необходимостью явлений. В России эти формы выражения традиционно включали в себя сказку, предание, былину, то есть мифологизированное воспоминание о событиях, которые как-то повлияли на ход истории. Необходимо сразу заметить, что этот пласт культуры представлялся наименее интересным для иностранных путешественников, полагавших, что народные сказания, исторические песни и т.п. суть проявления культуры низших слоев населения (Low Culture)[3]. Кроме того, важным элементом сохранения памяти являлись мифологизированные и формализованные жизнеописания выдающихся личностей. Значительное место занимали всевозможные «истории». Иными словами, в этот список можно включить практически все «источники», которыми пользуются для реконструкции прошлого современные

историки. В то время эти средства восприятия истории и выражения к ней отношения были распространены главным образом как элементы устной традиции, следовательно, были малодоступны постороннему наблюдателю, привыкшему видеть и постигать историю посредством письменных сообщений. Отсутствие знакомых форм сохранения исторической памяти могло показаться представителям иной культуры пренебрежением к истории как таковой.

В ходе исторического процесса наиболее замечательные явления и события, призванные служить примером для потомков, обязательно оставляли после себя какие-нибудь следы — материальные артефакты, монументы, письменные сообщения, появившиеся как результат того или иного события или созданные позднее с целью его увековечить. Именно поэтому путешественники пытались найти аналогичные «следы» московской истории. Еще в XVI в. Фрэнсис Бэкон отметил необходимость знакомства с историей других стран и народов. Философ считал заграничное путешествие одним из важнейших элементов образования человека. Бэкон рекомендовал своим читателям посещать различные достопримечательности, которые могли пролить свет на историю и современность создавшего их народа. Среди необходимых объектов для ознакомления он называл королевские дворцы, особенно, когда там происходит прием иностранных послов, суды, церковные заведения, городские стены, гавани, памятники старины, библиотеки, учебные заведения, диспуты, корабли, дворцы и сады, арсеналы, биржи, обучение войск, комедию, сокровищницы и кунсткамеры, а также именитых людей для удостоверения в их славе[4].

Впрочем, далеко не все подобные памятники иностранцы могли отыскать в Московии: «А изваяний ровно нет никаких, так что память дедов у внуков, а часто и родителей у детей погибает разом с их смертью... нет изваяний представляющих предков, славных знаменитыми делами, не вешают на стены комнат и их изображений, которые служили бы побуждением к добродетели для потомков и воспламеняли в них благородное соревнование»[5].

В Московии не было многих привычных для европейцев способов выражения почтения к истории. По мнению иностранцев, московиты просто были необразованны: «их нео-

бразованность велика... кто может читать и писать, считается у них ученым человеком», возможностей для обучения «иностранным языкам, философии, математике у них мало, да и это малое у них плохо»[6]. Практически все московиты были лишены возможности прикоснуться к знаниям, расширить свой кругозор и, следовательно, выразить свое отношение к происходящему в форме, понятной человеку культуры.

«Что касается их поэзии, – констатировал Яков Рейтенфельс, – то она совершенно плоха, они говорят, что поэтом, как и королем, не становятся, но рождаются»[7]. Просто так объявить себя поэтом в Московии невозможно, для этого необходима санкция власти (церковной или светской), но такой чести удостаивались лишь немногие (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев).

В таком же ключе иностранцы оценивали произведения живописи, которые видели в домах московитов (картины, впрочем, были в основном немецкие, но, по замечанию Николаса Витсена, весьма посредственные[8], что указывало на отсутствие вкуса), а также и немногочисленные театральные постановки.

Рейтенфельс считал: «Все, что в Московии можно хорошего и красивого отыскать создали иноземцы, или они же из-за рубежа привезли»[9]. При этом религиозную живопись – многочисленные иконы – иностранцы не воспринимали как предметы искусства.

Иностранцев занимал вопрос о почитании выдающихся личностей, но европейские путешественники не слышали от московитов хвалебных отзывов о ком-нибудь из соплеменников, в особенности о тех, кем сами иностранцы восторгались. Более того, привычной оказалась противоположная ситуация: для Афанасия Нащокина, который «много путешествовал к разным европейским дворам, не только латынь, но и французский, и немецкий, и другие языки изучил, все эти знания стали не ступенью к возвышению, а препятствием»[10]. В лучшем случае «отторжение» принимало форму удивления, непонимания: посланник к персидскому шаху Алексей, по сообщению Адама Олеария, был человек «со здравым умом и весьма ловкий, знал несколько латинских изречений, против обыкновения русских имел большую охоту к свободным искусствам, особенно же к некоторым математическим наукам

и латинскому языку», он выучился обращению с астролябией и латыни, что «чрезвычайно удивляло русских, не привыкших видеть своих соотечественников за подобным занятием»[11].

С одной стороны, иностранцы постоянно сталкивались с неприятием московитами каких-либо новшеств, что мотивировалось стремлением следовать старым образцам, не нарушать заповедей предков, с другой — обращение русских к собственной истории имело характер более чем формальный: несколько сказок и легенд, которые московиты представляли без всякого стеснения и чувства неполноценности (легенда о св.Николае, который путешествовал на мельничном жернове, например, вызывавшая смех у иностранцев). В конечном итоге все упиралось во фразу: все, что надо сверх того, знает только государь.

Государь как сердце механизма и центр системы и в то же время подчиненное наравне со всеми ее звено, направлял внимание постороннего более не на историю, а на блеск настоящего момента, в котором как бы и заключалось все могущество и все нрава. Историческим обоснованием в какой-то степени являлся Титул: в нем наряду с исконными владениями были отмечены важнейшие для московитов победы. Вероятно, это было одной из причин самых жарких споров и дискуссий вокруг правильного произнесения и написания Титула иностранцами.

Московская история в сочинениях европейцев выстраивалась по знакомому образцу — начиная с библейских времен, т.е. они не отказывали московитам, хотя и варварам, в богатой событиями истории. Но их шокировало то, что русские никак не высказывали отношения к своему прошлому. Это могло бы показаться загадочным, навести на мысль о сокрытии московитами своего отношения к истории (в церкви ведь не пускают, может быть там-то все и кроется? почему всегда ссылаются на царя как хранителя всех знаний? почему ничего не обсуждают с иностранцами?). Однако, скорее всего, иностранцы не задавались такими вопросами, а традиционно находили объяснение всем этим парадоксам в варварстве московитов. Впрочем, они старались отыскать и какие-нибудь отступления от правила.

«У них нет, – рассуждал автор статьи о Московии в многотомной «Географии», изданной И.Блэу, – ни колледжей, ни университетов, но только школы, где их дети учатся читать и писать, главным образом изучают Евангелия, Деяния Апостолов, свои Хроники (leurs Chroniques), писания выдающихся богословов, особенно Иоанна Златоуста, и жития тех, кого они почитают святыми»[12]. Из этого сообщения следует, что московиты все-таки изучали свою историю и деяния достопамятных людей. Однако все это принимало форму знакомства с традицией, прежде всего религиозной.

Яков Рейтенфельс упоминает среди популярных у грамотных московитов сочинения по Всемирной Истории и особенно Деяния Александра Македонского[13], однако эти рукописные сборники не способствовали широкому распространению «исторических знаний», герои произведений не вытесняли с первых позиций персонажей церковной литературы. Это предопределило в свою очередь то, что московиты оценивали происшедшее и происходящее лишь посредством определений, заимствованных из религиозной и богословской литературы.

В Европе классика оставалась для большинства пределом образования[14], соответственно основная масса людей почитала героями и примерами античных персонажей. В России место античной литературы безоговорочно занимала религиозная и богословская, в том числе определенные представления об исторических личностях. Однако эти личности были не просто историческими – они составляли пантеон, герои были богами, едва ли доступными.

Если в Европе ссылались на Солона или Герострата наравне с библейскими личностями, то в Московии – главным образом на персонажей Священного Писания и православных святых. Таким образом, в России было достаточно своих героев. А.А.Матвееву (образованнейшему человеку) их вполне хватало для описания возвышенных или противных традиции поступков[15]. Московиты не задумывались о существовании инокультурных идеалов для восхищения или подражания, чуждое православной традиции скорее воспринималось как отрицательное, вредное.

У московитов были собственные доблести, которые делали в их глазах государственного деятеля, или просто челове-

ка героем, достойным памяти, почтения и подражания. «Исторические заслуги» такого рода перечислены в «Житии милостивого мужа Федора Ртищева». Федор Ртищев интересен кроме того и тем, что он был, по мнению иностранцев, одним из «первопроходцев сближения» России и Европы; Ртищев по службе активно общался с иностранцами, был, по терминологии авторов записок, другом европейцев, они платили ему тем же.

Первой, и вероятно наибольшей, по мнению автора, названа заслуга Федора Ртищева в области «церковного строительства»: «...и соверши дело памяти достойно, ибо поискав, обрете место близ царствующего града Москвы, в горах... устроил на том месте монастырь, в имя Преображения Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, и в потребня того монастыря от своего имения даяше нещадно»[16]. Пожалуй, эта заслуга действительно была наиболее наглядной, и всякий верующий московит мог ее должным образом оценить, а главное — понять, верно истолковать как акт почтения к вере, а равно и дар современникам и потомкам. Соответственно, результат добродетельного деяния сохранился в памяти. Аналогичное значение имела и другая благотворительная акция Ртищева — строительство больницы[17].

Следующая заслуга — продолжение первой: в основанный им монастырь Ртищев выписал иноков из Киева, призвал Епифания, «мужа премудрого, и в языцех словенском и греческом и во иных изящного, к сему же и других иноков во учении грамматики словенской и греческой... до риторики и философии, хотящим тому учению внимати. И за его благим потщанием, тии иноцы от греческого языка на словенский многие душеполезные книги переведоша. Епифаний же, за его прошением, многим трудом и тщанием сочини книгу Лексикон, речений языка словенского и греческа, и со инеми языки, в научение и во уразумение учащимся потребный»[18]. Это могло быть оценено только человеком образованным, но в его глазах это действительно становилось огромной заслугой. Федор Ртищев рассматривался как радетель прогресса.

Еще одно воспоминание — эфемерное, создающее миф и легенду: «...яко во днех служение своего чина исполняя, в нощех же презирая сладостный сон, со мужи мудрыми и

Божественного Писания изящными, в любезном ему беседовании иногда целые ночи бодростне препровождая, и паки своего чина ко служению обращашеся»[19]. Возникает некий канон (вполне современно звучащий) – гармония государственной и духовной деятельности. Ртишев предстает интеллектуалом, человеком, интересующимся философией; он был участником кружка единомышленников. По сообщению автора «Жития...», Ртищев беседовал с людьми «Божественного Писания изящными», то есть подчеркивалось, что беседы его, как и остальная «позитивная» деятельность, проходили под знаком интереса к религии и богословским проблемам. В этом смысле закономерно большое внимание, которое уделено оценке деятельности Федора Ртищева как радетеля единоголосия в церкви[20].

Все эти оценки – добродетели Нового времени, они могли бы быть, в принципе, поняты и оценены современниками-европейцами, как вообще иностранцы благоволили Федору Ртищеву, считая его одним из передовых московитов. Но они так же, как и большинство московитов, не могли познакомиться с этим произведением. Чрезвычайно важным и показательным является также и то, что русский автор не отметил «политических заслуг» Федора Ртищева, тех черт характера и деятельности, которые особенно привлекали внимание иностранцев.

Несомненно, одним из наиболее важных вопросов, на которые пытались ответить рассуждавшие о Московии иностранцы, был вопрос о перспективах существования Русского государства и о возможном характере взаимоотношений России и Европы в будущем. В понимании иностранных наблюдателей, будущее России неразрывно связывалось с прошлым и настоящим, поэтому исследованию истории и современности авторы «Записок» уделяли значительное внимание. Иностранцы пытались обнаружить в настоящем положении дел в Московии, характере народа и власти некий итог развития, подтверждение основных законов московской жизни. Невнимание к истории, отмеченное ими, наталкивало их на мысль о том, что ни народ, ни властители не склонны к рефлексии о собственном прошлом, поражениях и победах, успехах и просчетах в политике, не заинтересованы в обобщении опыта существования своего государства, и,

следовательно, в этом плане они могли оказаться непредсказуемыми в будущем, могли не понять «изменений состояния», так как не прослеживали их в прошлом. А именно в изменениях иностранцы были заинтересованы, они начинали замечать движение, действие в Московии всеобщего legis mutationis.

Разумеется, иностранцы не имели представления о «политической кухне», о содержании исторических документов, которые могли использоваться в деятельности приказов – все это было для них тайной. Не заявляя о неизвестных им доктринах русских, они поражались отсутствию публичного внимания и уважения к истории. Они наблюдали просвещенных, образованных московских сановников, понимавших неизбежность изменений, вероятно, знакомых с историческими примерами. Но основная масса московитов пребывала в неведении, если и чувствовала изменения, то оценивала их как нарушение традиции, то есть негативно. Это-то и настораживало иностранцев – грядущие изменения в политике и жизни (а первые шаги позитивного, по их мнению, движения они отмечали и в настоящем) могли быть непоняты, истолкованы однозначно как нарушение традиции.

Московиты, по мнению иностранцев, были пока только варварами: «народ, который изгнал от себя науку и изящные свободные искусства, а на добродетели благонравия и учтивости не обращает должного внимания, сегодня, как ранее подобное греки называли, должен быть сочтен варварским, и никто не ошибется, когда и Московии даст это название»[21]. Отсюда и отношение к прошлому может быть только варварским, противоположным принятому у цивилизованных народов, то есть характеризуется забвением всего. Однако европейцы предлагали «цивилизаторскую помощь», которая состояла не только в технической модернизации, но и в «смягчении нравов»: «...никто не отрицает, что они всего сто лет с нами в близком общении находятся, чтобы иметь возможность получить цивилизаторскую помощь (um die Helffte civilisirter geworden), и нельзя рассчитывать на то, чтобы среди знатных людей отыскать сегодня более чем несколько таких, у которых есть не только понимание, но и нравственное дарование и добродетели»[22]. В этом смысле можно предположить, что иностранцы рассчитывали на волне

«окультуривания» привить московитам свои представления об отношении к истории вообще и к своей собственной в частности; предполагая диалог, они сознавали, что он станет более плодотворным, если образцы для подражания, исторические примеры также будут сходными и сближающими.

Некоторые из просветительских мероприятий Петра, таким образом, вполне могут быть представлены как реализация ожиданий иностранцев. Сюда можно отнести прежде всего известные указы о собирании и копировании исторических документов[23], а также перевод иностраннных книг. Однако распространение иностранных книг, знакомство с которыми, по замыслу Петра, должно было стать фактором сближения культур, приняло форму насильственного приобщения русских к европейской традиции, а не происходило на основании естественного интереса подданных. Именно поэтому тиражи книг почти всегда превосходили спрос на них[24].

При этом следует отметить, что иностранцы не могли осознать, каково же в действительности было отношение народа к собственной истории, они не обращали внимания на тот пласт культуры, в котором содержалось восприятие народом самого себя, не останавливали своего взгляда на богатой воспоминаниями и образами народной культуре. Таким образом, подтверждалась формула Бергсона: «Действительно, образ может быть, но не быть воспринятым, он может иметь место, обладать наличным бытием, но не быть представленным»[25]. Восприятие сводилось не к образу, как он есть, а к тому, что интересовало иностранцев, что они хотели увидеть. В результате проблема «непредсказуемости» не снималась, а усугублялась.

---

[1] *Baron S.* Herbertein's Image of Muscovy and its transmission through later writers // *S. von Herberstein.* Kaiserliche Gesandter u. Begrunder der Russlandkunde... Ed.G.Pferschy. Graz,1989; *Карацуба И.* Футурология британской Россики // Россия и Запад: Диалог культур. М.,1995.

[2] *Crull J.* The Ancient and Present State of Muscovy, containing a Geogrephical, Historical and Political Account of all those Nations and Territories under the Jurisdiction of the Present Czar. L.,1698. P.40.

[3] *Cross A.G.* Early British Acquaintance with Russian Popular Songs and Music // SEER. Vol.66. № 1. 1988. P.21.

[4] *Бэкон Ф.* Опыты и наставления нравственные и политические // Соч. В 2-х т. М.,1978. Т. 2. С.390-391.

[5] *Mayerberg A.* Iter in Moscoviam Augustini Liberi Baronis de Mayerberg... Anno MDCLXI. P.60; *Майерберг А.* Путешествие в Московию. М.,1874. С. 51.

[6] Kurze u. Neueste... Mosskowitische Zeit-Lands-Staats u. Kirchen-Beschreibung. Nurnberg,1687. S.242.

[7] *Reutenfels J.* De rebus Moschoviticis ad Serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum Tertium. Patavii,1680. P.203; [Reutenfels J] Das Grosse u. Machste Reich Moscovien... Nurnberg,1687. S.207.

[8] Николай Витсен из Амстердама у патриарха Никона // Исторический Вестник. 1899. № 9. С.876.

[9] Kurze... S. 239-40.

[10] *Reutenfels J.* Op.cit. P. 206; [Reutenfels J.] Op.cit. S.210.

[11] *Олеарий А.* Подробное описание Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. М.,1870. С.464-465.

[12] Geographie Blaviane... T.2. Amsterdam,1663. P.4.

[13] *Reutenfels J.* Op.cit. P.205; [Reutenfels J.] Op.cit. S.208.

[14] *Price J.L.* The Dutch Republic during the 17-th Century. L.,1974. P.86.

[15] Записки русских людей. СПб., 1838. С.17,23,24 и др.

[16] Житие Федора Ртищева. ДРВ. Ч.18. СПб. С.400.

[17] Там же. С.415.

[18] Там же. С.401.

[19] Там же. С.401-402.

[20] Там же. С.402.

[21] Kurze... S.241.

[22] Kurze... S.241-242.

[23] ПСЗ. Т.6. № 3693. С.227; № 908. С.511-512.

[24] *Луппов Л.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л.,1973. С.154.

[25] *Бергсон А.* Материя и память // *Бергсон А.* Собр.соч. В 4-х т. М.,1992.Т.1. С.179-180.

Агеева О.Г.

ВОСПРИЯТИЕ РУССКОГО ЗОДЧЕСТВА ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМИ ДИПЛОМАТАМИ

Анализ путей развития, достоинств и недостатков русского градостроительства и архитектуры первой четверти XVIII в. не является предметом данной работы. Речь пойдет о восприятии зодчества России иностранцами – выходцами из стран Западной Европы, о специфике взгляда на него сквозь призму западных культурных моделей начала XVIII в.

Как известно, механизм восприятия чужой культуры представляет собой двойственный процесс. Восприятие «чужого» есть процесс его идентификации, приписывания ему оценок. Это, в свою очередь, предполагает и наличие собственной оценки, то есть самоидентификацию. Отсюда – сложность выявления обусловленности восприятия «чужого», которая связана с тем, что собственная оценка, как правило, является сугубо расплывчатой, полуосознанной, бессознательной[1]. Таким образом, для описания взаимодействия культур – в нашем случае русской и западноевропейской – сначала необходимо рассмотреть «цивилизованный» европейский взгляд на отечественное градостроительство и архитектуру начала XVIII в. и выявить положенные в его основу, часто скрытые установки и ценностные ориентации. Затем следует определить их соответствие реальной ситуации в градостроительстве и архитектуре России. Это сравнение и даст возможность увидеть характер взаимодействия культур.

Источниками исследования, содержащими фактический материал по теме, стали мемуарные сочинения о России дипломатов, находившихся при русском дворе в 1710-х – начале 1720-х гг. Это – дневники и воспоминания датского посланника Ю.Юля, ганноверского резидента Х.Ф.Вебера, голштинского дипломата Ф.В.Берхгольца, секретаря прусского посольства И.Г.Фоккеродта[2]. Все они не только видели старую архитектурную среду русских городов, но также наблюдали строительство на европейский лад новой столицы Петербурга. Следует отметить, что все авторы, будучи дипломатами и придворными, относились к одной социальной

среде. Они были высоко образованы, знакомы с придворной жизнью Европы. В их кругу было принято обсуждать архитектурную «моду» и вообще интересоваться зодчеством. Сами они архитекторами не являлись, принадлежа скорее к числу заказчиков архитектурных сооружений. Это означает, что мемуарные произведения дипломатов отобразили восприятие русского градостроительства и архитектуры европейски образованных лиц на обыденном уровне. Следовательно, дневники и воспоминания зафиксировали именно восприятие, понимание, истолкование зодчества России, а не его познание на теоретическом, профессиональном уровне.

В настоящее время самую общую, первичную классификацию архитектурных сооружений принято проводить по их принадлежности к тем или иным архитектурным стилям, школам, эпохам, например: раннее московское зодчество, барокко, петровское барокко, классицизм и т.д. Судя по мемуаристике, в петровскую эпоху обобщенные стилистические характеристики существовали, но в ином виде. В ходу были следующие термины. Для всего древнерусского зодчества использовалось понятие «византийский стиль»[3]. Сооружения петровской эпохи, возведенные на европейский манер, назывались постройками «в новом вкусе», «в новом стиле»[4]. Встречается и единичное употребление терминов типа «на китайский манер». Так, в частности, был охарактеризован дом в Черной Грязи кн.Дм. Кантемира, ранее принадлежавший кн.В.В.Голицыну[5]. Иногда увиденное в России напоминало иностранцам какие-либо сооружения или города Европы. В результате появлялись сравнения русских деревянных гражданских построек с норвежскими домами, Стрельны и Петергофа с Версалем и проч.[6]

Отдельные фрагменты мемуарных сочинений свидетельствуют, что дипломаты вполне могли описать то или иное сооружение, построенное в европейском вкусе, с использованием принятой на Западе терминологии. Например, Ф.В.Берхгольц, рассказывая о Петропавловском соборе в Петербурге, упоминал «великолепный портик», «колонны», «крепкие своды», колокольню и т.д.[7] Практически профессионально мемуаристы оценивали военные сооружения – крепости, гавани[8]. Это было естественно, так как в ту пору

все мужчины в придворной среде, а тем более дипломаты, разбирались в военном деле.

Что касается русской допетровской архитектуры, то при ее описании авторы-иностранцы обходились без соответствующей терминологии, которую просто не знали и которой не интересовались. Впрочем, относительно глав русских церквей Юст Юль предпринял попытку подобрать западный термин-аналог – «des dômes»[9].

Анализ лексики мемуаров показывает, что сооружениям, как правило, давались очень простые, краткие определения. Круг их не столь велик. Наиболее часто встречались определения трех видов. К первому виду относились так называемые родовые характеристики – оценки размера, материала, формы, цвета и проч.: «маленький» – «большой», «огромный», «каменный» – «деревянный», «темный» – «светлый», и др. Определения второго вида фиксировали отношение к эстетической стороне построек: «красивый», «великолепный» – «плохой»; «старый» – «в новом вкусе». Третью группу определений составляли социальные характеристики архитектурных сооружений.

В текстах мемуарных сочинений определения, относящиеся к отдельным постройкам и городам, разбросаны по разным страницам. Однако при сведении воедино из них оказалось очень легко составить диады, или оппозиции. Это не случайно, так как отмеченные оппозиции и являются оценочной шкалой «скрытого» сравнения явлений, черт европейской (или «новой» русской в европейском духе) и собственно русской архитектуры, то есть сравнения «своего» и «чужого».

Обратимся к конкретному материалу и попробуем определить смысл некоторых «простеньких» родовых определений, использованных иностранцами. Начнем с градостроительства России 1 четверти XVIII в.

1. Наиболее часто дипломаты делали замечания по поводу размеров русских городов, территории которых однозначно воспринимались ими как огромные, обширные, большие. Вот что писал датчанин Ю.Юль о нестоличных русских городах. Торжок – «небольшая плохонькая крепость... но имеет многочисленные и обширные посады», Тверь – «большой город с маленькой крепостью», Калуга – «город велик, рас-

кинулся широко, так что, стоя на одной городской возвышенности, с которой нельзя было видеть всего города, я все же насчитал 25 церквей». Большими иностранцам казались даже незначительные русские города-крепости. По мнению Ю.Юля, город Белев – «довольно велик», Болхов – «довольно большой город», Севск – «большой город» и т.д.[10]

По-видимому, для западноевропейцев обилие церквей и значительное число домов также служили признаками обширности города. Так, описывая Новгород Великий, Ю.Юль отметил «множество» домов и то, что «город полон церквей и монастырей». Х.Ф.Вебер, проезжая из новой столицы в старую, выделил как три наиболее значительных города Новгород («довольно обширный» город, «насчитывает до 180 церквей и монастырей в самом городе и окрестностях»), Тверь (около 2000 домов, 70 церквей и монастырей) и Валдай (»городок менее значительный»). Аналогично воспринимал пространство русских городов Ф.В.Берхгольц, отмечавший, например, что Новгород «необычайно растянут»[11].

Самыми большими русскими городами в начале XVIII в. были Москва и Петербург, насчитывавшие соответственно 200 и 40 тыс. жителей. По мнению Ф.В.Берхгольца, в 1721 г. Петербург «занимал огромное пространство». Рассказывая о желании царя продолжить застройку новой столицы к югу, на Московской стороне, голштинец бросил фразу, что город «и без того уже необыкновенно обширен». Что касается Москвы, то она представлялась Берхгольцу «необъятной», занимавшей «огромное пространство». Относительно Кремля он писал, что «место, называемое Кремлем, очень обширно». По мнению Х.Ф.Вебера, первопрестольная столица «пространством своим и сотнями золоченых колоколен... представляет зрелище прекрасное»[12].

Единодушие в оценке городов России как очень больших могло основываться только на невысказываемой, но подразумеваемой оценке собственных западноевропейских городов. Если учесть, что по населенности, «людскости» города Западной Европы не уступали, а часто и превосходили русские (например, самые крупные города Запада – Лондон, Париж, Неаполь, Амстердам – имели около 500 тыс. жителей) и в целом к началу XVIII в. горожане составляли 20-25% населения Западной Европы против 2,5% в России, то

очевидно, что восприятие пространства русских городов складывалось из ряда сложных ассоциаций. Можно предположить, что оценку «огромный», «большой» давало необычное для Европы сочетание городской территории с относительной малонаселенностью, а также обилием культовых построек. По сравнению с русскими средний западноевропейский город имел менее значительную территорию при большей плотности населения.

2. Помимо размеров городов в записках иностранцев часто встречаются указания на их местоположение, сочетание с природным окружением.

Так, описывая Москву, Ф.В.Берхгольц не преминул сказать, что она «имеет одно из живописнейших местоположений в новом свете», а Х.Ф.Вебер отметил, что этот столичный город «лежит в обширной и красивой долине»[13]. Двойственную оценку получил Петербург. С одной стороны, приветствовалось его выгодное положение для торговли с Европой, с другой, – подчеркивались плохой климат и оторванность от центрального, наиболее освоенного в хозяйственном плане района государства[14].

3. В начале XVIII века исключительно важной характеристикой городов для иностранцев была правильность, или регулярность, застройки. С этой точки зрения особенно интересно восприятие Петербурга. Как известно, в первое десятилетие город застраивался в основном стихийно, по принципам древнерусского градостроительного искусства: вокруг Невы и ее рукавов возникали слободы, которые имели гнездовую планировку и улицы непрямой трассировки. Только с начала 1710-х гг. началось интенсивное строительство по европейским нормам. Таким образом, в правление царя-реформатора новая столица являлась смешением черт отечественного и западноевропейского градостроительного искусства[15].

Х.Ф.Вебер попал в петровский «парадиз» в феврале 1714 г. Первое впечатление от уже легендарного в Европе города перечеркнуло ожидания дипломата. Он писал: «...вместо воображаемого мною порядочного города, я нашел кучу сдвинутых друг к другу селений, похожих на селения Американских колоний». Спустя несколько лет, в 1721 г., Ф.В.Берхгольц также обратил внимание на тот факт, что петровский

парадиз «во многих местах... еще неплотно застроен», а затем, как бы извиняясь, добавил: «...но эти промежутки не замедлят заполниться, если царь еще долго будет жить»[16]. Следовательно, первым, что бросалось в глаза дипломатам в регулярном городе, были следы русской планировки раннего 1700-х гг. Петербурга. Объяснить это можно только острым восприятием различия самих принципов градостроения России и Запада в начале XVIII в.

Древнерусский принцип состоял в том, что строительство вписывалось, приспосабливалось к природному ландшафту, создавая гармонию природной и рукотворной среды. В Западной Европе в основе нового градостроительства, получившего развитие с XVI в., наоборот, лежало преодоление, переиначивание природы, господство над ней человека, его разума. В XVII в. под влиянием идей французского математика и философа Рене Декарта была разработана стройная архитектурная теория «правильного» строительства. Один из ее наиболее ярких представителей – глава французской Академии архитектуры Франсуа Блондель – декларировал, что «архитектура обязана всем, что в ней есть прекрасного, математическим наукам». «Пропорции, – полагал он, – причина красоты»[17]. В соответствие с новой архитектурной эстетикой был создан образ идеального, регулярного города. Он должен был обязательно иметь общий план и единый модуль для выдержанных в строгих математических пропорциях прямых улиц, геометрически правильных кварталов, площадей, законченных архитектурно-пространственных композиций дворцов и парков. Только такой, математически вычисленный город считался прекрасным, и наоборот – средневековые города с их естествено разросшейся застройкой, искривленными и неравной длины улицами стали восприниматься как безобразные. Именно эти представления, хотя и в упрощенном виде, стояли за оценками русских городов петровской эпохи.

Первым их следствием стало то, что в центре внимания дипломатов в России оказались не русские города с их национальным зодчеством, а застраиваемый на европейский лад Петербург и петербургские градостроительные метания русского монарха. Далеко не все в невской столице виделось иностранцам в радужном свете. По мнению язвительного

И.Г.Фоккеродта, царю «легко было сделать новый город Санкт-Петербург одним из лучших и правильнейших в Европе, если бы только хотел он следовать общим правилам зодчества и прежде чем строить, составил определенный план. Только и тут, – пишет прусский дипломат, – все пошло точно так же, как вообще и обыкновенно идет в подобных случаях в России: сделали почин делу с исполнения его. Дома выстроили там и сям, а потом провели улицы, которые от того и вышли по необходимости кривые во многих местах. Даже места, где стоять собственно Петербургу (*речь идет о застройке Васильевского острова – О.А.*), были точно определены не прежде 1721 г.»[18]

Ориентация на «правильное» строительство сквозит и в восприятии Петербурга Ф.В.Берхгольцем. Именно регулярную застройку он имел в виду, когда в 1721 г. отмечал, что царю «угодно заложить настоящий город» на Васильевском острове, что на нем «выстроено уже много... больших зданий», что «составит собственно город»[19].

Оценка древнерусских городов была негативной. Новгород Великий, по мнению Ю.Юля, представлял собой «множество плохо построенных и беспорядочных деревянных домишек». Москва, издали являвшая собой Х.Ф.Веберу «зрелище прекрасное», внутри, с его точки зрения, такому виду не соответствовала. Из подробного описания первопрестольной следует, что большая часть московских домов была деревянной, но все-таки в ней «насчитывали до 3000 каменных зданий». Это позволило Веберу пофантазировать на тему, как должны были бы русские застраивать Москву, чтобы она походила на красивый европейский город. Дипломат пишет, что отмеченные 3000 каменных домов «могли бы составить хороший город, если б все они стояли в известном порядке и примыкали друг к другу. Но они разбросаны там и сям, и в промежутках между ними раскидано несколько тысяч деревянных домов, и все эти дома... выходят не на улицу, а построены позади, внутри дворов... Улицы выведены также беспорядочно...»[20]

Приведенные выше мнения иностранных дипломатов, естественно, не ставят под сомнение достоинства русского градостроительства, так как речь идет о различных системах городского зодчества, каждая из которых имеет свои художе-

ственные особенности. Однако ясно, что в начале XVIII в. выходцам из Западной Европы такой подход (установка восприятия) не был свойственен. И дело не в том, что они четко выделяли «свое» и «чужое» и ориентировались на «свое». В известных пределах это нормально, так как является для любого этноса конструктивным принципом его формирования[21]. У авторов рассматриваемых сочинений ориентация на свои нормы, на «свое», носила ярко выраженный аксиологический характер, при котором «свое» – западноевропейское, в том числе аналогичное увиденное в России, оценивалось положительно и противопоставлялось «чужому» – русскому, древнерусскому, допетровскому как в целом отрицательному. В результате, в подходе к «правильности» городов России, свойственном иностранным дипломатам, в их оценках проступало три слоя, три накладывающиеся друг на друга оппозиции: красивое (регулярное) – некрасивое (нерегулярное), свое (новоевропейское) – чужое (древнерусское, русское), хорошее – плохое. Соответственно выстраивались ассоциативно-смысловые цепочки: регулярное – западноевропейское – хорошее (свое) и нерегулярное – русское – плохое (чужое).

Отмеченные особенности восприятия нашли отражение и в оценке иностранцами отдельных архитектурных сооружений и комплексов. Для начала рассмотрим отношение западноевропейских дипломатов к их пространственным параметрам и материалу.

Оценка размеров сооружений, как и в случае с пространством городов, являлась одной из наиболее распространенных характеристик. Только здесь все обстояло прямо противоположным образом: в отличие от городов иностранцы постоянно указывали на маленький объем русских зданий и внутренних помещений.

Для примера обратимся к сочинению Ф.В.Берхгольца. В Петербурге в саду царицы Екатерины I он посещает «небольшой, но красивый домик с танцевальной залой», в Екатерингофе видит «небольшой домик» с «прекрасным маленьким каналом», в Ораниенбауме отмечает, что «комнаты во дворце малы, но красивы», Монплезир в Петергофе – «очень небольшой, но хорошенький домик», в самом же Петергофском дворце «комнаты вообще малы, но не дурны». В

Петербурге «как Зимний, так и Летний дворцы царя очень малы». В Москве резиденция царя в Преображенском — «весьма небольшой и простой деревянный дом», новый дом кн.Черкасского — «хотя и мал, однако очень удобен»[22].

На небольшом размере помещений акцентируют внимание и другие авторы, и в целом складывается впечатление, что даже в новых «европеизированных» постройках русские стремились воспроизвести привычные им пространственные стандарты жилья. В литературе признано, что «обращение с пространством является определенным образом нормированным аспектом человеческого поведения», что «люди, воспитанные в разных национальных культурах, обращаются по существу с ним по-разному, в соответствие с принятыми с их стране моделями»[23].

По своей сути эти модели нейтральны, ибо часто обусловлены внешними факторами, например, природными условиями, холодным или теплым климатом. Однако в восприятии русской архитектуры у западноевропейцев прослеживаются тенденции подойти к пространству домов как к «хорошему» и «плохому», причем хорошим признавалось «большое», плохим — «маленькое». Вследствие этого неизменно высоко оценивался ими ряд «больших» и «огромных» столичных зданий. К этим немногочисленным исключениям относились Адмиралтейство (»огромное здание»), заложенный в Стрельне дворец (»большой, еще строящийся», «обширный дворец»), новые дома на Васильевском острове, московский дом кн.А.Д.Меншикова (»большой и красивый»), Лефортовский дворец, старый Измайловский дворец, здание Аптеки в Москве и др.[24]

В негативных оценках пространства иногда ярко проступала еще одна характеристика зданий — социальная: «маленький» дом не соответствовал статусу дворянина. Так, в представлении И.Г.Фоккеродта, царский дворец в Петергофе — это «жалкий дом... до того тесный, что зажиточный дворянин наверное не захотел бы поместиться в нем для жизни»[25].

Еще одним критерием «хорошего» и «плохого» размера жилищ было представление о тесноте. Маленькими и тесными иностранцам представлялись и новые петербургские дома, в которых посланник оказывался не в состоянии разместить всю свою свиту по жилищным нормам Западной

Европы (Ю.Юль), и крестьянские избы, в которых могла проживать семья из 20 человек, считавшая при этом, что всем им в доме хорошо и не тесно (Х.Ф.Вебер)[26]. Сами русские тесноты своих домов не замечали. Это было ощущение иностранцев, связанное, на наш взгляд, с более ранним развитием на Западе так называемого процесса «приватизации» и «интимизации» жизни человека, которым отмечен переход к культуре нового времени. Одним из проявлений его, характеризующим замыкание личности в изолированный «атом», являлось изменение в устройстве жилищ: дома стали разгораживаться, в них появились отдельные комнаты, где человек мог бы уединиться[27]. Так как в России процесс «приватизации» жизни протекал медленнее, привыкшие к новым нормам иностранцы чувствовали себя неудобно, неуютно в русских помещениях. Именно поэтому, на наш взгляд, негативная пространственная характеристика русской архитектуры была одной из основных в их сочинениях.

Другая оценочная оппозиция, наложившаяся на диады «свое» – «чужое» и, соответственно, «хорошее» – «плохое», связана с материалом, из которого строились дома. Речь идет о характеристиках «каменный» – «деревянный».

Самым распространенным и естественным для географических условий России строительным материалом являлось дерево, реже возводились особо ценимые за устойчивость при пожарах дорогие постройки из камня (кирпича). Для иностранцев деревянная архитектура ценности не представляла и воспринималась как второстепенная. В записках встречаются указывающие на это прямо или косвенно фразы. Например, что строящаяся Исаакиевская церковь будет «лучшею в Петербурге, потому что все прочие, исключая церкви князя [Меншикова], плохие, деревянные». Характерно замечание Вебера при описании Валдая: «Дома в нем, равно как и в других посредственных городах и местечках, деревянные, выстроенные из бревен, одно на другое»[28].

В негативной оценке дерева свою роль сыграл и внешний вид домов, которые в городе были такими же, как в деревне. «Большая часть домов в Москве, – писал Х.Ф.Вебер, – деревянные и сложены они почти так же, как деревенские избы». Деревянные дома у иностранцев в соответствии с нормой Западной Европы ассоциировались с жилищем низших сло-

ев общества, в частности, с крестьянскими домами Северной Европы. Несколько раз сравнение русских домов с норвежскими делал Ю.Юль[29].

Установка на отрицательное восприятие деревянных построек как построек «низших» классов из некачественного материала привела к тому, что иностранцы «не увидели» целесообразности и красоты деревянного зодчества России, не оценили по достоинству умение русских обращаться с деревом. Интересно, что при этом в их дневники оказались внесены записи, касающиеся и типового производства, и дешевизны деревянных домов. Например, Х.Ф.Вебер описал специальный деревянный рынок в Москве, на котором на продажу было выставлено несколько сот деревянных срубов. По свидетельству Ю.Юля, стоимость такого типового дома на аналогичном рынке в Новгороде равнялась 2-3, максимум 4 руб.[30]

Достаточно сложно распределились мнения выходцев из Западной Европы в рамках оценок-определений «красивое», «великолепное» – «некрасивое» и «хорошее» – «плохое».

Подавляющее большинство определений «красивое», «великолепное», «хорошее» прозвучало в устах европейцев относительно архитектуры зданий, построенных на их же европейский лад. Это – Петропавловская крепость и Адмиралтейство, новая биржа («очень красивый дом»), Летний сад, дома знати на берегу Невы («великолепный ряд домов»), пригороды Петербурга, каменные церкви новой столицы, московский дом кн. А.Д.Меншикова и др.[31]

Положительное восприятие прозападной архитектуры «новой» России иностранцами естественно. А вот воспринималось ли ими что-либо как красивое и хорошее в древнерусском зодчестве, имевшем ярко выраженную национальную окраску? Да, в сочинениях Ю.Юля, Х.Ф.Вебера и др. высокие оценки даны памятникам русского каменного церковного зодчества[32]. Для примера, обратимся к дневнику Ф.В.Берхгольца, в котором описаны соборы Москвы и Троице-Сергиева лавра.

Главная церковь русских, то есть Успенский собор, «очень высока и имеет по обыкновенному устройству древних церквей пять круглых куполов, покрытых... сильно вызолоченными медными листами», церковь «великолепна и внутри, по старинному обычаю вся прекрасно расписана и

вызолочена, кроме того высока и замечательная своими каменными сводами». Берхгольц весьма сожалел, что собор «очень темен». Архангельская церковь (собор) – «невелика», «очень красива», «снизу доверху хорошо расписана», «темная». Благовещенская церковь – «хорошо расписана по-старинному», «меньше обеих первых». Церковь Архангела Гавриила (Меншикова башня) – «прекрасная башня», «вблизи очень красива». Множество других церквей Москвы, по мнению голштинского дипломата, «каменные, прочной постройки, с колокольнями... большею частью имеют по пяти глав, с высокими крестами из вызолоченной жести, меди, железа или дерева... что дает храмам прекрасный вид»[33]. Интересно, что великолепную шатровую церковь Вознесения в с.Коломенском Ф.В.Берхгольц воспринял негативно: «невелика и некрасива», хотя «стоит на высоком месте и окружена роскошнейшими лугами»[34]. Эта «некрасивая» в глазах иностранца церковь по словам русской летописи была «вельми чудна высотою и красотою, и светлостию» и такой церкви «не бывало прежде сего в Русии»[35].

Самую высокую оценку получила Троице-Сергиева лавра. Она была «чрезвычайно красива». «Очень красивой» представлялась Троицкая церковь с «пятью вызолоченными куполами», «великолепными высокими хорами», обилием серебра и золота в интерьере. Успенский собор лавры был «еще больше и выше», имел «также пять высоких, покрытых жестью куполов», «высокий великолепный инокостас», «на всех сводах и стенах миллионы (?) изображений и голов святых»[36].

Русское церковное зодчество к началу XVIII в. имело свою многовековую историю, и, разумеется, иностранцы видели в России церкви, различные по архитектурному решению. Однако они не упоминают, как об особом явлении, о шатровых и одноглавых церквах, о храмах, принадлежащих различным архитектурным школам. По-видимому, эти разновидности архитектурного решения православных церквей в сознании западных мемуаристов не оказались выделены, вычленены в качестве особого объекта. Допетровское церковное зодчество, по их запискам, воспринималось как единый «византийский стиль», в котором доминирует созданный иностранцами образ типичного русского храма – каменного, с пятью главами, золочеными куполами и креста-

ми, колокольней и настенной росписью внутри. Пятиглавие и использование драгоценных металлов (позолота куполов, иконостасов, золото и серебро в окладах и проч.) оказываются единственными особенностями архитектуры русских церквей. Интересно, что остальные оценки – оценки размера, материала, освещенности, – судя по их знаку (плюс или минус), соответствуют западным нормам. Таким образом, то, что представлялось иностранцам «красивым» и «прекрасным» в архитектуре России, обладало положительными признаками и с точки зрения западноевропейского зодчества. В связи с отсутствием таковых русские шатровые храмы и великолепное деревянное церковное зодчество интереса не вызвали и высокой оценки не получили. Создается впечатление, что сам по себе художественный язык русского градостроительства и архитектуры выходцами из Западной Европы воспринят не был. Этому воспрепятствовала жесткая установка на собственные ценностные ориентации.

Выше уже отмечалось, что в ряде случаев архитектурные сооружения оценивались как «хорошие» и «плохие» с точки зрения соответствия социальным нормам европейского общества. Наиболее ярко социальные оценки проявились в восприятии царских резиденций начала XVIII в. Это было обусловлено некоторыми чертами общественной жизни эпохи абсолютизма. Дело в том, что в начале XVIII в. двор монарха был еще достаточно слит с государственным аппаратом, правительством, поэтому придворная культура, в том числе дворцы и садово-парковые ансамбли, занимала важное место в образе нации, государства, народа. Этим объясняется тот факт, что в западной мемуаристике строительство увеселительных дворцов Петром I оказалось поставлено в один ряд с заведением флота, гаваней на Балтике, возведением крепостей[37]. По образу жизни двора и дворянства судили об уровне развития и цивилизованности нации, тем более, что в то время был крайне низок статус народной культуры: она считалась культурой «черни» и не воспринималась как одно из ключевых звеньев в организации общества.

В начале XVIII в. Россия присоединилась к системе европейских государств, а русский царь, теперь император, вошел в иерархию европейских монархов. В связи с этим одной из его обязательных визитных карточек в Европе должна

была стать устроенная на европейский лад придворная и столичная жизнь. Отсюда – необходимость полного соответствия европейским нормам парадных резиденций Петра I и придирчивая оценка их иностранцами.

Приступая к описанию царских дворцов, И.Г.Фоккеродт дипломатично заметил, что «здания, выстроенные Петром для жилья и развлечений себе... не главное, на чем долго должен останавливаться сочинитель похвального слова Петру». Далее он выделил в архитектуре царских домов-дворцов следующее. Дом в Преображенском – деревянный, в один ярус, низкий, углублен в землю. Домик Петра в Петербурге – 3-х комнатный. Летний и Зимний дворцы (в первой четверти XVIII в. было построено 2 Зимних дворца) – из кирпича, в два яруса, «без всякой правильности и соразмерности». Зимний дворец прислонен к одному частному дому, не имеет никакого отличия от прочих домов с ним рядом стоящих, кроме ворот из каменных столбов, с венцом наверху, украшенным корабельным носом, и двух боковых строений.

Летний дворец состоит из трех отдельных частей без всякой соразмерности одна с другой. Даже в Летнем саду, единодушно восхваляемом иностранцами, И.Г.Фоккеродт увидел недостатки: «дорожки (аллеи) и беседки тесны, площадки малы, фонтаны обезображены чрезвычайным множеством мелочей». Негатив присутствует и в характеристике любимой резиденции царя Петергофе. «...прославленный Петергоф, – пишет Фоккеродт, – действительно имеет много привлекательного и щеголяет необычным числом фонтанов, какого не встретишь в других местах, кроме Версаля...», но сам дворец – «жалкий, тесный дом...» Общий вывод И.Г.Фоккеродта состоял в том, что Петр I «строился так плохо и имел такое жалкое помещение не из скупости», «он имел очень плохой вкус к архитектуре»[38].

Весьма разнообразны и не столь отрицательны в оценках другие авторы, особенно много положительных характеристик давшие Летнему саду и Петергофу. Например, Х.Ф.Вебер отмечал «великолепие и отделку увеселительных построек» Петергофа, «которые скоро представят собой новый Версаль». Подробнейшее описание Летнего сада с самыми лестными характеристиками оставил Ф.В.Берхгольц[39].

Что касается царских дворцов XVII в., то они в начале XVIII столетия оказались почти полностью не соответствующими европейским представлениям о резиденции монархов. Ни Ю.Юль, ни Ф.В.Берхгольц не сочли нужным дать описание «старого» дворца в Кремле. Первый только кратко охарактеризовал «залу аудиенций» (Грановитую палату), упомянув о многочисленных коврах, столе и «кресле»-троне; второй ограничился рассказом о «площадке дворцового крыльца». Дворец в Измайлове был назван Ф.В.Берхгольцем «большим, ветхим, деревянным домом»[40].

Исключением стал пространно описанный голштинским дипломатом дворец царя Алексея Михайловича в с.Коломенском. «Это огромное, деревянное здание, – писал Ф.В.Берхгольц, – весьма примечательно по своей древности и необыкновенной величине... в нем 270 комнат и 3000 окон... в числе комнат есть очень красивые и большие». Однако решение Петра I поднять дворец на каменный фундамент Берхгольц осудил, так как считал, что в «нем уж мало хорошего». Дипломат нигде не отметил оригинальность архитектуры дворца, подчеркнув лишь его древность (60 лет) и величину[41].

Полное неприятие иностранцев вызывал дом Петра I в Преображенском. Он вопиюще нарушал все нормы, предписываемые европейским дворцам. «Мы немало удивились, – пишет Берхгольц, – когда, подъехав к дому императора, узнали от нашего кучера, что мы перед императорским дворцом: это старинный, маленький и плохой деревянный дом, за который, судя по его наружности и местоположению, нельзя дать и ста талеров. Глядя на него снаружи, нельзя не принять его за жилище простого человека...» По оценке Ю.Юля, дом в Преображенском – «небольшое, неказистое плохое подворье, построенное исключительно из леса и напоминающее священнический двор в Норвегии»[42].

Таким образом, допетровское дворцовое строительство у иностранцев особого интереса не вызывало, а его национальное своеобразие отклика не получило.

Подведем итоги. Сочинения иностранцев о России зафиксировали их визуальные впечатления от русского градостроительства и зодчества, переведенные на язык слова. Этот «перевод», учитывая мемуарный характер записей, был при-

близителен и в целом не отображал увиденного. В результате читатель записок вряд ли мог без дополнительной информации представить описываемые архитектурные сооружения и города. То, что действительно оказалось передано в мемуаристике авторами, так это их эмоциональные установки на приятие и неприятие каких-либо особенностей русского градостроительства, тех или иных архитектурных сооружений. Так как критерием «хорошего» выступала схожесть с западноевропейскими социальными и эстетическими нормами, то читатели настраивались на положительное восприятие новой европеизированной архитектуры России и неприятие большинства норм архитектуры древнерусской, «старой». В этом плане авторы записок невольно продемонстрировали неготовность к общению с другой (русской) культурой, неготовность, причиной которой являлась ориентация на европейские ценности.

На основании приведенных выше фактов и наблюдений можно сделать вывод, что при восприятии градостроительства и архитектуры России первой четверти XVIII века западноевропейскими дипломатами взаимодействия культур Западной Европы и России как двух субъектов «общения» не происходило. Сравнения двух самостоятельных художественных моделей или их отдельных художественных черт, выявления особенностей, области схожести и различий не было. Художественная система русского зодчества сама по себе иностранцев не интересовала и не осознавалась ими как особое культурное явление. Смутный, приблизительный термин «византийский стиль» был достаточен для обозначения всей древнерусской архитектуры.

Оценки увиденного в России основывались исключительно на западноевропейских нормах. Это объясняется как причинами психологическими (в частности, неосознанной ориентацией на «свое», воспринимаемое положительно), так и состоянием европейской культуры. В начале XVIII века в ней отсутствовал словесный терминологический аппарат (тезаурус) описания национального русского зодчества, а также круг идей, который позволил бы на уровне обыденного сознания выработать установку на восприятие множественности художественных систем как систем самостоятельных и не уступающих по развитию западноевропейской.

---

[1] *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара,1994. С. 46.

[2] *Вебер Х.Ф.* Записки Вебера // Русский архив. 1872. №№ 6,7,9; Фоккеродт И.Г. Россия при Петре Великом. М.,1874; *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709-1711). М.,1900; *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Ф.В.Берхгольца. В 4-х ч. М.,1902-1903

[3] *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч.1. С.78.

[4] Там же.

[5] Там же. Ч.2. С.165.

[6] *Юль Ю.* Указ. соч. С.104,106,146; Берхгольц Ф.В. Указ. соч. Ч.1. С.94; Вебер Х.Ф. Указ. соч. Стб.1103.

[7] *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч.1. С.78.

[8] См., например: *Юль Ю.* Указ. соч. С.106; *Фоккеродт И.Г.* Указ. соч. С.82-87.

[9] *Юль Ю.* Указ. соч. С.106.

[10] Там же. С.113,330,331,338.

[11] Там же. С.106; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Стб.1348,1349; *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч.1. С.187.

[12] *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч.1. С.65,97; Ч.2. С.5,145; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Стб.1356.

[13] *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч.2. С.28; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Стб.1356.

[14] *Фоккеродт И.Г.* Указ. соч. С.71-73,97-100.

[15] *Семенцов С.В.* О некоторых древнерусских основах создания градостроительной ткани Санкт-Петербурга // Петербург и Россия. Петербургские чтения. СПб.,1994. С.101-104.

[16] *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Стб.1062; *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч.1. С.97.

[17] Цит. по: *Саваренская Т.Ф.* Западноевропейское градостроительство XVII-X1X вв.: Эстетические и теоретические предпосылки. М.,1987. С.76,77.

[18] *Фоккеродт И.Г.* Указ. соч. С.95-96.

[19] *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч.1. С.65,97.

[20] *Юль Ю.* Указ. соч. С.106; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Стб.1356,1359.

[21] См., например: Поршнев Б.Ф. Принципы социально-этнической психологии. М.,1964; *Он же.* «Мы» и «они» как конструктивный принцип психологической общности // Материалы III Всесоюзного съезда общества психологов. М.,1968. Т.3. Вып.1; Он же. Противопоставление как компонент этнического самосознания. М.,1973.

[22] *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч.1. С.65,67,90-92,95; Ч.2. С.5,201.

[23] *Степанов Ю.С.* Семиотика. М.,1971. С.8.

[24] *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч.1. С.29,94,97,189; Ч.2. С.206,217; *Юль Ю.* Указ. соч. С.166.

[25] *Фоккеродт И.Г.* Указ. соч. С.88.
[26] *Юль Ю.* Указ. соч. С.174; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Стб.1350.
[27] См.: *Гуревич А.Я.* Человек средневековья // История Европы. М.,1992. Т.2. С.696.
[28] *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч.1. С.78; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Стб.1349.
[29] *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Стб.1358; *Юль Ю.* Указ. соч. С.104,106,146.
[30] *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Стб.1358; *Юль Ю.* Указ. соч. С.106.
[31] См., например: *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч.1. С.29,62-63,77-78,90-94,97; Ч.2. С.217; Ч.3. С.44,80-81; и др..
[32] *Юль Ю.* Указ. соч. С.106,108,132,287-288,291,298,299; *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Стб.1362,1365.
[33] *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч.2. С.16,17,35,103.
[34] Там же. С.167.
[35] Цит. по: *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. М.,1996. Кн.4. Ч.2. С.10.
[36] *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч.2. С.176-178.
[37] Там же. Ч.1. С.94.
[38] *Фоккеродт И.Г.* Указ. соч. С.88-89.
[39] *Вебер Х.Ф.* Указ. соч. Стб.1103; *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч.1. С.61-63, Ч.3. С.80-81.
[40] *Юль Ю.* Указ. соч. С.44; *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч.2. С.28,206.
[41] *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. Ч.2. С.166.
[42] Там же. С.28; *Юль Ю.* Указ. соч. С.146.

Кандаурова Т.Н.

ИНСТИТУТ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В ОЦЕНКАХ ИНОСТРАНЦЕВ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Институт военных поселений, созданный императором Александром I и просуществовавший в России до конца 1850-х годов, привлекал внимание и правительств, и отдельных представителей европейских держав. Столь кардинальные изменения в направленности внутренней политики российского государства – введение военных поселений было комплексной реформой, затронувшей многие стороны жизни российского общества, – не могли остаться незамеченными иностранцами и более того, вызвали живейший интерес с их стороны, как и все, что было связано с Россией этого времени. Европа была обеспокоена укреплением позиций России на континенте после разгрома Наполеона, ростом ее авторитета на внешнеполитической арене и тем, что она стала практически определяющим фактором в системе европейских международных отношений. В этом ракурсе создание военных поселений в России в 1816-17 гг. рассматривалось европейцами в первую очередь с точки зрения роста ее военной мощи и желания еще больше укрепить свои позиции на континенте. На втором месте оказывался фактор внутриполитический. Иностранные правительства и общественность Западной Европы ожидали определенных перемен в жизни российского общества, пытаясь спрогнозировать последствия, которые повлечет за собой организация военных поселений (укрепление позиций самодержавной власти с опорой на армию, расширение социальной базы существующего режима, изменение ментальности отдельных групп русского общества, рост образованной прослойки в армии и среди крестьянства, формирование новой социальной страты общества).

Интересны были русские военные поселения для европейского общества и с точки зрения сравнительного анализа, т.к. Европа знала подобные системы содержания и комплектования армии на примере Австрии, Пруссии, Швеции. Наиболее часто в работах иностранцев русские военные поселения сравнивались с австрийскими пограничными посе-

лениями, выявлялись их принципиальные отличия и сходство. Значительный интерес также проявляли иностранные авторы и корреспонденты к проблемам перспективности развития военнопоселенной системы в России.

В историографии военных поселений в России вопрос об отношении отдельных представителей европейских стран нашел определенное освещение[1]. Однако трудно воссоздать полностью данный исторический сюжет без анализа архивных материалов из зарубежных архивохранилищ и материалов западноевропейской прессы XIX столетия. Как правило, исследователи работали и работают с ограниченным кругом источником. Комплексно проблема исследовалась лишь в диссертационной работе Б.Б.Давыдова, в которой автор попытался привлечь и проанализировать все доступные источники, отражающие восприятие зарубежными современниками российских военных поселений первой половины XIX века. Нам же представляется целесообразным рассмотреть означенную проблему в контексте социокультурной ситуации России данного времени и восприятия иностранцами именно этого аспекта развития военнопоселенного образования.

Военные поселения, устроенные в 1810-30-х гг. на значительной территории страны (Новгородская губ., Белоруссия, Слободско-Украинская и Херсонская губернии, Киевская и Подольская губернии, Охтенский пороховой завод, отдельные территории Кавказа), стали новым явлением русской действительности и оказали значительное влияние на многие стороны внутриполитического развития страны и жизни русского общества, вызвав ряд глубоких перемен во всех сферах – военной, экономической, социальной и культурной. Они явились одним из значительных реформационных преобразований эпохи Александра I. С передачей казенных селений и казацких земель в военное ведомство и присвоением крестьянам и казакам нового социального статуса резко менялась как направленность экономического развития данных регионов, так и традиционный уклад жизни и социокультурное состояние вновь созданных округов военных поселений. Из разряда государственных крестьян и казацкого сословия жители поселенных округов переходили в новое социальное состояние и получали статус военных поселян, первоначаль-

но исполняя обязанности земледельца и солдата. При этом изменялся характер социальной организации государственной деревни и казацкого войска. Социальная структура военных поселений отличалась более сложной организацией, создавалась новая система управления. Поселяне полностью подчинялись военному начальству и состояли в ведомстве Военного министерства. Для управления поселенными округами в 1830-х гг. был специально создан Департамент военных поселений в составе Военного министерства. Развитие округов военных поселений происходило в условиях практически полной изоляции их от других территорий страны. Система имела закрытый характер, что обуславливало некоторую корпоративность военно-земледельческого сословия, представленного военными поселянами. Закрытость этого нового государственного образования обуславливала и специфику развития его во всех проявлениях.

Становление и развитие новой военно-политической, хозяйственной, социальной и административной организации потребовало разработки новых правовых норм и документов, т.к. существующее законодательство не отражало всей специфики юридических взаимоотношений между государством и качественно иным социальным образованием и не могло выступать регулятором этих отношений. Только первоначально «Проекты учреждения» о военном поселении пехоты и кавалерии состояли из 14 отдельных частей, а в дальнейшем законодательные материалы и документы по военным поселениям составили не один том.

Военные поселения стали для России и новым экономическим фактором. В рамках округов поселений формировалась и специфическая экономическая система, которая отличалась многоуровневым характером построения. Принципиально иной по сравнению с крестьянским и казацким хозяйством была структура военнопоселянской хозяйственной моносистемы. Правительство изначально пыталось создать достаточно прочную материальную и экономическую базу для развития военнопоселенной системы. Хозяйство военного поселянина, созданное на базе прежнего крестьянского или казацкого хозяйства, представляло одну из адаптированных к условиям нового времени и новым потребностям моделей феодального хозяйства. Оно качественно и количе-

ственно отличалось от крестьянских хозяйств соседних с поселенными округами территорий. Особенно ощутимо это было в южных губерниях России, где размещались поселенные округа кавалерийских дивизий. Военнопоселянское хозяйство ощущало на себе постоянный контроль со стороны местного начальства поселений и находилось в системе государственного регулирования. Военнопоселенные образования в России были одним из проявлений «государственного феодализма».

Российские военные поселения также представляли собой фактор новой военной организации и системы, новую форму содержания и комплектования армии. Необходимость содержать большую армию в мирное время и потребность изыскать новые принципы ее снабжения продовольствием с наименьшими затратами во многом обусловили появление в России подобного государственного военно-хозяйственного института. По мнению императора, военные поселения должны были обеспечить более благоприятные условия для постоя и продовольственного содержания армейских подразделений: армия получала постоянные квартиры и продовольствие от земли поселенных округов. Предполагалось также со временем, по мере перехода на положение поселенных всех армейских частей, отказаться полностью от рекрутских наборов, т.к. армия пополнялась бы за счет детей военных поселян, отнесенных к разряду кантонистов.

Анализируя те перемены во внутриполитическом положении страны, которые повлекла за собой организация военных поселений, необходимо особо выделить изменение в направленности социокультурной эволюции на определенных пространствах России, т.е. военные поселения можно рассматривать как новый фактор социокультурного развития страны. Перемена социального статуса населения в рамках поселенных округов повлекла за собой и постепенное формирование нового образа мышления и мировоззрения, изменение сознания отдельных групп населения, трансформацию ментальности, формирование новых поведенческих норм. Менялось правовое сознание: обычное право, распространенное в крестьянской и казацкой среде, заменялось нормами официального законодательства. Военные поселяне ранее других групп крестьянства были включены в новое правовое

поле, т.к. их жизнь и деятельность теперь регламентировалось специально разработанным законодатель-ством по военным поселениям. Кардинальным переменам подвергался весь образ жизни. Увеличивался объем повинностей, которые исполняли военные поселяне. Складывался новый тип отношений населения военнопоселенных округов с государством. Военные поселяне вместе с земледельческими работами исполняли воинскую повинность, участвовали в выполнении общественных работ по благоустройству поселений и строительству, обрабатывали общественную запашку и содержали конские заводы, созданные в поселенных округах кавалерии. По-новому строился распорядок жизни военных поселян, что было результатом сочетания земледельческого труда и исполнения воинских обязанностей.

Правительство разработало программу по подготовке грамотных унтер-офицеров и нижних чинов для армии. Это предполагало развитие системы начального и среднеспециального образования в рамках поселенных округов. Для детей военных поселян – кантонистов – вводилось обязательное начальное образование, в поселенных округах создавалась сеть начальных школ и учебных эскадронов и батальонов. Образовательный процесс строился на основе ланкастерской системы взаимного обучения, т.е. использовалась европейская модель организациии обучения. Подготовка учителей для школ военнопоселенных округов осуществлялась в специально созданном Военно-учительском институте.

Развертывание системы военных поселений повлекло за собой масштабное строительство, особенный размах оно имело в поселениях Новгородской губернии. Здесь не только осуществлялась перепланировка селений, но и отстраивались заново ротные поселки для размещения поселенных и действующих подразделений, развивалась система коммуникаций и средств связи, строились новые дороги. Поселения имели хорошую хозяйственную и социокультурную инфраструктуру. При строительстве использовался принцип системности и регулярной планировки и застройки. Характерным также при производстве строительных работ был принцип комплексной застройки. Дома для поселян возводились по специальным планам и изначально отличались от традиционных крестьянских изб по своей архитектуре и плани-

ровке. Заново отстраивались комплексы полковых и дивизионных штабов. Строилось жилье для офицеров, служивших в поселенных округах. Городская архитектура становилась отличительной чертой населенных пунктов поселенных округов. Для кавалерийских округов при производстве строительства было характерно следующее: перепланировка селений, возведение новых кварталов поселянских домов, различных хозяйственных заведений (хлебные магазины, конские заводы, кирпичные заводы, комплексы для размещения воловых парков, оранжереи и др.), построек для размещения административных служб поселенных полков и дивизий и домов для офицеров. В этом региональном поселении масштабы строительства были меньшими, чем в районе Новгорода, перепланировка и перестройка селений активно велась со второй половины 1830-х гг. Масштабное строительство повлекло за собой развитие индустрии производства строительных материалов (камнетесное, черепицы, кирпича, производство деревянных конструкций домов, возгонка дегтя, производство смолы и др.) В новгородских поселениях при производстве некоторых видов работ использовались механические и паровые двигатели, т.е. передовые для того времени технологии.

Во всех поселениях поддерживались чистота и порядок, начальство строго следило за сохранением безупречного внешнего вида улиц селений и домов поселян. Поселяне-хозяева обязаны были содержать в полном порядке свои дома, хозяйственный инвентарь, скот и хозяйственные помещения, а также иметь опрятный внешний вид, носить форменную одежду.

Широкомасштабное строительство, освоение новых пространств, ввод в оборот новых земельных массивов, разведение лесов, проведение мелиоративных работ привели к изменению культурного ландшафта. Одновременно менялась и культура хозяйствования. В округах поселений использовались передовые аграрные технологии (рациональная система землепользования и севооборота, новые методики обработки земли, внедрение новых сельскохозяйственных культур), получили развитие новые отрасли сельскохозяйственного производства: шелководство, садоводство, коневодство, в южных регионах – лесоводство. На конских заводах кавалерийских

поселений занимались разведением элитных пород лошадей, за границей закупали жеребцов лучших пород. Проводились работы по улучшению породы поселянского скота. Осуществлялся эксперимент по разведению тонкорунных овец. В новгородские поселения приглашались иностранные агрономы, создавались образцовые фермы с целью передачи поселянам передового опыта аграрного производства.

Правительство поддерживало в поселениях более высокий уровень обеспеченности хозяйства необходимыми средствами производства. Политика прямого государственного регулирования, использование передового опыта аграрного производства, хорошая исходная материальная база хозяйств, особенно характерная для южных регионов, формирование усиленных хозяйственных моноструктур, поступательный характер развития экономической системы округов военных поселений позволили достичь более высокого уровня развития производительных сил и хозяйственной организации и обеспечить более стабильное и опрежающее развитие аграрного сектора по сравнению с помещичьей и государственной деревней[2]. В округах кавалерийских поселений в Херсонской губернии более быстрыми темпами по сравнению с соседними районами осуществлялась переориентация в развитии сельскохозяйственного производства, ведущей отраслью здесь становилось не скотоводство, а земледелие. Постоянно увеличивались площади поселянской и общественной запашки, что вело к освоению новых массивов залежных земель, вводу их в хозяйственный оборот.

Для округов военных поселений также была характерна развитая по тем временам система здравоохранения. Поселяне получали квалифицированную медицинскую помощь в госпиталях, которые формировались в поселенных округах. Лечение поселян осуществлялось бесплатно.

Создавая военные поселения и возлагая на поселян обязанности, намного превышавшие повинности государственных крестьян, правительство предусматривало и некоторую систему социальных гарантий (заемный денежный капитал, запасные хлебные магазины, безвозмездная помощь хозяйству в случае неурожая или падежа скота, восстановление павшего поголовья, предоставление хозяйству кредита на льготных условиях для развития торговли и др.)

Рассматривая проблему оценки иностранцами института военных поселений в России, представляется целесообразным не только выявить, какие стороны жизни этого нового государственного образования больше всего привлекали их внимание, но и определить, насколько верно оценили европейцы данное явление русской действительности, насколько глубоко смогли осмыслить те перемены, которые были вызваны к жизни появлением этого нового института, а также насколько полно оценили социокультурный аспект развития военнопоселенной системы.

Иностранные авторы, обратившие внимание на столь масштабное явление внутренней политики Александра I и Николая I и писавшие о военных поселениях, находились в крайне затруднительном положении, что было обусловлено рядом факторов: полной закрытостью, а порой и недоступностью системы, кратковременностью пребывания в округах, если это было позволено императором, а также невозможностью фундаментально ознакомиться с условиями жизни в поселениях и до конца понять сущность нового явления русской действительности первой половины XIX в. Для многих их них оставались лишь косвенные или опосредованные пути знакомства с военнопоселенной системой: изучение законодательных документов, материалов отчетности, беседы с представителями придворных кругов и армии, анализ единичных работ и рецензий, появившихся на Западе в начале и середине 1820-х гг.

Закрытость системы тщательно сохранялась на всем протяжении ее существования. Посещение территорий поселенных округов даже для российских граждан было возможно только с согласия на то императора. Никакой информации в прессе России о военных поселениях в период их существования не появлялось, запрещались все публикации, относящиеся к военнопоселенной организации. Все печатные материалы (законодательство, приказы, отчеты) готовились и предназначались только для служебного пользования и издавались ограниченным тиражом. Конфиденциальность информации о военнопоселенной организации должна была сохраняться на всех уровнях системы управления военными поселениями. Иностранцам приходилось порой проделывать значительную работу, чтобы собрать сведения по различным

каналам, они были вынуждены анализировать разнообразные источники информации. Чтобы иметь достаточно целостную картину, они пытались легально и нелегально проникнуть в округа поселений, получить документы из первых рук, т.е. от людей, непосредственно связанных с военнопоселенной системой.

Французское министерство иностранных дел в 1818 г. получило от своего представителя в России один из основных законодательных актов – «Проект учреждения о военном поселении регулярной кавалерии» (1817) на французском языке[3]. В 1819 г. в Венском военном журнале была опубликована статья о военном поселении в России, представляющая «извлечение из проекта положения»[4]. Статистическое бюро французского представительства в Петербурге постоянно направляло своему министерству информацию, связанную с законодательством и статистико-экономическими характеристиками системы российских военных поселений. Сведения собирались сотрудниками французского посольства[5]. В 1821 г. МИДом Франции была получена аналитическая справка по новгородским военным поселениям – рапорт о военных поселениях России французского поверенного в делах Буа-ле-Конта. Документ был составлен по поручению министерства. Источниковую базу работы составили планы и проекты по организации поселений, а также сведения, собранные в результате бесед с поселянами, выводы личных наблюдений[6].

В 1824 г. в Лондоне была опубликована книга английского врача и путешественника Роберта Лайелля о русских военных поселениях, озаглавленная «Доклад об организации, администрации и настоящем положении военных поселений в России с приложением, содержащим статистические таблицы»[7]. Работа написана на основе личных впечатлений, полученных автором во время путешествия по России в 1822 г. и информации, полученной от сопровождавших его в путешествии лиц; некий джентельмен, по словам автора, любезно предоставил ему собственное описание южных поселений, которое было озаглавлено «Некоторое сообщение о системе военной колонизации на юге России, из наблюдений сделанных на месте в 1822 г.»[8]. В 1825 г. работа Лайелля вышла в Париже двумя изданиями, подготовленны-

ми различными издательствами и разными переводчиками. Первая книга вышла в военном издательстве в переводе профессора школы артиллерийских и инженерных наук в Париже Ферри. Им же были подготовлены критические примечания к изданию. Во втором случае издание также сопровождалось примечаниями издателя. И уже в 1824 г. Европа откликнулась на книгу Лайелля, в лейпцигских «Литературных ведомостях» была опубликована первая рецензия на работу, изданную в этом же году в немецком переводе[9], где автор не только дал оценку работе Лайелля, но и позволил вступить с ним в полемику, высказав свое отношение к поселенной системе. Иенская «Литературная газета» также поместила в 1824 г. рецензию на книгу английского врача, где работа была оценена критически, а представленные автором сведения охарактеризованы как не вполне достоверные[10]. Практически одновременно с выходом работы английского путешественника в Париже в «Journal de Debates» появилась статья о русских военных поселениях[11].

В том же году парижский журнал «Всеобщий бюллетень наук и промышленности» (№ 9, сентябрь) опубликовал на своих страницах записку офицера одного из немецких государств, озаглавленную «Новые разыскания о военных поселениях в России»[12]. Работа была подготовлена на основе изучения двух поселенных полков в Новгородской губ. и отчета по поселениям за 1822 г., который автору предоставили офицеры 1-й Гренадерской дивизии.

В 1826 г. МИД Франции получил от своего дипломатического агента Дрезе-Брезе документ под названием «Сведения, полученные в октябре 1826 г. о военных поселениях кавалерии, устроенных на юге России»[13]. Автор пространной записки объемом в 30 страниц посетил перед отъездом на родину военные поселения в Херсонской губернии, получив на то официальное разрешение. Поселения были показаны ему и еще двум французским подданным лично начальником кавалерийских округов графом И.О.Виттом. Записка подготовлена на основе личных впечатлений и размышлений.

В 1840 г. в России увидел свет перевод первого тома «Записок» известного французского военачальника, герцога Рагузского Огюста Фредерика Луи-Виесс де Мармона, который посетил херсонские поселения в 1834 г.[14] Книга вышла

с купюрами, цензурой были изъяты критические замечания автора и сравнительные оценки австрийских граничарских и русских военных поселений, хотя распоряжением императора статья о поселениях запрещалась полностью к публикации[15]. Работа была написана на основе увиденного автором в поселенных округах и критического осмысления опыта развития военнопоселенной организации.

В последующие годы появились записки прусского экономиста и юриста А.Гакстгаузена и живущего в Европе потомка русских горнозаводчиков Демидовых – А.Н.Демидова, где нашли отражение сюжеты о системе русских военных поселений[16]. Их заметки, как и записки О.Ф.Мармона, были составлены на основе личных впечатлений и знакомства с материалами, предоставленными руководством региональных поселений. В 1847 г. в Париже была опубликована книга К.Пидоля о русских военных поселениях[17]. Автор построил свою работу на основе сравнительного анализа двух военнопоселенных систем: русской общевойсковой и австрийской пограничной.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники – записки, рапорты, доклады и другие материалы иностранцев о русских военных поселениях различны не только по своему содержанию и манере подачи материала, но и в части трактовки и оценок поселенной системы. В зависимости от времени написания и задач, ставившихся автором той или иной работы, определялись подходы к проблеме и давались оценки системы военных поселений в России. Многие авторы выполняли социальный заказ, как это было в случае с дипломатическими представителями Франции, постоянно передававшими информацию для своего правительства, многие следовали своим профессиональным интересам и изучали лишь отдельные аспекты развития военнопоселенной системы. Общим для всех работ было то, что авторы их, констатируя факт изменения взаимоотношений между Россией и европейскими государствами[18], пытались определить значение данного явления российской действительности для Европы, а также системы европейских международных отношений и рассмотреть его с точки зрения внутренней политики России как текущего периода, так и будущего времени. Обращались к опыту России в этой сфере внутриполитичес-

кой деятельности иностранные правительства и представители западноевропейской общественности и с целью детального изучения его и возможности перспективного использования в своих государствах. Поэтому в отзывах иностранцев часто встречается сравнение системы русских военных поселений с пограничными поселениями Австрии.

Первоначально Европа была буквально шокирована тем, что русский император начал активно осуществлять на практике идею перевода армии на положение военнопоселенных частей, и что в перспективе это привело бы к значительному росту вооруженных сил России и созданию единого пояса системы военных поселений от Балтики до Черного моря. По прогнозам некоторых иностранных корреспондентов численность поселенных войск России должна была возрасти со временем до 5-6 или 14 млн. человек[19]. При этом отмечалось, что это будет качественно новая армия, т.к. изменилась система ее подготовки. Подобные прогнозы закономерно вызывали повышенный интерес к системе и желание до конца постичь суть реформационных начинаний русского императора. Одновременно европейским правительствам необходимо было выработать план действий на тот случай, если вооруженные силы России будут столь стремительно увеличиваться.

После детального знакомства с опытом развития военнопоселенных структур, отдельные авторы отказались от мысли о том, что русские военные поселения представляют значительную угрозу для Европы. Уже в 1824-25 гг. французский военный специалист Ферри, анализируя работу Р.Лайелля, отвергает его мысль о русских военных поселениях как о значительном военнополитическом факторе в Европе[20]. Автор записки «Новые разыскания о военных поселениях в России» примерно в это же время в своей работе отмечает, что не следует бояться быстрого увеличения числа военных поселений в России, т.к. его ограничивают разные неблагоприятные условия (демографические факторы, финансовое положение страны, растущее недовольство поселенцев, угнетенных этой системой)[21].

Вторым важным моментом развития военнопоселенной организации в России, который был в центре внимания иностранцев, стал внутриполитический фактор. Европейцы

считали, что развитие военнопоселенной системы приведет к глубоким переменам внутри страны: поселения будут «империей в империи», появится третья сила в противовес самодержавной власти и дворянству, военные поселения будут противостоять остальному населению России; усиление армии может привести к использованию ее в интересах сильнейшего, при слабом монархе военные поселения могут стать тем фактором, который приведет к распаду единого государства[22]. Для европейцев было важно также знать, как воспринимало общественное мнение России планы императора относительно военнопоселенной организации армии. Много внимания в своих работах уделяли иностранные современники вопросу восприятия русским обществом новой военно-экономической системы. Они отмечали факт роста оппозиционности со стороны русского общества к власти, столь активно проводившей в жизнь идею организации армии на принципах военных поселений. Об этом писали французские агенты Р.Лайелль и К.Пидоль[23]. Иностранные авторы не только знали о протесте крестьянства и казачества в момент организации поселений, но и непосредственно беседовали с военными поселянами, выясняя их отношение к нововведениям императора. Крестьянство, особенно новгородское, выражало недовольство новым военно-экономическим образованием[24]. Д.Брезе, проезжая по Херсонским поселениям, отмечал «печальные, унылые лица поселян, никак не могущих свыкнуться со своим новым положением»[25]. В первое время бывшие крестьяне и казаки были недовольны своим теперешним положением и насильственным переводом в новое звание. Подобное явление было закономерным, т.к. на адаптацию к новому статусу необходимо было определенное время, поселяне должны были в полной мере осознать все «плюсы» и «минусы» своего нового состояния. Закономерным был и открытый протест со стороны крестьянства и казачества: с переходом в новое звание они теряли некоторые свободы.

Отдельные авторы связывали протест со стороны поселян с теми методами, которыми вводилась данная система[26]. Буа-ле-Конте считал, что «план проводится в жизнь чисто варварским способом»[27]. Методы, которыми русское правительство вводило поселения, не могли быть, безусловно,

мягкими, т.к. процесс не носил постепенного и эволюционного характера. Это было обусловлено как фактором времени, так и фактором пространства и масштабностью нового мероприятия. Правительство не располагало возможностью ввести подготовительный или переходный период, недостаточно хорошо было поставлено дело разъяснения населению сущности нововведения, граф А.А.Аракчеев, возглавив военные поселения, всячески форсировал процесс их организации. Коренная ломка традиционного образа жизни и сложившегося в течение веков хозяйственного уклада и принципов социокультурного развития не могли не вызвать протеста со стороны крестьян и казаков и привели к открытому неповиновению властям. Процесс адаптации к новой бытовой и хозяйственной ситуации и трансформации ментальности, безусловно, отличался сложностью и требовал некоторого времени.

Европейские корреспонденты указывали и на факт отрицательного отношения к военным поселениям других групп русского общества. По мнению иностранных авторов, недовольно своим положением было офицерство, служившее в поселенных округах[28]. В записках и донесениях иностранцев, как отмечает исследователь О.Д.Багалей-Татаринова, имеются данные об оппозиционном настроении купечества[29]. Общим для работ европейских авторов было мнение о том, что дворянство также не одобряло идею поселений и оппозиционно было настроено по отношению к правительственным мерам. На эту сторону проблемы взаимоотношения власти и дворянства обращали внимание Р.Лайелль[30], Д.Брезе[31], К.Пидоль[32].

Пытаясь полнее представить сущность военнопоселенной организации и рассмотреть все стороны ее развития, некоторые иностранцы в своих записках отразили экономические аспекты проблемы введения в России системы поселений, хотя данные сюжеты, на наш взгляд, неполно представлены в источниках[33]. Авторы записок не смогли показать все стороны хозяйственного развития военнопоселенной системы, экономической структуры и социальной организации. Для постижения этих аспектов проблемы необходимо было более детальное знакомство с поселенной системой, а также углубленный анализ всех сторон и факторов ее развития. Эконо-

мически военные поселения полностью оправдывали себя, принося государству миллионные прибыли и позволяя в определенной степени сократить расходную часть бюджета. Однако иностранные авторы не могли достаточно точно просчитать все «плюсы» в этой части, т.к. не имели полной информации и остановились лишь на констатации факта экономической выгоды для России от введения новой системы содержания армии.

Значительное место в исследуемых источниках, наряду с вопросами экономического, военно-политического, стратегического характера, уделялось их авторами вопросам социокультурного развития института военных поселений. Практически все авторы единогласно отмечали те значительные культурные перемены, которые несли народу военные поселения, а некоторые придавали им «большое значение и с точки зрения развития цивилизации в России»[34]. Профессор Ферри считал, что введение новой системы принесет России определенные блага, что скажется и на ее социокультурном развитии: в армии будет распространено просвещение, поселения «внесут культуру в те места, где они устроены»[35]. В результате таких перемен Россия получала качественно новую армию, т.к. изменялась система ее подготовки, формировались кадры грамотных унтер-офицеров, совершенствовалась методика военного обучения. Для русской армии военные поселения стали хорошо подготовленными резервами и базой для их формирования и обучения. Посещая учебные занятия и инспекторские смотры (Мармон,1834; А.Н.Демидов,1837), отмечали хорошую подготовку кавалерийских эскадронов. «Не может быть лучшей кавалерии, -- отмечал маршал Мармон, – она доведена до совершенства»[36]. Система поселений, по мнению некоторых авторов, позволяла государству иметь «более искусных земледельцев»[37]. Опыт развития военнопоселенных округов, уровень их аграрного развития, использование передовых для своего времени технологий сельскохозяйственного производства, как отмечалось выше, наглядно подтверждают данное предположение европейских авторов. Хорошую культуру производства отмечал в своих записках Мармон, имея в виду херсонские военные поселения[38].

Как положительный момент организации поселений выделяли иностранцы планы правительства в деле постановки воспитания и обучения юношества и их реализацию на практике: в системе поселений получало развитие начальное образование, обучение строилось на основе европейской методики, а также использовался принцип политехничности образования, когда общее образование сочеталось с военным обучением и занятиями трудом с постижением основ аграрного производства. Школы и госпитали в поселенных округах представляли их сильную сторону и производили на иностранных посетителей положительное впечатление. «Школы и кантонисты, – писал О.Ф.Мармон, – восхитили меня, как и госпиталь»[39].

Все авторы-иностранцы единогласно отмечали и такой позитивный момет организации поселенной системы, как изменение внешнего вида и ландшафта тех местностей, где устраивались поселения, и образцовый порядок в них. Буале-Конте в своем донесении сообщал, что «общий вид военных поселений отличается сильно к лучшему от общего вида этой унылой местности; в госпиталях и казармах господствует чистота, порядок и благоустройство, некоторым дефектом их является большая однообразность построек»[40]. Посетив округ Вознесенского полка, Мармон писал, что «там во всем полнота, порядок, совершенно цветущее состояние... Хороший быт крестьян ощутителен; домы опрятные, красивые; скот превосходный; все показывает благосостояние истинное»[41]. По мнению многих европейцев, поселения выглядели как благоустроенные центры, значительно отличавшиеся от соседних территорий. Изменение культурного ландшафта, культуры хозяйствования и быта, чистота и порядок производили на иностранцев неизгладимое впечатление и не могли не остаться незамеченными, т.к. это было одной из сильных сторон военнопоселенной организации. Приятное впечатление на гостей производили и сами поселяне, их внешний вид, форменная одежда и благосостояние.

Заключая исследование по избранному сюжету, следует отметить, что европейцы в основном правильно показали в своих работах систему российских военных поселений, рассмотрев ее с различных точек зрения, и выделив ряд аспектов этой темы (внешнеполитический, военный, внутриполи-

тический, экономический, социокультурный). Однако даже подробные описания их отличались некоторым схематизмом и незавершенностью, в характеристиках допускались неточности, делались неверные прогнозы и выводы (перспективы развития системы, социальная структура, значимость для экономики страны, негативное восприятие всеми социальными группами, сложность адаптации населения к своему новому положению и т.п.) Ошибки в оценках и фактах были обусловлены тем, что иностранные авторы знали военнопоселенную систему поверхностно, а не изнутри, изучали на месте поселенные структуры выборочно, не были знакомы со всем комплексом законодательных и статистических материалов. Оценить объективно новое явление русской действительности порой мешала закрытость системы и ограничение доступа к информации. В военных поселениях России иностранные авторы увидели реализацию отнюдь не европейских моделей организации вооруженных сил, а поиск собственных путей и форм и воплощение своего видения проблемы, хотя некоторые стороны развития военнопоселенной системы (образцовое хозяйство, хорошо организованный быт, порядок, благоустроенность, подготовка армейских частей и др.) очень импонировали европейским представителям, и они отмечали те значительные перемены в плане социокультурного развития, включая и трансформацию ментальности отдельных групп русского общества, которые были вызваны к жизни реализацией на практике проектов российского правительства. Военнопоселенная система в России рассматривалась ими как значительный фактор цивилизации страны, что должно было способствовать, по их мнению, сближению России и Европы.

---

[1] *Багалей-Татаринова О.* Французские дипломаты и публицисты о русских и украинских военных поселениях первой половины XIX столетия // Наукові записки науково-дослдчоі катедри історії европейскоі культурі. Вып.3. Харьков,1929. С.113-131; *Евстафьев П.П.* Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 году. М.,1934. С.23-26; *Давыдов Б.Б.* Документы ЦГВИА СССР о путешествии маршала О.Ф.Мармона по военным поселениям // Советские архивы. 1989. № 6. С.79-80; *Он же.* Записки Р.Лайелля о военных поселениях в России и откли-

ки на них (по материалам ЦГВИА СССР) // Советские архивы. 1991. № 3. С.102-104; *Кандаурова Т.Н., Давыдов Б.Б.* Военные поселения в оценке современников // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 1992. № 2. С.44-55; *Давыдов Б.Б.* Посещение А.Гакстгаузеном военных поселений (по материалам ЦГВИА СССР) // Отечественные архивы. 1992. № 4. С.109; *Он же.* «Путешествие в Южную Россию и Крым...» А.Н.Демидова как источник по истории военных поселений // Российское государство XVII – начала XX века: экономика, политика, культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 380-летию восстановления российской государственности (1613-1993). 25-30 марта 1993. Екатеринбург,1993. С.47-49; *Он же.* Военные поселения первой половины XIX века в оценках современников. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.,1994. С.6,8,16-18,21.

[2] *Ячменихин К.М.* Новгородские военные поселения в 1816-1831 гг. (Административно-хозяйственная структура). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.,1985. С.20; *Кандаурова Т.Н.* Херсонские военные поселения. 1817-1832 гг. (Административно-хозяйственная структура). М.,1990. С.23-24; *Ячменихин К.М.* Военные поселения в России. (Административно-хозяйственная структура). Автореф. дисс. докт. ист. наук. М.,1993. С.28-29.

[3] *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч. С.114-115.

[4] РГВИА. Ф.ВУА. Д.17028.

[5] *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч. С.115.

[6] Там же.

[7] *Lyall R.* An account of the Organization, Administration and Present State of the Military Colonies in Russia with an appendix containing statistical tables. L.,1824.

[8] Там же. С.III-IV; РГВИА. Ф.405. Оп.1. Д.247. Л.351-358 (анонс книги в лондонской газете «Курьер»).

[9] РГВИА. Ф.405. Оп.1. Д.247. Л.383-389; *Давыдов Б.Б.* Записки Р.Лайелля о военных поселениях в России и отклики на них (по материалам ЦГВИА СССР). С.103.

[10] РГВИА. Ф.405. Оп.1. Д.247. Л.391.

[11] *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч. С.129.

[12] РГВИА. Ф.405. Оп.1. Д.409. Л.767-778..

[13] *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч. С.118.

[14] *Мармон О.Ф.* Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Росссию, по Крыму, берегам Азовского моря, в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет. М.,1840. Ч.1.

[15] *Давыдов Б.Б.* Документы ЦГВИА СССР о путешествии маршала О.Ф.Мармона... // Советские архивы. 1989. № 6. С.80.

[16] *Демидов А.Н.* Путешествие в Южную Россию и Крым чрез Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году. М.,1853.

[17] *Pidoll K.* Des colonies militaires de la Russie comparees aux confins militaires de l'Autriche. Paris,1847.

[18] *Lyall R.* An Account of the Organization... P.III,IY; *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч. С.124,125.

[19] РГВИА. Ф.405. Оп.1. Д.247. Л.387 (Рецензия на книгу Р.Лайелля, помещенная в «Литературных ведомостях», г. Лейпциг); *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч. С.117-127.
[20] *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч. С.128.
[21] РГВИА. Ф.405. Оп.1. Д.409. Л.797 об.,798.
[22] *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч. С.127; *Lyall R.* An Account of the Organization... P.40,41; *Евстафьев П.П.* Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М.,1934. С.23,24.
[23] *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч. С.115,117,123, 126,127; *Евстафьев П.П.* Указ. соч. С.23,24; *Lyall R.* An Account of the Organization... P.40,41,44.
[24] *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч. С.115,116,119, 126; РГВИА. Ф.405. Оп.1. Д.247. Л.383об,392.
[25] *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч. С.120.
[26] РГВИА. Ф.405. Оп.1. Д.247. Л.392.
[27] *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч. С.118.
[28] Там же. С.120,122-123,127; *Lyall R.* An Account of the Organization... P.40,41.
[29] *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч. С.123.
[30] *Lyall R.* An Account of the Organization... P.40; *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч. С.127.
[31] Там же. С.123.
[32] Цит. по: *Евстафьев П.П.* Указ. соч. С.23-24: «Учреждение военных поселений было ненавистно дворянству и высшей аристократии. Они видели в них нейтрализование своего влияния, так как в военных поселениях лежали колоссальные подсобные средства для государства, которое становилось независимым от доброй воли или отказа привилегированных классов участвовать в комплектовании армии. Так образовалась новое среднее сословие, хотя и в униформе».
[33] *Lyall R.* An Account of the Organization... London,1824; РГВИА. Ф.405. Оп.1. Д.247. Л.383-389; Д.409. Л.767-778.
[34] *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч. С.130.
[35] Там же. С.128.
[36] *Мармон О.Ф.* Указ. соч. С.165.
[37] *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч.С.122.
[38] *Мармон О.Ф.* Указ.соч. С.160-164.
[39] Там же. С.161.
[40] *Багалей-Татаринова О.* Указ. соч. С.116.
[41] *Мармон О.Ф.* Указ.соч. С.161.

Сергеев Е.Ю.

ОБРАЗ РОССИИ И РУССКИХ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ США (АВГУСТ 1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 г.)

В настоящее время существуют две великие нации в мире... Я имею в виду русских и американцев. И первые и вторые поднялись незаметно, и пока внимание человечества было обращено в другую сторону, они неожиданно выдвинулись на первое место среди остальных государств... У них разные отправные пункты и неодинаковые курсы, но тем не менее каждое из них, похоже, отмечено волей небес, чтобы влиять на судьбы половины планеты.

Алексис де Токвиль

Различным аспектам эволюции русско-американских отношений на протяжении почти двух столетий посвящено значительное количество исследований. Однако многие сюжеты принципиально важного для обеих стран периода мировой войны 1914-1918 гг. остаются вплоть до сегодняшнего дня вне поля зрения специалистов.

Одной их проблем является процесс трансформации восприятия американцами России и русских, внимательное рассмотрение которого позволяет дополнить и уточнить представление о целях и средствах осуществления администрацией президента В.Вильсона политического курса в отношении нашей страны на фоне общей глобализации роли США в мире, а с другой стороны – способствовать более ясному пониманию значения американского фактора в стратегических расчетах правящих кругов Российской империи, которая вела тяжелую борьбу против держав Четверного союза.

К сожалению, недоступность многих архивных источников и идеологическая конфронтация обеих держав в прошлом серьезно препятствовали американским и советским историкам подвергнуть эту проблему беспристрастному, объективному анализу. В то время как первые стремились оттенить преимущественно альтруистические, морализаторские мотивы, определявшие деятельность президента Вильсона и его окружения на российском направлении, вторые, что традиционно для отечественной историографии, сконцентрировали внимание на попытках американского империа-

лизма политически, экономически и идеологически «закабалить» Россию (будь то царскую или советскую)[1].

Очевидно, что с позиций сегодняшнего дня оба указанных подхода не могут быть признаны плодотворными. Поэтому, отдавая дань вкладу советских историков и их заокеанских коллег в исследование русско-американских связей начала XX в., подчеркнем очевидную актуальность и научную значимость поиска новых подходов к проблемам имажинологии международных отношений, дисциплины, находящейся как бы на стыке трех наук: истории, политологии, социологии и призванной помочь исследователю разобраться в психологической мотивации внешнеполитических акций того или иного государства, понять предпосылки явлений с точки зрения оценки менталитета правящей элиты, общественных кругов и простых людей[2].

Рассматривая в качестве цели настоящей статьи попытку освещения некоторых ключевых моментов процесса эволюции взглядов американцев на Россию и русских в контексте первой мировой войны, автор считает необходимым уточнить хронологические рамки работы, которые ограничены заключительным периодом существования монархического строя в нашей стране, т.е. временем с августа 1914 по февраль 1917 г.

В качестве источников привлекались новые документы из фондов федеральных архивохранилищ (Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического и Российского государственного исторического архивов), материалы публицистического характера, а также периодическая печать.

Перед тем как обратиться непосредственно к событиям военных лет, следует подчеркнуть, что характер представлений американцев о России на протяжении двух последних столетий изменялся в зависимости от исторических событий, в которые были вовлечены оба государства, постоянно сохраняя тем не менее определенную амбивалентность.

Так, хотя с первых лет обретения Соединенными Штатами независимости Российская империя рассматривалась правительством и населением заокеанской республики как дружественная страна, способная оказать содействие в борьбе против общего врага — Великобритании, жизненно важ-

ный для развития двухсторонних связей договор о торговле и мореплавании был подписан, как известно, лишь в 1832 г.

Аналогичная ситуация возникла в период гражданской войны 1861-1865 гг., когда благожелательный по отношению к северянам нейтралитет России и демонстрация силы ее флота у берегов Нового Света получила высокую оценку администрации Авраама Линкольна, что, однако, не помешало официальному Вашингтону и стоявшими за спиной правительственных чиновников влиятельных представителей деловых кругов развернуть в стране пропагандистскую кампанию с целью ликвидации политического и экономического присутствия русских в Америке.

В конце XIX – начале XX в. происходит определенная «демонизация» образа России среди американцев, связанная с усилением охранительных тенденций в политике самодержавия, репрессиями в отношении религиозно-этнических меньшинств (особенно сектантов и евреев), вызвавшими массовую эмиграцию российских подданных в США, и наконец, экспансионистским курсом царизма на международной арене (прежде всего – на Дальнем Востоке, где сталкивались геополитические интересы обеих держав).

Кульминацией в развитии указанной тенденции явились два события: явная дипломатическая поддержка Вашингтоном Японии во время войны против России 1904-1905 гг., а также денонсация Конгрессом в конце 1911 г. упоминавшегося российско-американского торгового договора.

Но, с другой стороны, несомненные экономические достижения России в предвоенные десятилетия, бурный прогресс российской науки и культуры, некоторые внешнеполитические инициативы (например, организация Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг.) вызывали симпатии американской общественности к остававшейся во многом загадочной огромной северной стране. Конкретным проявлением добрых чувств населения США в отношении русского и других народов империи Романовых стало в частности проведение кампании по оказанию материальной помощи жертвам массового голода в России 1891-1892 гг.[3]

Неудивительно, что сложившаяся к августу 1914 г. двойственность восприятия нашей страны в сознании американ-

цев продолжала и в первый период войны оказывать влияние на характер наших отношений.

Как показывают источники, наряду с беспощадной критикой в адрес автократического, экспансионистского режима, который, по мнению некоторых американских публицистов, стремился использовать партнерство с западными демократиями для достижения мирового господства[4], среди представителей части истэблишмента и общественности США с началом военных действий начали все шире распространяться настроения сочувствия и доброжелательности к государству, объективно оказавшемуся в рядах защитников мира и справедливости[5].

В найденных нами архивных документах отчетливо прослеживается указанная двойственность образа России в сознании жителей Америки. Так, в одном из писем хорошо осведомленного русского наблюдателя, прожившего долгое время в США, отмечалось: «Ее [*России – Е.С.*] правительство здесь непопулярно, Вильсон и Брайан [*государственный секретарь в 1912-1915 гг. – Е.С.*] ему не сочувствуют... Россия выделена от общего союзнического дела в войне и при заключении мира, вероятно, встретит оппозицию нейтральных стран своим законным требованиям – вот чего я главным образом опасаюсь»[6]. В то же время совершенно иная тональность характерна для донесения российского представителя в Вашингтоне Ю.П.Бахметева летом 1915 г.: «Вообще сочувствие к России не только не уменьшилось, но даже возросло во время тяжелой борьбы, которую мы выдерживаем против подавляющих преимуществ [*так в документе – Е.С.*] врагов, и выносливость наших войск, и мудрая тактика их Верховного Вождя, которую называют «неподражаемой в военной истории», возбуждают еще более уважения нежели наши блестящие движения вперед...»[7]

Близкую к приведенному суждению российского посла точку зрения высказал после посещения в середине 1915 г. Соединенных Штатов товарищ председателя Русско-Американской Торговой Палаты в Москве А.В.Бер: «В первую очередь я должен особенно подчеркнуть тот факт, что мне ужасно лестно и приятно было заметить те колоссальные симпатии, которые со стороны американской публики в лице крупных деятелей в промышленных, торговых и фи-

нансовых кругах проявились к России. Общее убеждение здесь, что, несмотря на временные неуспехи России, конечная победа будет на ее стороне и ее союзников»[8].

Дальнейшую эволюцию взгляды американцев на нашу страну претерпели с переходом войны в затяжную, позиционную стадию. При этом постепенно ослабевали настроения русофобства со стороны простых американцев, а огонь критики официальных кругов и большинства средств массовой информации США все больше концентрировался против Центральных держав, несмотря на происки влиятельной германо-австрийской агентуры в среде бывших соотечественников, эмигрировавших за океан. Наиболее значительную роль в отмеченном процессе сыграли пиратские действия Германии на море, нарушение ею свободы торговли и мореплавания (конечно, в понимании Вашингтона), антигуманное отношение к военнопленным.

Однако на пути формирования у правящей элиты и населения Америки более привлекательного имиджа России существовали серьезные препятствия, о которых сообщается в двух аналитических записках, принадлежавших перу эксперта российского МИД М.Рутковского. И хотя его подпись стоит только под одним документом, стилистика и язык другого не оставляют, с нашей точки зрения, сомнений в авторстве. К сожалению, записки не имеют точной датировки, однако есть все основания отнести их к рубежу 1913-1914 гг.

Итак, Рутковский выделяет пять главных факторов, которые блокировали диалог между Петроградом и Вашингтоном, а значит, препятствовали более глубокому пониманию американцами российских реалий:

1. столкновение интересов двух стран на Дальнем Востоке;

2. антироссийская пропаганда, проводимая другими державами в США;

3. подрывная деятельность различных эмигрантских организаций левой ориентации под пораженческими лозунгами;

4. активность еврейской диаспоры на территории Северной Америки, обусловленная давлением сионистских кругов на Белый Дом и Конгресс по т.н. «паспортному вопросу»[9];

5. плохая осведомленность американской общественности о российской внешней политике и ситуации внутри страны[10].

Острота первой из перечисленных проблем была в значительной степени снята к началу мировой войны, однако заключение в 1916 г. русско-японской союзной конвенции серьезно встревожило Соединенные Штаты, которые усмотрели в этом дипломатическом шаге отказ Петрограда и Токио от соблюдения основополагающего для политики Вашингтона в Азии принципа «открытых дверей».

В отношении второго вопроса также следует согласиться с мнением эксперта, поскольку Берлин щедро финансировал не только разведывательно-диверсионную деятельность, но и широкомасштабную активность немецкой агентуры по дезинформации и запугиванию американского обывателя «русской угрозой». Не случайно в официальных донесениях и частной переписке высокопоставленных российских чиновников содержатся следующие высказывания по этому поводу: «Немцы организовали здесь [*в США – Е.С.*] небывалую в истории войн кампанию... усилия немцев повлиять на общественное мнение здесь доказывают... что они имеют в виду нечто очень важное для будущего – то есть, что они рассчитывают, что Северо-Американский Союз будет иметь значение и влияние при заключении мира»[11].

Значение третьего фактора, на наш взгляд, несколько преувеличено автором записки, учитывая то обстоятельство, что, хотя российские социал-демократы всех оттенков, а также анархисты и другие «левые» выпускали в США свои периодические издания, распространяемые преимущественно в крупных центрах, их реальное влияние на общественное мнение было в целом невелико. Это объяснялось традиционно подозрительным и негативным отношением подавляющего большинства американцев (особенно среднего класса) к антиправительственной пропаганде, сравнительно малыми тиражами периодики подобного рода (около 370 000 экз. из общего выпуска в 20 000 000, по данным М. Рутковского[12]), а также особенностями законодательства США, предусматривавшего суровые наказания за призывы к свержению существующего политического строя.

В то же время официальный Петроград обращал самое пристальное внимание на деятельность влиятельных кругов американского еврейства[13]. Используя дискриминационные ограничения прав лиц еврейской национальности, посещав-

ших Россию в связи с бизнесом или по служебным делам, лидеры сионистских организаций Америки при негласной поддержке германо-австрийской агентуры[14] стремились вынудить президента Вильсона занять бескомпромиссную позицию в диалоге с царем по проблеме уравнения юридического статуса всех национальных меньшинств империи и снятия любых запретов на перемещение американских евреев в границах России.

Опасность для ее престижа и имиджа заключалась в данном случае в том, что требования еврейских кругов США находили отклик и понимание у общественности заокеанской республики, что отразилось в записке М. Рутковского: «Практическому уму американцев кажется ненормальным и бесцельным лишение части населения империи средств к заработку ограничением свободы передвижения вне известной черты оседлости»[15].

О масштабах враждебного по отношению к царизму воздействия сионистских кругов на общественное мнение США можно судить по следующим данным эксперта МИД: «Пропаганда против России ведется евреями в Соединенных Штатах преимущественно путем печати, хотя они не пренебрегают и другими средствами для возбуждения страны против России в Федеральном Конгрессе или в местных законодательных собраниях штатов, где более 600 000 евреев. Они имеют в Соединенных Штатах в главнейших городах 27 органов печати, из которых 26 издаются по большей части раз в неделю по пятницам». Далее автор указывает, что финансирование рекламы в прессе компаниями с участием еврейского капитала ставится в зависимость от публикации материалов, «наполненных неприязнью и даже ненавистью к России, особенно к ее правительству»[16].

Наконец, в связи с недостаточной осведомленностью населения США о российских реалиях подчеркивалась слабая постановка пропагандистской, ознакомительной работы императорским посольством в этой стране. Среди очевидных упущений в его деятельности назывались краткость и расплывчатость официальных сообщений для печати, слишком строгая цензура на информацию из России, отсутствие специального координирующего органа для ознакомления американцев с событиями на фронтах и внутри страны, дея-

тельностью правительства, мнением российской общественности[17].

Любопытно отметить также те черты национального характера американцев, которые, с точки зрения Рутковского и не только его, но и многих других наблюдателей из России, затрудняли формирование благоприятного отношения к ней в США: «Народонаселение, избалованное исключительно благоприятным географическим положением своей страны и ее естественным богатством, достигло в полтора столетия беспримерных результатов и глубоко убеждено, что этим оно обязано превосходству своей расы и своим политическим учреждениям, оно поэтому относится к другим народам вообще со снисходительностью и полудружеской симпатией как к младшим членам международной семьи, но не особенно интересуется их политической жизнью, полагая, что в ней оно найдет мало для себя поучительного...»[18]

В аналогичном духе высказывался и уже знакомый нам А.В.Бер: «Американцы в общем маломыслящий народ и поэтому впечатлительны. Переутомляющий себя интенсивной ежедневной работой американский «бизнесмен» отчасти теряет способность самостоятельно думать и легко поддается внушениям готовых суждений». Развивая свою мысль, Бер указывал, что в американце «есть известная доля сентиментальности, которая заставляет его сочувствовать всем приниженным. Но как только возникает возможность заключить выгодную сделку в той или иной форме, эта сентиментальность исчезает, уступая место холодному рассудку»[19].

К этим соображениям следует добавить, что администрация Вильсона в годы войны делала все возможное для пропаганды «американизма» как главного элемента развития в гражданах США чувства патриотизма[20].

Поэтому как перед царским правительством, с одной стороны, так и перед кругами либерально настроенной интеллигенции России – с другой, стояла одинаковая по сути задача, требующая осторожного, деликатного подхода к «воспитанию в стране [*США – Е.С.*] восприимчивого элемента в сочувственном нам [*русским – Е.С.*] духе»[21].

Однако цели официальных властей и усиливавшей на протяжении войны влияние в стране оппозиции являлись прямо противоположными. Если для Николая II и его окру-

жения важно было опереться на экономическую мощь США для достижения победы, а в конечном счете сохранения самодержавия, то представители торгово-промышленного и финансового капитала вместе с ориентированной на западную модель демократии интеллигенцией рассчитывали использовать содействие Америки в процессе модернизации политического и хозяйственного строя империи.

Показательно в этом плане мнение одного из представителей либеральных кругов российской столичной элиты, выступившего с докладом о новейших общественных движениях в США на ежегодном собрании Общества сближения между Россией и Америкой 21 октября (3 ноября) 1915 г.: «Мы заинтересовались Америкой в связи с войной. Войны рождают и новую общественную психологию. В болезненных муках борьбы обновляется народная душа. Русское общество ныне переживает этот процесс. Пусть же, знакомясь ближе с духом англосаксонских народов, оно воспримет от них и для своей новой деятельности живительные элементы молодости — здоровый оптимизм, дух организации и солидарности, сознание силы общественности в борьбе с отживающими идеями старого»[22].

Таким образом, с началом мировой войны возникла ситуация, когда практически все в России были объективно заинтересованы создать привлекательный для американцев образ страны — надежного друга и потенциального союзника США в борьбе против прусско-австрийского милитаризма.

В качестве практических шагов официального Петрограда, поддерживаемого либеральной общественностью, по пути налаживания диалога с заокеанской республикой можно назвать, во-первых, организацию в США Славянского информационного бюро и курсов «практического изучения России» при нем[23]; во-вторых, издание газет и журналов типа «Русской Земли» (под патронажем архиепископа Северо-Американского и Алеутского Евдокима) или «Русского Обозрения» (на английском языке), выдержанных в ортодоксальном, проправительственном духе[24]; в-третьих, установление негласного контроля над другими печатными органами эмиграции в Америке вроде «Русского Эмигранта», «Русского Слова» и др., до войны настроенными весьма критически к автократическому режиму на родине[25]; в-четвертых,

создание русско-американского книгоиздательства для выпуска переводной литературы, соответствующей официальному курсу[26]; наконец, активную пропаганду достижений России в области культуры. Организовывались выставки, гастроли балета Вацлава Нижинского, показ кинофильмов, в качестве основных сюжетов которых предлагались «деяния российских монархов по освобождению крестьян, провозглашению Манифеста 17 октября», а также «исторические подвиги наших войск при осаде Севастополя, Измаила, во время Отечественной войны [*1812 г. – Е.С.*] и т.п.»[27]

Особое значение в этой связи придавалось миссии специалиста в области американистики, приват-доцента Петроградского университета Б.Е. Шацкого, который был принят на службу в МИД и отправлен в США как раз накануне Февральской революции с заданием «организации правильной постановки вопроса осведомления американского общественного мнения об истинном положении нашего Отечества»[28].

Прибыв в Соединенные Штаты как представитель неправительственной организации – Русско-Американской Торговой Палаты, Шацкий добился определенных успехов в достижении поставленной цели, например, в постановке работы Информационного бюро с двумя отделениями в Нью-Йорке и Чикаго, для руководства которым был привлечен профессор славянских языков Колумбийского университета Джон Д.Принс[29], хотя справедливости ради следует отметить, что сама атмосфера «медового месяца» русско-американских отношений весной-летом 1917 г. содействовала приват-доценту в реализации официально одобренных мероприятий по формированию образа новой, демократической России[30].

Говоря об усилиях общественных организаций в направлении сближения с заокеанской республикой, необходимо выделить две из них: созданную еще в 1913 г. Русско-Американскую Торговую Палату (председатель – крупный промышленник и политический деятель Н.И.Гучков) и возникшее в феврале 1915 г. Общество сближения между Россией и Америкой (президент – известный дипломат, бывший посол в США барон Р.Р.Розен)[31].

Они развернули активную деятельность по внедрению в сознание американцев идеи взаимовыгодности установления партнерских отношений со стороны обеих великих держав. В

частности, при поддержке Общества сближения и Торговой Палаты в США начался выпуск нескольких периодических изданий: «Русского Вестника», «Русско-Американского Торгового Журнала», «Русского Обозрения»[32]; появились совместные благотворительные организации: Общество американских друзей русских военнопленных, Русско-Американское общество для оказания помощи русским, пострадавшим от войны, и т.п.[33]; планировалось также направить в крупные города и «глубинку» известных российских обществоведов, политологов, экономистов с лекциями и докладами о положении на фронтах и ситуации в стране[34].

Таким образом, источники свидетельствуют о начале серьезной трансформации образа России и русских в сознании американцев накануне Февральской революции, несмотря на существовавшие серьезные препятствия. Постепенно таял лед отчуждения и уходили в прошлое стереотипы восприятия великой евразийской державы как реакционной, агрессивной, антигуманной силы, представлявшей угрозу демократическим ценностям западного общества. На смену им приходили горячие симпатии к мужественному народу, а вместе с ними и понимание необходимости развития партнерства между двумя государствами, обусловленное надеждами на изменение социально-политического строя империи под влиянием общей победы сил мира и справедливости.

Сделанный вывод опровергает суждения некоторых историков, например, Б.Грейсона, который пишет о «стене недоверия и непонимания», якобы сохранявшейся в отношениях России и США на протяжении всей войны[35].

Почти незаметная при поверхностном наблюдении, подспудная эволюция взглядов американцев на нашу страну с августа 1914 по февраль 1917 г. подготовила феномен почти молниеносного, с точки зрения существовавшей дипломатической практики, официального признания Вашингтоном новой России и последовавшего за ним краткого, однако имевшего большое значение для дальнейшего развития двухсторонних отношений периода тесного сотрудничества администрации президента Вильсона и Временного Правительства, прерванного большевистским переворотом.

[1] Среди наиболее интересных, на наш взгляд, работ отметим следующие: *Зубок Л.И.* Очерки истории США (1877-1918). М.,1956; *Гершов З.М.* Нейтралитет США в годы первой мировой войны. М.,1962; *Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914-1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л.,1969; *Козенко Б.Д.* «Новая демократия» и война. Внутренняя политика США в 1914-1917 гг. Саратов,1980; История США. М.,1985. Т.2; *Уткин А.И.* Дипломатия Вудро Вильсона. М.,1989; *Laserson M.M.* The American Impact on Russia, 1781-1917. N.Y.,1950; *Williams W.A.* American-Russian Relations, 1781-1947. N.Y.;Toronto,1952; *Kennan G.* Russia Leaves the War. Princeton,1956; *Grayson B.L.* Russian-American Relations in World War I. N.Y.,1979; etc.

[2] Следует указать ряд заслуживающих внимания исследований последних двух десятилетий: *Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics. Princeton,1976; *Егорова Е., Плешаков К.* Бэконовские «призраки» в нынешнем мире // Международная жизнь. 1988. № 8. С.87-95; *Филитов А.М.* «Образ врага»: роль мисперцепции в формировании менталитета и политики «холодной войны» // XX век: основные проблемы и тенденции международных отношений. М.,1992. С.125-141.

[3] *Бородин Н.А.* Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. Пг.,1915. С.286.

[4] *Jackson L.* Russia Dominates the World. Montclair, New Jersey,1915. P.1-12.

[5] *Бородин Н.А.* Указ. соч. С.314.

[6] АВПРИ. Ф.134. Оп.473. Д.42. Л.2-2об. Демен – Ермолову, Альта – Лова, Калифорния, 29 ноября (12 декабря) 1914 г.

[7] Там же. Л.112. Бахметев – в МИД, Вашингтон, 20 июля (2 августа) 1915 г.

[8] РГВИА. Ф.369. Оп.1. Д.13. Л.64-74. Бер – Поливанову, Нью-Йорк, 29 сентября (12 октября) 1915 г.

[9] *Бородин Н.А.* Указ. соч. С.9.

[10] АВПРИ. Ф.134. Оп.473. Д.42. Л.234-238; 239-258.

[11] Там же. Л.2-2об. Демен – Ермолову, Альта-Лова, Калифорния, 29 ноября (12 декабря) 1914 г. Подробнее об антироссийской деятельности германской агентуры в США см.: Роз Ф. Германское влияние в Соединенных Штатах // Известия Общества сближения между Россией и Америкой. Вып.3. Пгр.,1916. С.11-16; Лан В.И. США: от первой до второй мировой войны. М.,1976. С.22-28.

[12] АВПРИ. Ф.134. Оп.473. Д.42. Л.243. Записка М.Рутковского.

[13] *Laserson M.M.* Op.cit. P.353-371; *Энгель В.* «Еврейский вопрос» в русско-американских отношениях начала XX в. // Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога. М.,1992. С.353-371.

[14] По мнению упоминавшегося А.В.Бера, «большинство еврейского капитала находилось в руках евреев немецкого происхождения». См.: РГВИА. Ф.369. Оп.1. Д.13. Л.67-74. Бер – Поливанову. Нью-Йорк, 29 сентября (12 октября) 1915 г.

[15] АВПРИ. Ф.134. Оп.473. Д.42. Л.235. Записка М.Рутковского.

[16] Там же. Д.42. Л.245-246, 248-249.
[17] Там же. Д.42. Л.3-3об., 237-238, 256-258; Д.170. Л.6-6об.
[18] Там же. Д.42. Л.253-254.
[19] Там же. Д.170. Л.5об.-6. Докладная записка А.В.Бера на имя Н.И.Гучкова. Москва, 22 декабря 1916 (4 января 1917 г.); РГИА. Ф.23. Оп.11. Д.158. Л.135-147об. Бер – Поливанову. Нью-Йорк, 20 октября (2 ноября) 1915 г.
[20] О том, насколько успешна была эта деятельность, можно судить на основе донесения шведского посланника в США Экенгрена, отправленного им в Стокгольм и перехваченного русской военной разведкой. АВПРИ. Ф.134. Оп.473. Д.153. Л.18-25об. Вашингтон, 31 июля (12 августа) 1916 г. (дешифрант).
[21] Там же. Д.170. Л.14об.-15. Бер – Гучкову. Москва, 22 декабря 1916 (4 января 1917 г.).
[22] Цит.по: Известия Общества сближения между Россией и Америкой. Пг.,1915. Вып.1. С.25.
[23] АВПРИ. Ф.134. Оп.473. Д.42. Л.49. Бахметев – Сазонову. Вашингтон, 30 апреля (13 мая) 1915 г.; Ф.140. Оп.477. Д.819. Л.1-1об. Бахметев – Сазонову. Вашингтон, 4 (17) апреля 1916 г.; Там же. Л.9-9об. Нератов – Бахметеву. Петроград, 17 (30) ноября 1916 г.
[24] Там же. Д.42. Л.79-79об. Бахметев – Сазонову. Вашингтон, 28 мая (10 июня) 1915 г.; Л.169-170. Архиепископ Евдоким – Сазонову, Нью-Йорк, 10 (23) сентября 1915 г.; Там же. Ф.140. Оп.477. Д.845. Л.6. Сообщение газеты «Русское Слово». 1916. 8 (21) июля.
[25] Там же. Ф.134. Оп.473. Д.42. Л.199-199об. Бахметев – Сазонову. Вашингтон, 16 (29) ноября 1915 г.
[26] Там же. Д.170. Л.8об.-9. Бер – Гучкову. Москва, 22 декабря 1916 (4 января 1917 г.).
[27] Там же. Л.9-9об.
[28] Там же. Ф.140. Оп.477. Д.820. Л.36-37об. Инструкция МИД Б.Е.Шацкому. Петроград, 16 (29) января 1917 г.
[29] Там же. Л.3-4. Черновой вариант сов. секретной телеграммы Покровского Бахметеву. Петроград, 4 (17) января 1917 г.
[30] Там же. Л.110. Бахметев – в МИД. 30 июня (13 июля) 1917 г.; Л.112-113об. Докладная записка Шацкого в МИД, Вашингтон, 4 (17) сентября 1917 г.
[31] Вестник Русско-Американской Торговой Палаты. М.,1915. № 1. С.1; Известия Общества сближения России и Америки. Пг.,1915. Вып.1. С.11.
[32] *Бородин Н.А.* Указ. соч. С.303; Известия Общества сближения между Россией и Америкой. Пг.,1916. Вып.2. С.32.
[33] Известия Общества сближения между Россией и Америкой. Пг.,1916. Вып.4. С.43-44, 49-50.
[34] Там же. 1916. Вып.1. С.2-3.
[35] *Grayson B.L.* Op.cit. P.124.

Большакова А.Ю.

ИГРОВАЯ ПРИРОДА РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ВОСПРИЯТИИ

(К ПРОБЛЕМЕ РУССКО-ЗАПАДНЫХ МЕНТАЛЬНЫХ СХОЖДЕНИЙ)

В среде англо-американских ученых не прекращаются споры о тождественности/нетождественности западной карнавальной традиции и русской смеховой культуры. Оппоненты русских ученых Д.С.Лихачева и А.М.Панченко критикуют их за отстаивание концепции тождественности «смеха в Древней Руси» и карнавального смеха[1]. Американская исследовательница Эвелин Бристол, представляя статью своей коллеги Евы Томпсон о Д.С.Лихачеве, очерчивает основное разграничение: «Средневековые жители Запада смеялись над преступлением общепринятых норм и правил, тогда как русские, будучи менее дисциплинированными людьми, наоборот, смеялись над правилами, предписанными свыше»[2]. Замечание важно, несмотря на спорность его интерпретации – оно задает ориентиры восприятия не только сути смеховой культуры на Руси, но и игровой природы русского менталитета в его стихийно-целенаправленном своеволии и неподчинении навязанным нормам поведения. Тем не менее, само противопоставление представляется сомнительным в силу своей абстрактности. Существуют определенные сферы жизни, пласты исторической действительности, развивающиеся по определенным, им лишь присущим правилам, которые могут противопоставляться как правилам общим, так и правилам других, внутренне противоположных сфер. В этом суть и характер феномена игры в структуре мировых ментальностей. Мировой авторитет в сфере изучения западной карнавальной традиции Михаил Бахтин отмечал как органичную принадлежность раблезианского карнавального типа к народной смеховой культуре в ее исконном универсализме и общечеловеческой принадлежности, так и внутреннее противодействие – со стороны западной карнавальной традиции – официальным культурными регламентациям и предписаниям, официальной идеологии. «Целый необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и

серьезной (по своему тону) культуре церковного и феодального средневековья»[3].

Тем не менее, есть еще один аспект проблемы, предполагающий совсем иной ракурс дихотомического деления. Он обращает нас в относительную древность XI-XII веков, когда игровое начало обретало жизненную серьезность и смысл, ложась в основание, скажем, ордена францисканцев, нищенствующих монахов: его основатель Франциск Ассизский называл своих учеников «***скоморохами божьими***». Игровой тип, противопоставляемый современными исследователями знаменитому «Homo Ludens» Й.Хейзинга как типу более рациональному и «спекулятивному» по сравнению с первым, развивающимся под знаком Благословения Франциска о «духовной веселости»[4]. Рассел Згута в монографии о русских скоморохах дает широкий спектр их названий на Руси, выявляющий генетическую принадлежность этого игрового типа русскому крестьянству, чья исконная религиозность, как и особый характер веры (русское двуеверие: соединение язычества и христианства), не раз отмечалась в англо-американских исследованиях[5]. На страницах книги Р.Згута русские скоморохи предстают как «веселые лица» («молодцы» или просто «веселые»), бобыли (безземельные крестьяне). Странная взаимозависимость состояния «***оторванности от земли***» и «***веселья***» не только свидетельствует о духовной легкости (облегченности), но и уводит в архетипические глубины ментальных пластов: к исконному расслоению русского крестьянства в период начального размежевания на собственно крепостных (прикрепленных к земле) и «вольных» или «гулящих» людей (размежевание, давшее затем основную типологическую антиномию в русском менталитете).

В исследовании по русской «деревенской прозе» американская ученая Кэтлин Партэ ссылается на утверждение Юрия Лотмана и Бориса Успенского: модель «карнавального смеха», выявленная Бахтиным в средневековой европейской культуре, не приложима всецело к России, т.е. в русском контексте зачастую смех не заразителен, но устрашающ, это скорее модель «антиповедения»[6]. Мы не может всецело согласиться с этим тезисом. Очевидно, основной путь вхождения русских игровых моделей в общемировое ментальное

пространство все же пролегает в ассоциативном контексте положительных эмоций – атмосфере «открепленности» от земных забот и тягот (см. старое обозначение русских крепостных крестьян – «тягловые люди»), атмосфере «духовной веселости», столь свойственной русским праздникам, атмосфере лени и праздности, светлой надежды на земное счастье и избавление от трудов, монотонной обыденности.

Сразу оговорюсь: одной из целей настоящей работы является выверение общих параметров, характеризующих феномен игры как определенную ментальную структуру. Англо-американские исследователи не всегда придерживаются строгого разграничения понятий play-game[7]. Тем не менее, разграничение существует: «в англоязычной литературе принято отличать импровизированную, непредумышленную игру (play) от игры, организованной на основе ограниченного числа жестких правил (game)»[8]. Именно play как отмечает американский исследователь Ричард Кое, входит и в данное самим автором англоязычное название знаменитой книги Й.Хейзинга[9].

В своей монографии о «Детстве» как особом культурно-историческом (ментальном) феномене Ричард Кое, выстраивая ряды типологических межлитературных схождений (органической частью которых становится русская литературная модель «Детства» от С.Аксакова до Катаева[10]), обращает особое внимание на ментальную природу и структуру игры в следующих доминантных моментах[11]:

1. ***Принцип удовольствия*** (Автор ссылается на труд З.Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия», 1920 г.) С психологической точки зрения, феномен игры возникает: а) как реакция на состояние неудовлетворения; б) как потребность в восстановлении нормального ментального состояния «гармонии» или «удовольствия», что вызывает:

2. ***Переход в иное ментальное измерение*** («другое измерение ментального опыта» – Р.Кое). Это предполагает рождение ментальной модели параллельной (или «сверх») реальности, сосуществующей наряду с реальностью исторической.

3. ***«Fun of Playing»*** Р.Кое, ссылаясь на Й.Хейзинга, употребляющего английское слово «fun» в оригинальном тексте, представляет этот термин (дословно – шутка, веселье, заба-

ва) как сущностную ментальную категорию, сопротивляющуюся любому анализу, любой логической операции.

4. ***Ментальная изолированность*** как условие жизнеспособности любой игровой структуры.

Тем не менее, органическое вхождение игровых моделей в историческую действительность возможно и, к примеру, осуществляется в такой уникальном игровом хронотопе, как ***праздник***[12], органично, на правах реальности входящем в жизненное пространство и время. Р.Згута в монографии о русских скоморохах считает возможным говорить о схождении в сфере западной карнавальной культуры и русских праздников, особо отмечая, что русская Масленица часто сравнивается с «Mardi gras» и Карнавалом на Западе[13]. В собрании М.Забелина «Русский народ. Его обычаи. обряды, предания, суеверия и поэзия» 1880 года издания (по письменным источникам XVIII-XIX вв.) подчеркивается маскарадная сторона русской Масленицы, рассматриваемая как «подражание Римскому карнавалу». В главе «Некоторые исторические карнавалы» представлены пышные празднования русской Масленицы, устраиваемые императрицами Анной Иоановной, Елизаветой Петровной и Екатериной II[14]. Примечательно, что анонимный русский автор не одинок в своем мнении: в той же главе о Масленице приводится анонимное мнение иностранного писателя, который был очевидцем праздника примерно в конце XVII в. «Масленница напоминает мне Итальянский карнавал, который в то же время и таким же образом справляется»[15]. Интереснейшим является и тот факт, что в восприятии неизвестного иностранного очевидца уживаются и сочетаются рецепционные аспекты, казалось бы, несовместимые, с точки зрения современной западной науки. Мнение о карнавальной природе русского праздника, как оказывается, исконно ничуть не противоречит его мрачным сторонам, столь привычным для старинной русской жизни (впрочем, очевидно, как и для западной). «Во всю масленицу день и ночь продолжается обжорство, пьянство, разврат, игра и убийство (*вероятно, кулачные бои — А.Б.*)»[16] — архетипическая модель западного восприятия, в своей генетико-типологической структуре сохранившаяся и по сей день, хотя и в гораздо более противоречивом виде.

Так, Кэтлин Парте, казалось бы, отвергающая возможность русско-западных схождений в этой сфере, при разборе сцены деревенского праздника (свадьбы во время Масленицы) у одного из современных русских прозаиков, употребляет бахтинскую «карнавальную» терминологию, определяет характер сцены как «карнавальный», отмечая, что «свадьба героя празднуется во время масленицы, дословно, в «карнавальное» время»[17]. Тем не менее, теоретически исследовательница отвергает возможность определения (изображения) русского праздника как карнавального хронотопа — беззаботно-радостная атмосфера последнего несовместима с обстановкой русской жизни, сцены из которой столь же часто завершаются преступлением границ меж жизнью и смертью[18]. Остается признать, что русский праздник действительно имеет свою специфику, но, совпадая и одновременно не совпадая в своих сущностных чертах с карнавальным хронотопом, он органически входит в такую важнейшую сферу русского менталитета, как ***воля,*** предполагающая преступление всех и всяческих норм и правил, выход за пределы всех и всяческих границ. Англоязычное восприятие точно улавливает точку внутриментальных схождений, определяя — в образных терминах, к примеру, шукшинские — феномен воли как «festival/holiday of the soul»[19] («праздник души»), говорят также о «festival of Maslenitsa» (праздник Масленица) и др.

Отметим однако и еще один смысловой оттенок определения festival of the soul»[20], который особенно четко проявляется на общем фоне шукшинского повествования — сцены праздника бывшего заключенного, ныне «вольного человека» Егора Прокудина, собирающего всяких и разных, чужих и вовсе незнакомых, для хмельного, перебродившего веселья. В искаженном до ироничности, подернутом тоской по несбывшемуся виде доходит до современного читателя и зрителя особый характер игровой природы русского менталитета, который издавна сложился в праздничной культуре русского народа — искони соборной, парадоксально совмещающей старинный дух общинности и индивидуализм русской воли.

Игровая природа русской воли — «festival/holiday of the soul» — предполагает восприятие воли как празднества, своего рода «фестиваля», в соединении с категорией «душа»,

крайне важной в структуре русского менталитета. Исследование «русской души» или «души России» практически не имело места в советской науке, занимая важное место в творчестве русских философов-эмигрантов[21]. Современный американский исследователь Дейл Петерсон рассматривает феномен «русская душа» как центральный в структуре русского менталита: сам термин «душа» служит для обозначения «безмолвных интуиций, органически присущих всей национальности»[22]. Таким образом, феномен русской воли может быть рассмотрен – в отличие от сугубого индивидуализма западной свободы – как имеющий более соборную природу, предполагающий духовное собирание себя – парадоксально – посредством выхода за пределы собственного социально регламентированного «эго» (преодоление любых границ и пределов, регламентируемых реальной действительностью[23]). Американский ученый Джон Гивенс, проводя дефиницию понятий «свобода»/»воля» (весьма близкую по структуре оппозиции game/play), отмечает близость последнего к англоязычному понятию volition[24], но подчеркивает стихийно-иррациональный характер русской воли и утверждает понимание ее не столько как волевого акта (в отличие от volition), сколько как освобождения: это искони живущее в русском народе бегство от рабства, от тяжелого подневольного труда, в особенности крепостного. Легко различимо потому игровое начало: «воля» явно предстает как выражение игровой природы русского менталитета. Причем ей органически присущи признаки «игры» на грани «театральности»[25].

Английский историк и литературовед Джеффри Хоскинг говорит о создании крестьянами некоего воображаемого мира (к примеру, при разборе романа В.Шукшина «Любавины»[26]) – ментальное своеволие, граничащее с подменой реального мира воображаемым. В «Любавиных» мы встречаем генетико-типологическое сходство «воли» и революционности – последняя, в свою очередь, связана с популярными в постреволюционный период в российском селе театральными постановками, служащими средством адаптации крестьянского менталитета к политико-идеологическими изменениям. Русский исследователь-эмигрант Ф.А.Степун в «Мыслях о России» высказал любопытное мнение на этот счет: «Я не думаю, чтобы ставка на театральную стихию революци-

онной фантастики была у большевиков сознательным расчетом-провокацией; но в той смелости и уверенности, с какой они разнуздывали ее в русском народе, был все же какой-то безошибочно зоркий инстинкт путей своего успеха...»[27]. В шукшинских «Любавиных», по мнению Дж.Хоскинга, показано, как в условных, театрально-игровых формах происходит приятное «освобождение от реальности», делающее внедряемые модели полико-идеологической и экономической борьбы приемлемыми и легко усваиваемыми. Так, реальный процесс раскулачивания предваряется его театральной инсценировкой в сельском клубе – крестьяне находят в театральном действе источник радости, освобождения от будничной рутины, возможность смеяться и валять дурака.

Тем не менее, несмотря на известную утилитарность использования игровой природы «властями», в игровых проявлениях и ожиданиях героев есть и ***поиск совершенства***. Герои Шукшина «ищут выход из «здесь» и «сейчас», сиюминутного и эмпирического, всегда несовершенного, в некий другой, ***воображаемый мир свободы и совершенства***: ***этот трансцендентный мир*** является к ним в различных формах»[28] – через миг высвобождения в пении, танцах, театральной игре открываются пути в воображаемый мир «воли».

Англо-американские исследователи феномена русской воли определяют – в качестве важной модели развития – ***перемещение*** или ***смещение*** основных причинно-следственных связей, заданных реальной действительностью. Само проявление феномена воли, по мнению исследователей, есть следствие разрушения традиционного порядка вещей[29] – это, собственно, поиск утраченной идентичности. Трансцендентное состояние воли достигается в модели перемещения[30]. «Перемещение» (о чем, в частности, свидетельствует современная русская проза) предстает не просто как сюжетно-волевой акт, поступок, но особое ментальное состояние, важное для понимания природы воли как освобождения от стабилизирующих, закрепощающих связей (мы можем обратиться, в частности, к речевому символу «Поехала», который служит распутинской героине в «Прощании с Матерой» для обозначения всеобщего состояния «сдвинутости» веками установленного порядка вещей).

Ричард Кое в книге о «Детстве» как феномене мировой культуры в историческом измерении, обращаясь к игровым моделям Й.Хейзинги, особо отмечает сверхлогическую природу игры как явления ментального своеволия; ***игра имеет сугубо ментальную природу.*** Как отмечает Й.Хейзинга, «признавая игру, вы признаете ум» (или мышление)[31].

Два основных ментальных измерения – реальное и игровое – структурно сочетаются у Кое с дихотомией взрослое-детское. Игра предстает как исконный ментальный архетип, связанный с возрастной градацией человеческой жизни и предполагающей утверждение изначальной простоты гармонии, идеи первоосновы и эстетизации жизни.

К модели ментального перемещения как возвращения в духовное состояние «Детства» неоднократно обращается Кэтлин Партэ в исследовании «хронотопа детства» (термин К.Партэ) в русской классической литературе (от Льва Толстого и Сергея Аксакова до творчества «деревенщиков»). Смещение основных логических связей в «малом мире» Детства (пользуясь выражением Р.Кое) происходит через эстетизацию действительности силой воображения и воспоминаний (точнее, это уже взгляд взрослого человека на свое детское «я», ментальное перемещение в личном биографическом времени) и возведение ее до уровня сказки, магического мира, того, что русский писатель называет «страной моего детства» или «сказкой моего детства»[32]. Невозможное, недосягаемое – всего этого нет в игре.

Среди основных признаков игровых моделей «Детства», общих для западного и русского менталитета, которые определяет Кое, можно выделить следующие моменты[33]:

1. смещение ролевое (смена пассива на актив, когда ребенок становится «автором»-творцом);

2. смещение основных связей (вытеснение неприятного в реальности и «выворачивание» его в приятное как замену последней);

3. замена основных структурных элементов согласно дихотомии «реальное-условное», «неудовольствие-удовольствие», что преполагает «изоляцию своих собственных «правил» от остального мира»[34] и, в тех же целях, поиска удовольствия и совершенства, создание своего собственного

ментального мира игры среди «несовершенного мира» реальности.

Именно это понятие игрового пространства – изолированного, «запрещенного», «магического», огороженного и отгороженного, удаленного от обыденной жизни и самозамкнутого, может быть, даже намеренно выброшенного из жизни – становится важнейшим при определении историко-культурных игровых моделей, находящих воплощение в особых жанрах, в частности, литературных. В игровом пространстве действуют ***свои***, особенные, лишь этому маленькому миру присущие и лишь для него органичные правила, изолирующие от остального мира: «Внутри круга игры законы и обычаи обычной жизни более не действуют. Мы становимся другими и действуем также по-другому»[35]. Таким образом, несовершенство окружающего мира противопоставлено совершенству игрового пространства. Одним из наиболее интересных, с культурно-исторической точки зрения, претворений этой игровой модели можно считать пасторальную (идиллическую) традицию, издавна укрепившуюся в русской исторической действительности. Вначале войдя в «материальное поле» русской культуры как театральное действо в дворянских домашних театрах, пасторально-идиллические формы нашли одновременно и более условное и более каноническое воплощение (в частности, в литературе), обретя свое место в основном русле мировой пасторальной традиции, восприняв ее основные черты и обусловив точки русско-западных схождений.

Кажущаяся отвлеченность данной темы (убеждение, которое может опираться на видимую «нейтральность» пасторальной природы) весьма обманчива. Об этом свидетельствует восприятие некоторых американских ученых, к примеру, Катерины Кларк, в разборе русской «деревенской прозы» наполняющей пасторальную модель русской литературы конкретным идеологическим содержанием, уделяя особое внимание использованию модели игрового пространства, находящей особое воплощение в мире литературной пасторали. Сближая «ждановскую литературу» и «деревенскую прозу» на основании употребления одной и той же архетипической игровой модели, – «место действия в малом, замкнутом мире, сравнительно изолированном от всей страны»[36],

в котором можно найти убежище «от сложностей современной реальности»[37], – исследовательница считает возможным говорить о «пасторализации советской реальности» в «деревенской прозе», ссылаясь на определение Питера Маринелли из его монографии «Пастораль»[38]. Тем не менее, явное несовпадение очевидно: исследовательница обращается к историко-временным характеристикам пасторали у П.Маринелли (движение от сложности к простоте, от суровой современности в не столь отдаленное прошлое сравнительной невинности – силой памяти и воображения[39], странным образом прилагая их в качестве подтверждения к сугубо пространственным характеристикам «пасторального элемента» в русской литературе советского периода.

Так или иначе, основная историко-культурная модель игрового пространства в пасторальной традиции русской литературы определена – это village (деревня) или деревенская усадьба, поместье, если обратиться, к примеру, к трудам американского исследователя русской пасторали Эндрю Дуркин[40]. Кэтлин Партэ, нередко ссылаясь на его труды, в объективно-позитивном плане воспринимает пасторально-идиллический хронотоп русской классической литературы (в частности, «деревенской прозы»), также отмечает центральность «забытого» хронотипа традиционной деревни или иного «излюбленного места в сельской местности»[41], ссылаясь на параметрические характеристики Михаила Бахтина, придававшего особое значение взаимосвязи времени и пространства в идиллии (пасторали) как мировой историко-культурной модели – что соотносится с «процессом освоения в литературе реального исторического времени и пространства и реального исторического человека»[42].

«Иконическая версия традиционной русской деревни», с обязательными «белой церковью», «озером», «лесом»[43] – сфера или пространство, почти не тронутое влиянием XX века, «рай потерянный – рай обретенный» в «деревенской прозе»[44] похожи на мир помещичьей усадьбы в произведениях Льва Толстого, Сергея Аксакова[45] и органически входят в пасторальную традицию, в центре которой, как подчеркивают и исследователь русской пасторали в сравнении с европейской Эндрю Дуркин, и исследователь европейской пасторали Питер Маринелли, находится архетип вергилиевский

«Аркадии». Это ***пространство литературной игры***, «золотая страна воображения»[46] с ее благословенными полями, лугами и пастбищами и обязательными фигурами пастухов, которые в более современной пасторальной версии все более вытесняются, как отмечает автор «Пасторали», образом ребенка в «сельской пасторали детства»[47].

Образное смещение, не только воссоединяющее традицию классической русской пасторали (с ее «хронотопом детства») с западной «пасторалью детства» Вордсворта, Марка Твена и ее более современными жанровыми модификациями у Томаса Вульфа, Ричарда Ллыоэллина, Лорие Ли[48], но и сводящее воедино, в структурное целое, игровые модели «Детства» и Пасторали. Не только по признаку активного деятеля и игрового пространства, но и эстетизации действительности через стремление к «очищенному» совершенству, созданию светлой, радостной атмосферы праздника жизни, вытесняющей страдания и невзгоды «принципом удовольствия», что достигается, главным образом, приемом ментального «смещения» (или изолированности) во времени и пространстве[49].

Таким образом, феномен игры является творческим выражением любого национального менталитета как одно из ярчайших воплощений его свободо- или вольнолюбивой устремленности за пределы любых регламентаций и ограничений, диктуемых конкретно-исторической ситуацией. Англо-американское литературоведение, однако, не только рассматривает феномен игры как сугубо историческое явление, возникающее при смене ментальностей, как попытку преодоления ментальных ограничений, обусловленных конкретной ситуацией того или иного исторического периода, но и подчеркивает его сугубо ментальную природу, включая в широкую сферу мировой историко-культурной традиции, в том числе и западной. Традиционные русские игровые модели, органично входящие в контекст истории России с ее постоянными константами – русская усадьба; деревня, в которой искони существовала богатейшая игровая культура; народная смеховая, карнавальная культура, квинтессенцией которой издавна стал праздник – являются одновременно и ментальными моделями, сосуществующими с конкретно-исторической действительностью на правах возможности,

подавленной советской системой и ее идеологией, ушедшей в глубь «коллективного бессознательного»[50]. Именно для воссоздания, для восстановления в правах этих ментальных моделей понадобился анализ основных доминант восприятия, формирующих ассоциативный контекст вокруг основного феномена «игры» и обеспечивающих саму возможность его понимания. Это ментальные категории свободы воли, хронотопы праздника/карнавала, пасторали, идиллии, детства, а также сгущенная эмоциональная атмосфера веселья, просветленности, душевной легкости – в своей универсальной сути этот контекст (и его компоненты) является основой русско-западных схождений в игровой сфере.

Как отмечали представители французской «Школы Анналов», «воображение», «мыслительные установки» и «склад ума», которые не могут найти свое воплощение в конкретной реальности, составляют «историю потаенных мыслительных структур», вытеснившую в историографии Франции «историю высказываний великий людей»[51]. Сгущение эмоциональной атмосферы, усилия чувств как обязательное условие реализации «игровой модели» отвечает потребности в изучении истории эмоциональной жизни, которую остро ощущал еще Люсьен Февр. В эту историю необходимо, на органических началах, входит потребность в украшении жизни, вплоть до превращения ее в некую прекрасную, возвышенную игру – момент, на который обращал внимание Й.Хейзинга[52].

---

1 См.: *Parthe K.* Russian Village Prose. The Radiant Past. Prinston,1992. P.186; *Bristol E.* Introduction // Rissian Literature and Criticism. Berkeley,1982. P.3-12; *Thompson E.* D.S.Likhachev and the Study of Old Russian Literature // Ibid. P.245-254.

2 *Bristol E.* Introduction... P.12.

3 *Бахтин М.* Литературно-критические статьи. М.,1986. С.294.

4 *Сигов К.Б.* Игра // Современная западная философия. М.,1991. С.110-112.

5 К примеру, американская исследовательница Линда Иваниц рассматривает феномен двоеверия как переплетение дохристианских и христианских элементов в вере и практике русских крестьян. При этом она усматривает определенную степень сходства в русской и западной истории, подчеркивая, что «в Западной Европе также элементы христианства были привиты к дохристиан-

скому наследству». Архетип двоеверия сохранился в русском менталитете вплоть до XX века: «Даже на пороге советской эры русский крестьянин сохранил свою веру в духов дома и подворья, а также различных природных стихий». (См.: *Ivanits L.* Russian Folk Belief. Armonk; N.Y.,1989. P.4. See also: *Zguta R.* Russian Minstrels: A History of Skomorokhi. Oxford,1978). Американская исследовательница русской литературы и русского самосознания Кэтлин Партэ, ссылаясь на монографии Л.Иваниц и Р.Згута, обращается также к монографии российской исследовательницы Г.А.Носовой «Язычество в православии» (М.,1975). В свою очередь, Р.Згута, подчеркивая сосуществование язычества и христианства в течение всего киевского периода, отсылает читателя к дореволюционным исследованиям русских ученых (в частности: *Аничков Е.* Язычество и Древняя Русь. СПб.,1914; *Даньковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Краков,1916. Т.1.

6 *Parthe K.* Russian Village Prose... P.142.

7 См.: *Coe R.* When the Crass Was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood. New Haven,1984. P.242-243.

8 *Сигов К.Б.* Указ. соч. С.111.

9 *Huizinga J.* Home Ludens: A Study of the Play Element in Culture. L.,1949.

10 Кэтлин Партэ считает возможным дополнить ряд русско-западных схождений, выявляющих «хронотоп детства», именами и произведениями русских деревенщиков. См.: *Parthe K.* Russian Village Prose...

11 См.: *Coe R.* When the Crass Was Taller... P.242-246.

12 М.Бахтин особо отмечал, что всяческое празднество – «это очень важная ***первичная*** форма человеческой культуры» (*Бахтин М.* Литературно-критические статьи. М.,1986. С.299) При рассмотрении этого феномена он особо останавливается на следующих моментах, для нас сущностно важных: 1. Усмотрение генетико-типологических схождений в явлениях карнавала и праздника: «Карнавал это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха. Это его праздничная жизнь» (Там же). 2. Следующий момент – как мы видели и еще увидим – сущностен для понимания специфики русского праздника, органически входящего в онтологическое измерение русского бытия, главным критерием которого являются вопросы жизни и смерти: «празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с ***кризисными***, переломныии моментами в жизни природы, общества и человека. Моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении. Именно эти моменты – в конкретных формах определенных праздни-

ков – и создавали специфическую праздничность праздника» (Там же. С.300).

13 Автор, в частности, ссылается на работу: *Миллер В.Ф.* Русская масленица и западноевропейский карнавал // Речи и отчет частной гимназии Перепелкиной. М.,1884. С.1-49.

14 *Забелин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.,1880. С.39.

15 Там же. С.36. Среди явных англоязычных источников можно отметить, в частности, статью Н.Симпсона «Карнавальное время и Пасха», посвященную русскому празднику и обрядам, в сборнике о России в восприятии знаменитых западных писателей. Симпсон свободно употребляет термин «карнавал», «карнавальный» в описании русского празднования Масленицы: «Великому Посту предшествует карнавал, называемый русскими «Масленицей» (См.: *Simpson N.* Carnival-time and Easter // Russia as Seen and Described by Famous Writers. N.Y.,1905). Заметим также, что сам термин Carnival имеет два основных значения: карнавал и Масленица (в католических странах).

16 *Забелин М.* Указ. соч. С.36.

17 *Parthe K.* Russian Village Prose... P.141.

18 Ibid.

19 *Gillespie D.* Valentin Rasputin and Soviet Russian Village Prose. L.,1986. P.11; *Givers J.* Siberia as Volia: Vasilii Shukschin's Search for Freedom // Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture. N.Y.,1993. P.179.

20 Festival – дословно не только праздник, но и собственно «фестиваль».

21 См., напр.: Бердяев Н.А. Душа России; О «вечно-бабьем» в русской душе; О власти пространств над русской душой; Русская и польская душа //Судьба России. М.,1990.

22 *Peterson D.* Justifying the Margin: The Construction of «Soul» in Russian and African-American Texts // Slavic Review. 1992. Vol.51. №.4. P.752.

23 См.: *Givens J.* Siberia as Volia... P.172-3,179.

24 Ibid. P.177.

25 См.: *Coe R.* When the Grass Was Taller... P.245.

26 *Hosking G.* Beyond Socialist Realism. Soviet Fiction since «Ivan Dtenisovich». N.Y.,1980. P.169.

27 *Степун Ф.А.* Мысли о России // Новый мир. 1991. № 6. С.217.

28 *Hosking G.* Beyond Socialist Realism... P.169.

29 *Mehnert K.* The Russians. Their Favorite Books. Stanford,1982. P.176.

30 См.: *Givens J.* Siberia as Volia... P.177; *Ignashev D.N.* Vasily Shukshin's «Sresal» and the Question of Transition // The Slavonic and East Europian Review. 1988. Vol.66. № 3. P.337.

[31] См.: *Coe R.* When the Grass Was Taller... P.244.
[32] См.: *Parthe K.* Russizn Village Prose... P.23.
[33] См.: Coe R. When the Grass Was Taller... P.242-245.
[34] Ibid. P.245.
[35] Цит. по: Coe R. When the Grass Was Taller... P.245.
[36] *Clark K.* Zhdanovist Fiction and Village Prose // Russian Literature and Criticism. Berkeley,1982. P.45.
[37] Ibid.
[38] *Marinelli P.* Pastoral. L.,1971.
[39] Ibid.
[40] См., напр.: *Durkin A.* Two Instances of Prose Pastoral: Nemcova and Aksakov // American Contributions to the Ninth International Congress oa Slavists. Columbus,1983.
[41] *Parthe K.* Russian Village Prose... P.22.
[42] *Бахтин М.* Литературно-критические статьи. М.,1986. С.121.
[43] *Clark K.* The Soviet Novel. History as Ritual. Chicago;L.,1981. P.242.
[44] Характерно название главы о «деревенской прозе» («Рай потерянный или рай обретенный? Художественная литература после Хрущева») в вышеупомянутой монографии К. Кларк.
[45] См. рассмотрение бахтинского идиллического хронотопа в применении к произведениям упомянутых авторов, а также «забытого хронотопа традиционной деревни» у поэтов и прозаиков XX века в монографии К.Партэ.
[46] *Marinelli P.* Pastoral. L.,1971. P.3. Ср. «волшебные земли» как модель игрового пространства у Р.Кое: Coe R. When the Grass Was Taller... P.245.
[47] *Marinelli P.* Pastoral. P.78-79.
[48] *Coe R.* When the Grass Was Taller... P.78.
[49] Структурный прием, на который обращают внимание, хотя и с разных точек зрения, К.Кларк, К.Партэ, Э.Дуркин, П.Маринелли и другие англо-американские исследователи.
[50] См. подробнее о необходимости «возвращения подавляемого» в русском менталитете и литературе, к примеру, в лекции, прочитанной Дж.Хоскингом на Би-Би-Си. (Иностранная литература. 1989. № 4. С.243-249).
[51] См.: *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М.,1993. С.48,60.
[52] См., напр.: *Хейзинга Й.* Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.,1988.

Игрицкий Ю.И.

РОССИЯ И ЗАПАД: КОРНИ СТЕРЕОТИПОВ*

Следует сразу оговориться, что в данной статье под стереотипами будут пониматься устоявшиеся представления, характерные для значительной доли взрослого населения той или иной страны (группы стран). Хотя в западной литературе термин «стереотип» употребляется, как правило, в отношении негативных образов, сам по себе он не несет в себе такой семантической нагрузки.

Существуют три пути формирования стереотипов. Самый древний и простейший из них – элементарное человеческое общение, «гуманитарный обмен». Практически столь же древний путь – влияние элиты (духовных пастырей, пророков, вождей, монархов и т.д.) на менталитет масс посредством проповедей, наставлений, указов и законов. Испокон веков именно таким образом воспитывалась и подогревалась религиозная и национально-этническая нетерпимость (язычников – в отношении христиан; мусульман – к гяурам; христиан – к сарацинам; католиков – к гугенотам; белых – к небелым и т.д.) В одних случаях такие проповеди и законы отражали и закрепляли уже сложившиеся бытовые предрассудки, в других – порождали и воспроизводили их. Наконец, третий путь формирования стереотипов – массовая пропаганда, характерная для новейшего времени и открывшая невиданные ранее возможности воздействия на большие группы населения.

Эти три пути играли и играют взаимокорректирующую роль. Первый из них проявляет себя стихийно, вторые два – целенаправленно, порождая навязываемые представления. Яркими примерами корректировки навязанных стереотипов служит изменение мнений друг о друге, складывавшихся у советских людей и многих иностранцев после приобретения личного опыта общения. Если раньше многие из нас только сомневались в правдивости советской пропагандистской риторики, развенчивавшей западный образ и уровень жизни,

---

* Статья подготовлена благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 96-01-00414).

то теперь мы точно знаем цену идеологизированных мифов. С другой стороны, после приоткрытия «железного занавеса», а особенно после начала эрозии тоталитарно-авторитарного режима в СССР, европейцы и американцы начали открывать для себя неизвестные стороны неформальной жизни россиян. «Верно, что русские, особенно москвичи, часто ведут себя на людях грубо, сухо, упрямо, безлико, — писал известный американский журналист Хедрик Смит.- Но в домашней обстановке, в кругу своих, среди семьи и друзей, пусть часто и с новыми знакомыми, они проявляют себя как один из самых дружелюбных, жизнерадостных, щедрых, эмоциональных и необычайно гостеприимных народов мира»[1]. Схожие впечатления от русских чаепитий отразил в своей работе «Пробуждение Советского Союза» английский историк Джеффри Хоскинг[2].

В мировой практике известны примеры, когда навязываемый и спонтанный стереотипы корректировались в лучшую сторону параллельно — так, например, протекал процесс взаимной ассимиляции белого и небелого населения в большинстве стран Латинской Америки, начиная с конца XIX в. (в США этот процесс в самых общих чертах был повторен только в последнюю четверть нашего века). Известны и случаи укрепления навязываемого и бытового негативных стереотипов (наиболее яркий пример — совпадение антифашистской пропаганды и опыта жизни в условиях оккупации в Европе в период второй мировой войны).

Что касается отношения иностранцев к СССР и России, то даже со второй половины 1980-х гг. оно менялось и меняется медленно. Это понятно, так как, несмотря на широко открывшиеся новые возможности, невелика доля тех, кто имеет сложившиеся представления о России и русских, побывал в нашей стране, и еще меньше тех, кто имел возможность общаться с рядовыми гражданами СССР, позднее России, в неформальной обстановке. Кроме того, нельзя не отметить, что расхождения между ожидаемым и реальным в последние годы скорее разочаровывают приезжающих в Россию иностранцев, чем радуют; не в восторге большинство из них и от тех «новых русских», с которыми у них складываются партнерские отношения.

Однако надо помнить, что корни устоявшихся представлений иностранцев о России и ее народе уходят не только в советское, но и гораздо более отдаленное прошлое. История складывания этих представлений подводит к выводу, что речь идет о процессе, который вряд ли имеет аналоги в мире. Понимая, что сентенции об «особости» России навязли в зубах, я, тем не менее, обязан констатировать специфичность условий и факторов, влиявших на формирование «внешних» оценок России. Конечно, ни в Европе, ни в США, ни тем более в остальном мире не принимались какие-либо нормативные или рекомендательные реляции, призванные создать определенное отношение к России, как к стране, и россиянам (если не считать расистских теорий нацистов). Более того, просвещенное общественное мнение в Европе всегда отдавало себе отчет в том, что русские — та же белая раса, и такие же христиане, а российская императорская династия до 1917 г. находилась в теснейшем родстве с европейскими династиями.

Вместе с тем решающую роль в формировании представлений о русском народе играли не эти, а другие факторы. Главных здесь два. Во-первых, уровень человеческого общения между россиянами и европейцами (особенно западноевропейцами) всегда был существенно ниже, чем уровень общения между народами, проживающими в центральной, южной, северной и западной частях континента. Во-вторых (и это весьма важно), отношение европейцев, а затем и американцев, к нашей стране и нашему народу тесно переплеталось с отношением к политическим системам и режимам, господствовавшим в стране.

«Внутри» Европы этого не было. Стереотипное восприятие одних европейских наций другими возникало из личного общения — чему способствовали проживание рядом, товарный обмен и торговля, более свободное пересечение границ, смешанные браки. Поэтому не столько привходящие факторы, сколько живое общение на протяжении веков породило расхожие и, разумеется, не абсолютные, мнения о французах как о любвеобильных и легкомысленных людях; об итальянцах как слишком разговорчивых и склонных к хвастовству; о немцах и голландцах как чересчур бережливых, вплоть до скупости, и т.д. Сейчас, в эпоху европейской интеграции и

глобальных ценностей эти стереотипы значительно ослаблены, но они не исчезли вовсе из массового сознания.

Заметим, что в отношении русских нет и не было стереотипов, акцентировавших черты характера, которые проявляются именно в межличностном общении. Начиная с де Кюстина[3] и включая нынешнее время, константами оценок русских в Европе были такие признаки, как покорность властям и готовность поднять топор на власть. Это – отнюдь не итог жизненных наблюдений или «полевых» социологических исследований; это – следствие знакомства с историей России и умозрительными оценками российской политической и экономической систем. Государство в России всегда было самодержавным, всевластным (значительная часть населения до 1861 г. находилась в крепостной зависимости и в 1920-30-х гг. была заново закрепощена), и если такое положение сохранялось веками и десятилетиями, народ, терпящий его, не мог не быть рабски покорным. А поскольку он время от времени взрывался бунтами и революциями, то одновременно был экспансивным и мятежным. В итоге, с точки зрения зарубежных аналитиков, складывалась модель непредсказуемого, иррационального поведения, вполне объяснимая по канонам психологии (компенсационная реакция на чрезвычайную зажатость). Сейчас мы видим, как образ непредсказуемого российского государства становится источником наибольших опасений Запада, и в этом также проявляется общая природа отношения к России, ее народу и политической системе как к единому целому. Во взаимных представлениях и отношениях внутри западного мира этого, по существу, не было (за возможным исключением отождествления немецкого национального характера с прусским конформизмом). И это естественно, ибо ни одно современное развитое государство Европы и Америки не характеризуется столь высоким уровнем преемственности институтов и способов отправления власти, как российское, на протяжении веков.

Указанная константа отношения к государству в России, а потом в Советском Союзе как к всевластному колоссу, авторитарному, а в течение какого-то времени тоталитарному, определяет отношение очень большого, вероятно, доминирующего вектора общественного мнения Запада к нашей стране и нашему народу. Каковы объективные и субъектив-

ные основания этой константы? Мы вправе сделать скидку на влияние таких факторов, как естественное геополитическое соперничество, баланс сил, идеологическая конфронтация в XX в., но главное в том, что константа восприятия государства соответствует константе самого государства, которое было авторитарно-репрессивным в течение четырех столетий. Аналогичного этатистского постоянства в Европе и Новом Свете не было. Этот фактор обусловил коренное различие политических культур, взаимосвязи между государством и обществом, понимания прав человека в Западной Европе и России. Поэтому Россия давным давно воспринималась как социум, резко отличающийся от Европы, не вписывающийся в европейскую политическую и культурную орбиту, особенно с того времени, когда в Европе стали складываться либерально-демократические, плюралистические, гражданские традиции.

Теперь добавьте к этому, что в том же XIX в. Россия, дав отпор Наполеону, стала европейской военной сухопутной супердержавой и начала широкое завоевание Кавказа, а затем Средней Азии в непосредственной близости от границ Турции, Персии, Афганистана и британской Индии, причем в такой геополитической ситуации, когда угроза христианской Европе со стороны нехристианских цивилизаций стала значительно уменьшаться, что автоматически усиливало геополитическую роль России. Добавьте подавление Россией восстания в Польше и ее жандармские функции во время европейских революций XIX в. Н.Я.Данилевский в книге «Россия и Европа» описывает разговор с европейцем, который образно воспринимал Россию как нависшую над Европой грозовую тучу. Данилевский очень метко определил природу этого восприятия как «ландкартное давление»[4]. Действительно, взглянув на карту и увидев, как расширяется территория и без того огромной страны с крупнейшей в мире сухопутной армией и царем-самодержцем во главе, европеец конца XIX, а затем и XX в., вполне мог испытать дискомфортное чувство.

Такой стихийный дискомфорт образованных слоев населения Европы был существенно усилен официальной пропагандой крупнейших европейских стран, которая стала опираться на новую, революционную роль печатного слова в

условиях роста грамотности и образования, появления телеграфной и телефонной связи; со второго десятилетия XX в. к массовой печатной пропаганде подключилось радио.

По английской прессе еще первой половины прошлого столетия было видно, как ужесточалось отношение к политике России по мере столкновения имперских интересов России и Англии в восточном вопросе, хотя Россия и не бросала открытых вызовов Англии. Поэтому известная пропагандистская подоплека формирования представлений о России в Европе сомнению не подлежит. Однако нельзя не учесть и отрицательного эффекта на европейское общественное мнение российской пропаганды, выдержанной в славянофильских и мессианских тонах. Негативное отношение славянофилов и в общем-то немалой части российского общественного мнения к Европе и европейским ценностям нового времени стыковалось с ростом мощи России, усиливая страхи европейцев.

Поставим далее вопрос: что изменилось в восприятии России Западом после 1917 г.? Общественное мнение оказалось с первых же месяцев расколотым надвое по классово-идеологическому признаку. Для леводемократической общественности «русский медведь» превратился в пролетария, зовущего на баррикады во имя социальной справедливости; для буржуазной и мелкобуржуазной среды всех категорий место медведя занял большевик с бутылкой водкой в одной руке и бомбой в другой[5]. Эти образы сначала воевали друг с другом, а затем началась их постепенная трансформация и слияние в один, не безраздельно господствовавший в Европе и Америке, но уже доминирующий в массовой пропаганде и умах миллионов — образ усатого человека с налитыми кровью глазами. Вторая мировая война на время убрала этот образ со страниц газет, но в конце 1940-х годов он ожил с новой силой[6]. Грозовая туча с Востока еще больше надвинулась на Европу, поменяв цвет с темно-свинцового (или, если хотите, бело-сине-красного) на багрово-красный и при всех опасениях экономической и политической гегемонии США в Европе Старый Свет предпочел прикрыться американским ядерным зонтиком, дабы защититься от угрозы русской коммунистической экспансии. За рубежом изданы сотни трудов, научных и публицистических, посвященных природе

и проявлениям русского коммунизма; в них можно найти стремление обнаружить либо преемственность, либо коренные различия между самодержавной Россией и Советским Союзом, но образ огромной сверхмощной, политически чужеродной и культурно далекой державы, претендующей на мировую гегемонию, закрепился в сознании европейцев (да и не только европейцев) давно, прочно и надолго. Даже с началом пресловутой перестройки в потоке восторженных возгласов были слышны голоса, повторявшие: ну, хорошо, коммунисты уйдут, Россия станет более демократической, но она останется крупнейшей по масштабам державой, бросающей геополитический вызов Западу. Известно, что после краха старых режимов в Восточной Европе, воссоединения Германии и роспуска Организации Варшавского договора, после распада СССР и братских объятий российского президента с лидерами стран Запада этот, главный стереотип восприятия России начал было претерпевать эрозию. Но ненадолго. Запад не смог и до сих пор не в состоянии найти верный вариант преодоления традиционного имиджа России, которая, конечно же, стала меняться; шарахнувшись от конфронтации к романтическому оптимизму, Запад не просто оторвался от реалий переходного состояния России, но поддался соблазну использовать ослабление России для того, чтобы поставить ее в такое положение, при котором она перестала бы оставаться даже потенциальной его соперницей — неважно, военной, экономической или идеологической. Забыв, что по меркам западных же политологический теорий, баланс сил оказывает позитивное воздействие на международные отношения, и именно взаимное ядерное сдерживание СССР и США уберегло мир от третьей мировой войны, крупнейшие атлантические державы не удержались от искушения усугубить нарушение баланса сил сверх той естественной меры, в какой он был нарушен в результате коренных системных изменений в Восточной Европе.

Трудно сказать, понимают ли политики, теоретики и общественное мнение Запада, что, совершив ошибку и переоценив скорость, глубину, масштабы либерализации России на европейский манер и под европейско-американским руководством, они затем совершили новую ошибку, пытаясь ужесточить отношение к России ради исправления первой и

форсирования дальнейших системных и геополитических изменений на территории бывшего СССР. Но можно с уверенностью сказать, что в нынешнем российском истэблишменте мало кто понимает, что, создавая новую Россию и одновременно способствуя формированию ее нового образа за рубежом, столь же недопустимо бросаться из крайности в крайность. Если новая Россия провозглашает верховенство закона над волюнтаризмом властных структур, демократического формирования политики над авторитетом, прав человека над бюрократическим всевластием государства — в этом случае она должна быть последовательной, стремясь внушить к себе уважение за рубежом не воссозданием образа «нависшей тучи», а пусть медленной, но целенаправленной внутренней эволюцией в направлении правового государства и гражданского общества. Когда государство и общество станут именно такими, негативные стереотипы восприятия России иностранцами отомрут сами собой. Увы, термидорианское перерождение демократических сил у власти, взаимная заинтересованность и поддержка авторитарных и бюрократических структур (столь характерная для России), растущая криминализация общества никак не способствуют этому.

---

[1] *Smith H.* The Russians. N.Y.,1976. P.35.

[2] *Hosking J.* The Awakening of the Soviet Union. L.,1991. P.22.

[3] См.: *Кюстин А.* Николаевская Россия. М.,1990.

[4] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.,1991. С.23.

[5] Подробнее см.: *Карр Э.* Революция в России и Запад // Свободная мысль. 1991. № 16.

[6] См. об этом: *Александер Ч.С.* «Дядя Джо»: образы Сталина в период наивысшего развития антигитлеровской коалиции // Американский ежегодник. 1989. М.,1990.

III. ВЗАИМОВЛИЯНИЕ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР

Богданов А.П.

РУСЬ И ВСЕЛЕННАЯ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ИМПЕРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XVII в.)*

Видимая пестрота идейных реалий русской политической мысли последней четверти «бунташного века» в значительной мере сводится, как удалось установить[1], к более или менее осознанному использованию набора элементов единой державной теории, отраженной чинами венчания Федора Алексеевича, а за ним Ивана и Петра[2]. Бросается, однако, в глаза и отличие, вытекающее из своеобразия представлений о сущности понятия «***держава***» в исторических сочинениях и чинах. Последние были призваны сформулировать основы государственности, первые неизменно задавались вопросом, «откуда есть пошла Русская земля» (и лишь затем — «кто начал первее княжити» или, в трактовке изучаемого времени, «царствовати»).

Подходы эти, конечно, не были разделены стеной. Во многом они прямо соответствовали, отражаясь в парных, одноуровневых понятиях. Так, древность, исконность великокняжеского (царского) рода, заложенная уже в чине Дмитрия-внука, есть идея того же порядка, что блестяще сконструированная публицистом и историком Игнатием Римским-Корсаковым концепция происхождения своего рода от Адама[3] или явно недооцененные исследователями (но вопроизводящиеся из века в век) легенды о первородности «породы российской» сравнительно с многими «племенами земными»[4].

Аналогично вера давала основание говорить в самых ранних чинах о богоизбранности государей «Нового Израиля», не развивая глубоко присущую историографии XVI-XVII вв.

---

* Статья подготовлена благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

концепцию «Удела Богородицы» или, по выражению А.М.Курбского, «Святорусской земли».

От веры был всего один логический шаг до церкви. Однако чтобы официально сделать ее «предание» первым основанием государственной власти, сходно с образцом византийским, самодержавию понадобилось изрядное время, в течение которого Русская православная церковь как организация (еще до превращения в департамент петровской империи[5]) стала своеобразной частью государственного аппарата[6].

Также и российскому обществу, по крайней мере часть членов которого искренне отдавала жизнь вначале «за святыя божия церкви», затем «за святую православную веру» и наконец, в третьих, «за государево крестное целование»[7], суждено было испытать раскол прежде, чем «святыя божия церкви» единого сообщества верующих смогли превратиться в глазах верных подданных в «церковь» как структуру иерархическую[8].

Идея ***царства***, развивавшаяся на основе древлепреданного от дедов и отцов, а затем и по наследию римских и византийских кесарей права именоваться царями, сопровождалась в историографии разработкой представления о наличии государственности у «российского рода» с самых древнейших времен.

Любопытно, что отраженная еще в Повести временных лет идея «призвания варягов», столь ярко проявившаяся в развитии теории «Третьего Рима» и в высшей степени свойственная родовому самосознанию российского дворянства, приходит в историографии в острое противоречие со славянской идеей и фактически сводится на нет с помощью легендарного образа Гостомысла и его «правнуки» Ольги, популярностью едва ли не превзошедшей Владимира Святого.

Впрочем, и роль последнего в становлении российского «царства» обыкновенно связывается с верой, без упоминания о привнесении в жилы княжьего потомства крови династии Багрянородных. Владимир прежде всего креститель в чинах венчания, а в глазах летописцев — один из крестителей, освятивших землю и миссию Руси. Разумеется, теория «Третьего Рима» шире обоснования права самодержцев, для которого она использована в чинах. Ее более глубокий смысл выходит за рамки древней наследственности царей и соотно-

сится с самим Российским царством. Русь есть единственное и последнее из сменявших друг друга благочестивых царств.

С этим убеждением связана, в частности, мысль, что не только Первый Рим погиб, отпав от правой веры в латинскую ересь, но и благочестивый Царьград не устоял перед мусульманским натиском «за умножение грехов». Ведь если благочестие не является твердой гарантией того, что царство «стоит и стоять будет», может быть поставлена под сомнение миссия «Третьего Рима«![9]

Мысль, что Россия есть прообраз вселенского царства Христа или даже само это царство (расхождение, значение которого требует специального рассмотрения), очевидно вытекала из этого общего смысла теории «Москва – Третий Рим«. Следовало только синтезировать имеющиеся элементы историко-политических концепций и подчеркнуть важность именно церковного основания царской власти[10].

Что царь – блюститель церкви и благочестия, мыслили издавна. Правость веры зависела от царства – верили многие еще в XVI в. (это любил подчеркивать, например, Иван Грозный). Но теория «Третьего Рима» начинала на высшем официальном уровне приниматься на вооружение почти одновременно с учинением в России патриаршего престола, в связи с признанием благочестия восточных патриархов, оставшихся без царя, под властью мусульман.

Отсюда вытекал смущавший в XVII в. умы вопрос: что важнее, церковь или царство? Любопытно, что несмотря на стойкую нелюбовь историков к графу А.С.Уварову, приписываемая ему теория «самодержавия, православия, народности» настолько усвоилась, что ответ на вопрос о соотношении царства и священства, данный еще царем Федором Алексеевичем, не поражает необычностью в христианском мире и вообще в мировой практике.

Сделав «предание церкви» первым аргументом царствования, старший брат Петра на высшем официальном уровне утвердил давно бытовавшую в обществе идею, что во-первых церковь и царство неразделимы, во-вторых – церковь требует наличия царства как необходимого условия церковного благочиния. Вопрос таким образом снимается: нет истинного благочестия без царства, как нет и благочестивого царства без церковного основания.

В православном царе объединены оба условия, гарантирующие установление земного царства Христа. Так декларировала высшая светская и церковная власть, так верило большинство бравшихся за перо, насколько можно судить по выявленной к настоящему времени исторической литературе последней четверти XVII в.

А как же остальной и, в частности, православный мир, не осененный крыльями двуглавого орла и лишенный к своему несчастью царя благочестивого? Се – камень преткновения, или дорожный знак, от коего расходились пути раздумий и убеждений в полном соответствии сказочной народной премудрости: «Налево пойдешь – коня потеряешь» и т.д.

Выделение, акцентирование любого элемента понятия «Российского православного самодержавного царства», полезное для той или иной концепции, неизбежно вело к утрате некоторого количества и качества системного целого, которое, как известно, всегда больше суммы частей.

Новоспасский архимандрит Игнатий Римский-Корсаков, сведя воедино и усилив момент миссии православного самодержавного царства фактически растворил идею «Российского». В его концепции, как теперь легко заметить, едва ли не полностью пропали родовые элементы обоснования отечественной державности.

Не только мыслей о древности славян и Руси, свойственных коллегам-историкам и летописцам, но и родословной легенды Рюриковичей и аргументов относительно наследия первого Рима мы не найдем в сочинениях Игнатия. Даже «преславнейший Август», на наследие коего особенно любил ссылаться Иван IV, приведен исключительно в пример, уподобляясь которому Иван Грозный расширил «Российския земли», завоевав Казанское, Астраханское и Сибирское «царства татарския»[11].

Эти ограничения никак нельзя признать случайными, учитывая историческую эрудицию Римского-Корсакова и тот факт, что он неизменно доказывал право православных российских царей наследовать «всю Вселенную», царствовать над всеми без исключения народами, народившимися после Потопа и «рассеянными» Господом «по лицу всея земли» при Столпотворении.

Каламбур «Россия» и «рассея(л)» (Бог народы), конечно, не аргумент, а дань стилю барокко, богатому на именные (впрочем, как правило наполненные глубоким смыслом) ассоциации,- хотя Игнатий и выразил надежду, что «мудрейшие» еще «пространнейше» разработают его литературную находку и познакомят автора со своими заключениями.

Реальное право на объявленную в чинах венчания экспансию Российской державы «до конец Вселенныя» дает, разумеется, ***православие***, как определяющее свойство ***царства***. В «Слове благочестивому и христолюбивому российскому воинству», где наличие неправославных христиан подчеркнуто не упоминается, Римский-Корсаков вполне отчетливо прояснил историческую перспективу высочайше утвержденной идеи:

«...Многочисленнаго российскаго воинства храбрством да подаст Бог познати им, неверным языком, имя свое святое, христианскаго именования, и да будет, по гласу Спаса нашего, едино христианское стадо и един пастырь Господь наш Иисус Христос по всей Вселенней...

...И от него поставленнии по образу небеснаго его царствия содержащии российския скиптродержавства пресветлии наши цари самодержцы и великие государи такожде да будут в царском их многолетном здравии всея Вселенныя государи и самодержцы...[12]»

Сия воистину мессианская идея требовала адаптации к реальности с помощью подчиненных идей, обосновывающих неизбежность грядущих потрясающих успехов пусть многочисленного и храброго, но все же человеческого российского воинства.

Логично было бы сослаться здесь на опыт создания мировых держав, в частности, на чрезвычайно популярную на Руси историю Александра Македонского. Только ведь множество современных Игнатию летописцев специально выясняло причины не только возвышения, но и падения всех этих империй...

Игнатий обошел столь нежелательные ассоциации по подсказке ученых греков братьев Лихудов, выдвинувших два тезиса, которые четко прозвучали в речи Игнатия и столетия в разных вариантах повторялись потом в Российской державе: царство с Божьей помощью неуклонно разрастается в

мире благодаря высшей избранности своей идеи, а его экспансия ведет охваченные державой народы не к смерти и порабощению, но к свободе и просвещению:

«...Обрящу вас предивных, понеже побараете Христа ради. И Христос, ради державнейшаго, благочестивейшаго и святейшаго вашего царствия, святое ваше царствие умножает православия и веры ради Христовы — и Христос сопротив того взаим умножает славу вашу...

...О чудо предивное и образ, еже воевати тако, никогда слышанный: воюете не для того деля, дабы смерти предали побежденнаго, но к... животу (*жизни — А.Б.*)... — се есть приносити его ко благочестию истиннаго света, просвещающаго всякаго человека, грядущаго в мире. Не яко его во узилище предати — но во еже свободити его от страшныя вериги адовы!..»[13]

Расширение земного Христова царства до пределов Вселенной, по Игнатию,- это основание державной идеи Российского православного самодержавного государства и его царственная функция. Святое царствие и Христос, говоря современным языком, образуют самодостаточную, саморазвивающуюся систему, где православие побуждает Бога к расширению царства, а последнее умножает славу Господа и побуждает его к дальнейшему пособию благочестивому государству.

Христолюбивое российское воинство, несущее на своих знаменах столь возвышенные и гуманные ценности, — воистину есть Новый Израиль, Род избранный, Царское священие, Язык свят, Люди обновления, Копья Господа и т.п. — как считает Игнатий и сколь бы справедливо ни уверяли Лихуды, будто подобные эпитеты относятся к православию в целом. Всех многочисленных примеров бессмертных героев Ветхого завета и русской истории, щедро приведенных Римским-Корсаковым, мало, чтобы отразить величие миссии и неоспоримость победы армии «царей христианских».

«Христолюбивое воинство» выше идеи «избранного народа», как образ Владимирской Богородицы — «мысленный кивот»- превосходит киот ветхозаветный: ведь о Богоматери, по Игнатию, «умствовати подобает, яко та едина доволна есть не единому роду израилскому» но всем родом христианским противу всякому врагу в пособие!»[14] После коронаци-

онной реформы Федора Алексеевича великий государь уже не просто Богодарованный и Богом венчанный владыка (это давно уже стало общим местом официальной идеологии). Римский-Корсаков логично развивает заложенную в чинах 1676 и 1682 гг. мысль о «Святом (или «святейшем», подобно титулованию патриарха) царствии». Эта хитроумная мысленная конструкция охватывает ветхозаветный и христианский опыт божественной помощи и вовлекает укорененную идею «Святой Руси» в русло осознания священности России — царственной, самодержавной.

Недаром царь Федор Алексеевич, скромный по натуре, вынужден был специальным указом запретить хотя бы письменно уподоблять его — Богу![15] Что, впрочем, не воспрепятствовало книжникам вскоре уподобить его сестру Софью — Софии-Премудрости Божией[16]. Однако легко заметить, что светлая идея освободить население Ойкумены от вериг адовых в сочинениях Игнатия и государственной идеологии in corpore оставалась неоперациональной, относясь к ***статусу***, но не определяя конкретной ***функции*** Российского православного царства[17].

Во Вселенной Римского-Корсакова было предостаточно безобразий, возмутительных для ревнителя православного самодержавия. Достаточно было взглянуть на модные тогда в России глобусы и карты (которыми нередко украшали стены), открыть излюбленный Игнатием и его современниками Атлас Меркатора, чтобы ужаснуться размаху и распространению учений «латын» и «люторов», магометан и прочих «неверных язык». К тому же во дворце (куда был вхож архимандрит родового монастыря Романовых) регулярно делались своеобразные «доклады о международном положении»[18].

Нельзя сказать, чтобы православные «верхи» были вовсе не обеспокоены ужасными нравами соседей по Вселенной и шествием значительной части человечества к вечной гибели. Даже придворный поэт, восторгаясь в Рождественской ораціи 1688 г. величием Божьего творения, при описании частей света и континентов Земли сетует на богомерзкую политическую организацию, злобожество и даже вовсе безбожие множества стран и народов.

Вот что говорил во дворце Карион Истомин, например, об Америке (где протестантские колонии были еще весьма слабы):

Четверта есть часть Земли Америка
Не многи сты лет явленна велика.
И тысящми лет бысть она незнанна,
Морем широким зело отлиянна.
Окружность Земли градусы явили,
Что антиподы люди под нас жили.
В той части люди и царства многия
Иноязычни, в жителстве разныя.
Веры в них в Бога правыя не бяше,
В болвохвалстве всяк народ забавляше.
Не писмен бысть люд, и нравами глупы,
Народ на народ биется во трупы.
Ныне там вера в сотворшаго Бога
Разума римски церкви в ересь злога.
Добро б из россов в ту часть полетела,
Церкве восточны в себе люд имела.
Тщанье имети благо царем росским
Да промысл творят разумом господским![19]

И позже, на рубеже 1692-93 гг., Истомин напоминал юному наследнику российского престола, что «Волкохищна Америка / Людми в нравах, в царствах дика»; люди там имеют нужду в одежде, пропитании и, главное, в правой вере[20]. Идее Вселенского царства было на чем развернуться, и тем не менее она никогда, до краткого периода эйфории большевиков, не была развернута.

Объясняется это и свойственным россиянам отношением к войне, к которому обратимся ниже, и множеством конкретных причин. В случае с Римским-Корсаковым это было важное идейное соображение, позволяющее логично решить критическую для его концепции проблему вселенского православия и Российского царства.

Теория Российского православного самодержавия в том виде, как она была отражена в чинах венчания, лишь по видимости оставляла открытым вопрос о благочестии не охваченных царством православных. Проблема благополучно решалась, поскольку, во-первых, церковь и царство объявля-

лись неразделимыми, во-вторых – речь шла о ***единственном*** православном царстве: Российском.

В православном царе были объединены оба условия, гарантирующие установление земного царства Христа для всех ***временно*** лишенных царства православных Востока. Весьма неприятные для церковной и светской власти рассуждения об утрате благочестия «греками» можно было воспринимать как иллюстрацию закономерных проблем церкви, которой следовало срочно помочь найти умиротворение под крыльями двуглавого орла.

Православные вне границ России политически и в общественном сознании делились на две основных категории: «***русских***» и «***греков***». Первые находились в пределах Речи Посполитой, вторые были подданными Османской империи[21]. Существовало, конечно, и православное население земель, отошедших к Швеции – но его еще со времен патриарха Филарета жестоко третировали по неподтвержденному подозрению в склонности к лютеранской «схизме»[22].

Особое отношение к православным «из российского роду» – белорусам и малороссам – чрезвычайно характерно для творчества Симеона Полоцкого и многих других публицистов третьей четверти XVII в. Война с Речью Посполитой за освобождение «расточенных» и «похищенных» захватчиками земель Древней Руси не в последнюю очередь велась ради спасения утесняемого православия. Ближе к концу столетия незавершенность процесса воссоединения православных восточных славян стимулировала публицистический пафос популярнейшего в Великой, Малой и Белой России «Синопсиса»[23]. Но вышедший первым изданием после Андрусовского перемирия, русско-польского оборонительного союза и, главное, после начала совместной войны славянских государств с Турцией и Крымом, «Синопсис» уже в начальной редакции (не говоря о последовавших за Чигиринскими походами) заострял идею объединения славян против османской агрессии.

Древняя, свойственная еще первоначальным летописям концепция славянского единства, должна была ярко проявиться в русской историографии времен жестокой борьбы с Турцией и Крымом (в войнах 1673-1681 и 1686-1700 гг.) В конце концов, страшная резня, о которой не хочется здесь

говорить, в первую войну шла на Правобережной Украине, а во вторую – когда армии Голицына и Косагова рвались «вышибить» дух из Крымского ханства – ужасные дела творились в Подолии, где турки бились с нашими союзниками-поляками.

Страдания единоплеменных и большей частью единоверных братьев не могли не вызвать острого сочувствия русских историописателей и проповедников, памятовавших завет, что «больше тоя любви несть, еже положити душу за други своя». Но у Римского-Корсакова вовсе отсутствует идея помощи русским, славянским православным! В пламенных речах своих он вещает исключительно о российских подданных и о единоверных «греках», которые ждут от царских непобедимых полков помощи и освобождения.

Дело, конечно, не в том, что в разгар борьбы с Турцией и Крымом воинственный Игнатий не желал подчеркивать враждебность к православию столь ненадежного союзника по Священной Лиге, как Речь Посполитая[24], в которой продолжалась католическая реакция против русских по роду и православных по вере христиан.

Публицист попросту считал процесс объединения исконных русских земель в целом завершенным: если и оставались за чужими рубежами какие-то малости, то не стоящие внимания геополитического мыслителя (вроде как со шведами следовало общаться новгородским воеводам, а не высоким московским властям).

«В наши лета, с Божиею помощию, – говорил строевым командирам Римский-Корсаков,- наипаче распространи царство свое Российское и расточенныя отчины царствия Российскаго храбрством и подвигом своим собра воедино благочестивый и самодержавный великий государь наш... Алексий Михайлович... Малую убо и Белую Россию, от многих лет польским кралем похищенную и заблуждающую в прелести латинской, яко пастырь добрый от уст зверя исторже и в милости царствия своего благочестиво спасе»[25].

Так что на момент начала нового похода победоносных царских знамен понятие «самодержавие всея Вселенныя» ограничено Игнатием рамками России и Константинопольского наследия. Мифологемы теории «Москва – Третий Рим»: «просвещение» России крещением при Владимире

Святом, венчание Владимира Мономаха византийскими императорскими инсигниями и наречение его «царским именованием» «по Божию благоволению от цареградскаго царя» и духовенства, — толкуются Римским-Корсаковым как аргументы ***безусловного*** права российских царей на Византийское царство:

«Но о сем убо сия, тако суть, и несть быти инако — но точию яко все царство Ромейское, еже есть греческое, приклоняется под державу российских царей Романовых... Яко российский род обладати имать Ромейским, еже есть греческим царствием»[26].

Речь идет отнюдь не только о наследовании имперского статуса, но о завоевании государства, согласно различным предзнаменованиям ***временно*** покоренного мусульманами и непременно подлежащего освобождению. Кем? Во-первых — христианами. Во-вторых — «российским родом». В третьих — «с прежде создателными» того царства, то есть вместе с «греками».

Божественно предопределенное создание Вселенского православного царства, прообразом коего является ныне царство Российское, видится Римскому-Корсакову следующим образом. Сначала вдохновляемые его речью российские войска двинутся на юг: «в защищение святых божиих церквей, на свобождение плененных христиан от безбожных агарян, на очищение от злоб татарских южныя земли, на восхождение Новому Израилю, яко же древле сыновом еврейским в Хананейскую землю».

Затем, когда «вашыми мужествы прославится господь Бог, всяко они грекове, яко к первовенчанным своим греческим православным царем вскоре прибегнут под державу богохранимых великих государей ***всея России*** (*выделено Игнатием — А.Б.*). И обще, яко людии христоименитии, грекове и россы, прося Божии помощи, имате побеждати сквернаго турка»[27].

В подтверждение такого стремления «греков» Римский-Корсаков подробно ссылается на приветствие российским «кесарям» от ученых братьев Иоанникия и Софрония Лихудов, произнесенное вскоре по приезде их в Москву, 9 марта 1685 г.[28] До последнего времени мы не могли проверить правильность передачи Игнатием их позиции[29].

Правда, в дипломатических донесениях Иоанникия Лихуда канцлеру В.В.Голицыну 1688 г. сообщалось, будто «всех родов и народов желание есть, как тем, которые в Вене живут, яко же и те, что в Венеции живут, яко без всякого усумлевания о отоманском мучительстве, весьма победоносцем быти и в Цареграде царствовати, кроме Московских самодержцев, некому; сего ради немцы и венецыяне, а наипаче бедные греки, волохи и мултяне победу по вся дни под Крымом от войск вашего царскаго пресветлаго величества прилежно ожидают»[30].

Однако в обнаруженном мною сборнике ораторских произведений «самобратий»[31] имеется обширная проповедь, в панегирической части которой передан экстракт непосредственно из использованной Игнатием недошедшей рацеи, причем с прямой отсылкой на нее: «Тако и тогда первое предрекохом, егда вашего тиша(й)шества пречестнейших лиц насладихомся, и ныне же сие... во исполнение показати молимся»[32].

Хотя Римский-Корсаков и Лихуды вольно пересказывают, по-видимому, разные части первой греческой орации 1685 г., сходство их позиций не вызывает сомнений. Древний православный закон и благочестие, гарантируемое царством, есть первое и главное основание как высшего статуса Российского православного государства, так и его миссия – превращения во Вселенское Христово царство в рамках православной вселенной. Последние ограничены, судя по контексту всех историко-публицистических выступлений, Великой, Малой и Белой Россией вкупе с европейскими владениями бывшей Византийской империи.

Простирались ли идеи имперской экспансии далее – сказать затруднительно из-за отсутствия каких-либо иных конкретных суждений о границах «самодержавия всея Вселенныя». Но обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых – войска, к коим обращался Римский-Корсаков, шли в поход на Крымский полуостров, без занятия коего наступление регулярной армии в направлении на Балканы было вскоре, на военно-политическом совещании представителей Москвы и Киева в 1688 г., справедливо признано невозможным[33]. Во-вторых, границы экспансии определялись Игнатием слишком уж близко к реальным русским и в

особенности иноземным дипломатическим проектам того времени. Значит ли это, что они могли быть с легкостью расширены при достижении поставленной цели?

Акцент на ***православие*** царства существенно снижал значение понятия ***Российское***, входившее неотъемлемой частью в систему взаимоопределяющих понятий. Снять определение ***Российское*** было в принципе невозможно. Но Игнатий мог подчеркнуть превосходство избранной им акцентации в единой системе понятий, представив, например, соратников князя Святослава Игоревича «скифами, с болгары совокуплшимися», против которых получал помощь Богоматери и св.Феодора Стратилата благочестивый царь Иоанн Цимисхий. Благочестие тогда «вражию сотре силу», «нечестивые варвары» «преславною побеждени быша победою»[34].

Этот пример помогает понять, почему основной массе книжников оказалась чуждой идея, будто Россия приобретает державность благодаря православию вместе с миссией объединить всех «христоименитых людей» в своих пределах. Да и при чем здесь все люди и различные племена Вселенной? Для многознающих новгородских митрополичьих и московских патриарших летописцев, вроде Сидора Сназина или Боголепа Адамова, именно славянский род, Русская земля и ее древнейшие правители-самодержцы (от Мосоха ли, от Славена и Руса или от Гостомысла) были самыми лучшими, самыми древними и, коли на то пошло – издавна самыми благочестивыми (не младше «греков»).

Летописцы с легкостью иллюстрировали исконную избранность великих и славных славян, а в особенности Руси, которая с прародительских времен включала (как подчеркивает, например, Сназин) в число своих племен, вперемежку со славянами, мордву, мерю, мурому, чуваш, чудь и прочие народы, составлявшие в XVII столетии добрых подданных православного Российского государства: Русской земли.

Авторы больших и насыщенных материалом летописей были настолько довольны своей историей, нисколько не претендуя на экспансию (что касается повергнутых «татарских царств» и земель, отвоеванных у Речи Посполитой – супротивники сами виноваты: почто неправедно жили и утесняли «христоименитых» русских людей?!) При таких, похоже, вообще характерных для россиян настроениях по-

нятно, почему в молитву Филарета в чинах венчания пришлось внести мысль о покорении не просто всех встречных и поперечных «языков» — а именно «брани хотящих», прямо-таки напрашивающихся на умиротворение под крыльями двуглавого орла.

Убеждение, что Российское царство самое славное и грозное, сквозит и в крупных сочинениях, описывающих события отечественной истории на фоне и в связи с историей других великих держав. Что же говорить о кратких летописцах, зачастую отражающих известное по фольклору и народной повести «переходного времени» представление, будто за пределами Руси находятся царства сказочные или хотя бы не вполне реальные, где Бог знает что может происходить[35].

Для сочинителей множества кратких летописцев «внешней», выходящей за рубежи Святорусской земли истории как бы не существовало. Отсель начинались сказки и бывальщины. Из-за гор и морей являлись различные орды и крестоносцы, страшила и диковины; в тридевятые царства отправлялись изумленные странники и сказочные царевичи, туда стремились, не покидая самоходных печей, дураки-Иваны.

Мало кто из владевших грамотой россиян не понимал, что Земля круглая, что в Америке живут не «антиподы», а голые и голодные краснокожие племена. При дворе регулярно слушали сводки зарубежных вестей (которые в списках доходили и до крестьян Севера). Купцы, судя по изобилию рукописных словариков, учили своих отпрысков иноземным речам. Четыре пятых армии носило оружие и форму общеевропейского образца. Да только рассказы побывавших вовне воспринимались россиянами в массе подобно повести, что увидел некий западный любознатец, выглянувший за плоский круг Земли.

Даже испытанным воинам становилось не по себе, когда они оставляли Русскую землю «за холмом», будто далее начинались иные законы природы и жили племена неведомые (хотя какие уж неведомые, — например, половцы?) Профессиональные дипломаты испытывали сильнейшую ностальгию, вроде того посланника в Стамбуле, что заставлял посольского подьячего одевать сарафан и петь «Во поле березка стояла...», заливая тоску водкой, со слезою смешанной.

Пришедшее из потаенной глубины веков поклонение Матери сырой земле в христианской России, уделе Богородицы, освященной ее чудотворным Владимирским образом, незримо направляло мысли россиян и отечественных летописателей. Могучее сознание своей земли было свойственно и первопроходцам, покорявшими огромные пространства не памятными знаками (вроде знаменитого «Русского теса» Ермака Тимофеевича через Уральский хребет), но расширением границы Руси в душах своих.

Вопрос требует детального изучения, однако уже сейчас можно предполагать, что каждый гребок весла морехода, каждый отпечаток лаптя первопроходца, не говоря уже о чудесах новых подвижников, отмечал ***Русскую*** землю – отнюдь не завоевание земли чуждой и потому россиянину для жизни непригодной. Даже в лесах под новосрубленным Албазинским острогом, когда поднаперло воинство Цинской империи к Амуру-батюшке, выехал навстречу казакам святой псковский князь Довмонт, помог добыть пушнину и ободрил постоять за святую Русь верой и правдою.

Литературоведческие изыскания было бы полезно связывать с летописцами, в которых фигурируют Адам, Ной, Богородица, – и за сим история хранимой ее чудотворной иконой Святорусской земли. Остающийся за пределами истории мир, возможно, существует и даже «знаем» (например, по хронографам, космографиям, атласам и т.п.) Только значения он не имеет почти никакого. В текст может быть включена и огромная, притом чрезвычайно популярная среди читателей, «Александрия», но можно ли поручиться, что переписчик относился к ней иначе, чем к повести «О Бове королевиче»?

В отличие от изоляционизма простонародного, патриаршие книжники не могли сводить реальную Вселенную к пределам Руси. Они волей или неволей ***обосновывали*** идею наибольшего совершенства Российского православного царства в древнем и сложном мире. Отсюда проистекали кропотливые поиски хронологических параллелей в Летописи Сидора Сназина, включение Василиологиона, рассуждений о причинах погибели и процветания царств, о закономерном становлении России как мирового центра самодержавия и православия в Своде 1686 г., восхваление святости Русской

земли, освященной чудесами бесчисленных подвижников, в компиляции с Летописцем 1619-1691 гг., и т.п., не говоря уже о Хронографе III редакции и Латухинской Степенной Тихона Макарьевского, с легендарными известиями коей ученые до сих пор не могут толком разобраться.

В области конкретно-политической, являющейся в XX в. сущей головоломкой, в XVII столетии дело обстояло проще. Коли требовалось охранить страну отцепреданного благочестия от самого времени – достаточно было вычеркнуть его из истории. Не устраивавшие патриарха события летописцы сводили до минимума или опускали вовсе.

Так, в Летописце 1686 г. повествование о главных актах политической истории резко сокращается с момента концентрации военных и дипломатических усилий Российского государства на первоочередном решении проблемы безопасности южных границ. При описании царствования Федора Алексеевича составитель памятника ограничился кратчайшей выпиской из Синопсиса издания 1680 г. и заметкой о введении служилого платья, хотя документы об итогах героических Чигиринских походов имелись в его распоряжении[36].

Тем более лапидарно описание событий времен регентства; оно не достойно даже провинциального летописца-любителя, не то, что высокопрофессионального патриаршего книжника. В списке РГБ Румянцева 413 текст вообще был оборван на описании царствования Алексея Михайловича и лишь в конце 1690-х гг., когда запрет почившего патриарха утратил силу, статьи за 1670-80-е гг. были восстановлены по одному из списков сокращенной редакции свода; тогда же другая редакция[37] была дополнена похвалой преданному Иоакимом остракизму царю Федору Алексеевичу. Предположение, что в своем обостренном неприятии курса внутриполитических реформ и внешнеполитической активности Российского православного царства Иоаким дошел до отрицания историчности современных ему событий – убеждает множество рукописей, вышедших из патриаршего скриптория.

Так, первоначальный вид пространной редакции Новгородской 3-й летописи, созданный по заказу Иоакима в 1676 г., содержал в тексте за XVII в. не менее половины общерусских сведений и был доведен до 1674 г. включительно. Однако в окончательной редакции, появившейся в 1682 г.,

не оказалось статей за период со времени поставления Иоакима на патриарший престол (26 июля 1674 г.). И это при горячем стремлении всякого летописца и переписчика продолжить свое повествование новейшими событиями!

Еще более официальный (патриарший) характер имел созданный между 1682 и 1690 г. полный вид краткой редакции Новгородской 3-й. Его текст не только оканчивался 1674 г., но вдобавок исключал статьи о восхождениях на престол и кончинах всех русских царей, начиная с Ивана IV,- что, по заключению С.Н.Азбелева, подтверждает мысль о нежелании Иоакима видеть в своде сведения о совместном царствовании Ивана и Петра Алексеевичей и регентстве Софьи. Не продолжена известиями за период регентства и Новгородская Забелинская летопись, доведенная только до 1679 г.[38]

Ту же картину мы наблюдаем в I-й редакции Краткого Московского летописца, представленной Ивановским списком. Этот «своеобразный памфлет, остро и злободневно откликающийся на события внутренней и международной жизни»[39], созданный близким к Иоакиму духовным лицом, отличается особым пиететом к Петру и Нарышкиным – и кончается на 1676 г., полностью игнорируя царствование Федора и период регентства. И это при том, что памятник уделяет особое внимание как чудесам национальных святых, так и прославлению деяний представителей великокняжеского и царского дома. Не связанные с патриархом редакции Летописца, разумеется, не отбрасывают материал о временах Федора и Софьи[40].

Обращаясь непосредственно к патриаршему скрипторию в Кремле, мы получаем еще более убедительные примеры крайностей изоляционистской позиции Иоакима. В 1680-х гг. патриаршими скрипторами переписывался сборник постоянного состава, основную часть которого составлял русский перевод Хронографа Дорофея Манемвасийского (готовившийся «грекофилами» к печати еще в 1665 г.)[41] и Краткий летописец от Адама, созданный на основе Хронографа Русского 1 разряда 3-й редакции. Текст летописца, сокращенный по сравнению с источником и содержащий вставки, обличающие руку церковного деятеля (указания на церковные праздники при датах и т.п.), возможно, чудовского мо-

наха Романа Поспелова, был оборван на статье об эпидемии 1656 г.[42]

Теми же книгописцами было изготовлено несколько нарядных полных экземпляров Хронографа Дорофея Манемвасийского без дополнений[43]. Но исторические сборники пользовались большим успехом: например, переписывавшийся теми же писцами сборник из Хронографа Русского 2-й редакции, Родословия великих князей, царей и бояр (которое заканчивалось, конечно, 1676 г.)[44] и Истории о Казанском царстве[45]. Тогда же, в первой половине 1680-х гг., была сделана попытка соединить этот сборник с Хронографом Русским 3-й редакции[46], а также со Степенной книгой[47]. Но и списки Русского Хронографа 3-й редакции, созданного патриаршими летописцами, до начала 1690-х гг. не включали записей позже царствования Алексея Михайловича[48].

Вывод, что исключение из патриарших летописных компиляций и сводов статей о царствовании Федора и правлении Софьи было не случайным, подкрепляется наблюдениями над бурной деятельностью по восстановлению пропущенного ранее летописного материала после свержения правительства регентства (сентябрь 1689 г.) и особенно после смерти самого Иоакима (17 марта 1690 г.) Уже в 1690/91 г. появляется первая редакция Летописца 1619-1691 гг., доводящая до самого последнего времени Чудовский свод 1680-х гг.[49] Хронограф 3-й редакции продолжается до 1696 г.[50]

В патриаршей компиляции из Степенной книги, Нового летописца и Летописца 1686 г. по списку РГБ. Румянцева 413, восстанавливаются исключенные ранее статьи за период царствования Федора и регентство Софьи (С.2374-2379). Не ранее 1696 г. сведения о событиях с конца царствования Федора до взятия Петром Азова вносятся в две специально составленные авторские редакции Латухинской Степенной патриаршего казначея Тихона Макарьевского[51].

Но что действительно могло заставить Иоакима перевернуться в своем роскошном кремлевском саркофаге, так это обращение бывших его летописцев к сотрудникам Посольского приказа (с которыми у чудовских книжников, по правде сказать, давно были налажены тесные связи). В результате в 1692 г. известный сборник с Хронографом Дорофея Манемвасийского и Кратким летописцем (продолженным уже

до периода регентства) был пополнен переводом весьма смелого «Краткого... Московских времен и земель... описания», изданного в Нюрнберге в 1687 г. (о событиях до 1686 г.)[52], а вышедший из той же книгописной мастерской Русский Хронограф 2-й редакции с дополнением до 1648 г. оказался продолжен переводным повествованием по русской истории до 1696 г.[53]

Разрыв с изоляционизмом, характерным для патриарха Иоакима и всей группировки «мудроборцев», часто именуемой в исследованиях XIX-XX вв. «старомосковской», «великорусской» или «грекофильской партией», оказался в последнем десятилетии «бунташного века» воистину разительным.

---

[1] Подробнее см.: *Богданов А.П.* От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М.,1995. Гл.4-6.

[2] *Богданов А.П.* Чины венчания русских царей // Культура средневековой Москвы XIV-XVII вв. М.,1995. С.211-224.

[3] *Римский-Корсаков И.* Генеалогиа. М.,1994.

[4] *Богданов А.П.* Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М.,1994. С.36-46.

[5] См.: *Богданов А.П.* Перо и крест. Русские писатели под церковным судом. М.,1990. Гл.4-5.

[6] Детально эта эволюция прослежена в моей книге «Русские патриархи» (готовится к печати издательством «Республика»), журнальный вариант см.: Патриархи России // Наука и религия. 1992. № 10-11; 1993. № 1-2, 4-11; 1995, № 4, 7-12; 1996, № 2, 4-6 и след.

[7] Яркий пример см.: *Богданов А.П.* Летописец русского воеводы XVII века // Прометей. М.,1990. Т.16. С.100-110.

[8] Об этом механизме см.: *Богданов А.П.* Перо и крест. Гл.3; *Он же, Буганов В.И.* Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. М.,1991. Гл.5-6. Ср.также развитие образа Успенского собора.

[9] Ср.предсказание о падении Третьего Рима (то есть если не о наступления царства Антихриста и Конца света, как толковали предсказание экстремисты, то об угрозе благочестивому царству) в популярнейшей среди читателей XVII в. (и среди исследователей) «Книге о вере» (М.,1648), с почтением процитированной даже патриаршим летописцем Сидором Сназиным (ПСРЛ. Т.31. С.164. Ср.: С.103-104).

[10] Согласно с византийскими образцами. Отсюда видно значение заблуждения исследователей, считавших, будто царьградские чины изначала лежали в основе русского чина венчания.

[11] Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: литературные панегирики. М.,1983. № 135. С.155.
[12] Там же. С.155-156.
[13] Там же. С.170.
[14] Подробное сравнение ветхих и новых святынь см.: Памятники... № 16.
[15] Именной указ от 8 июня 1680 г. //ПСЗ. Серия I. № 826.
[16] См.: *Богданов А.П.* София-Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна. Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // Герменевтика древнерусской литературы. М.,1994. Вып.7. С.399-428.
[17] Подобно этому большевики захватили власть с угрозой «разрыть» «весь мир насилья», но отрицание «экспорта революции» позволило Советскому Союзу оставаться «первой страной победившего социализма», прихватывая на глобусе лишь вполне «созревшие» куски.
[18] См.: РГАДА. Ф.155. Вести-Куранты (и материалы к ним).
[19] *Богданов А.П.* Естественнонаучные представления в стихах Кариона Истомина // Естественнонаучные представления Древней Руси. Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные книги». Астрология. Минералогия. М.,1988. С.273-274.
[20] *Богданов А.П.* Памятник русской педагогики XVII века. (Поэтический триптих Кариона Истомина для начальной школы) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.,1989. С.143.
[21] Попытка Арсения Суханова доказать, что православные славяне в пределах Османской империи и под церковной властью патриарха Константинопольского во многом противостоят «грекам» и ближе к россиянам (так же, как в Иерусалимской, Александрийской и Антиохийской патриархиях паству составляют в основном не греки, но «жиды и арапы»), не привлекла должного внимания властей, хотя сочинение Арсения в последней четверти XVII в. было чрезвычайно популярно. См.: Богданов А.П. Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // Источниковедение отечественной истории. М.,1989. С.175-205.
[22] *Богданов А.П.* Страсти по Филарету //Наука и религия. 1994. № 3.
[23] *Чистякова Е.В.* «Синопсис» – краткое обозрение // *Чистякова Е.В., Богданов А.П.* «Да будет потомкам явлено...» М.,1988. С.50-59
[24] Об уклончивой, если не прямо изменнической политике Речи Посполитой во время Крымских походов, свидетельствуют современные источники: *Богданов А.П.* «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе – памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М.,1982. С.57-84.
[25] Памятники... С.155.
[26] Там же. С.165-166.

[27] Там же.

[28] О нем см.: *Смирнов С.К.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М.,1885. С.23.

[29] Единственная известная орация Лихудов периода регентства не содержала подобных высказываний: РГАДА. Ф.375. № 22. 18 л. Автограф, черновик. Опубл.: *Лермонтова Е.Д.* Похвальное слово Лихудов царевне Софье. М.,1910.

[30] Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. СПб. 1871. Т.Х. Стб.1368-1370.

[31] Сборник из 24-х неизвестных ранее произведений Лихудов конца 1680-1690-х гг. (Владимиро-Суздальский историко-культурный музей-заповедник. В-5636/112.Q. 129 л. – подробно описан: Памятники... С.19-22, 39-42. Часть текстов опубл. там же: № 17-19, 27).

[32] Памятники... № 17. С.183.

[33] См.: *Востоков А.* Посольство Шакловитого к Мазепе в 1688 г. // Киевская старина. 1890. Т.29. Апрель-июнь. С.199-206.

[34] Памятники... С.177.

[35] Ср.: *Демин А.С.* Художественные миры древнерусской литературы. М.,1993.

[36] Они помещены в дополнениях к наиболее аутентичному кодексу: РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л.829об.-832.

[37] Протографичная списку ИРЛИ РАН. Древлехранилище. Оп.23. № 257.

[38] *Азбелев С.Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород,1960. С.43-63, 65-67, 71-76.

[39] *Буганов В.И.* Краткий Московский летописец из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники за 1976 г. М.,1976. С.288. Ср.: С.284-287.

[40] *Богданов А.П.* Краткий Московский летописец // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.,1991. С.140-160.

[41] Указание на это см.: ГИМ. Синодальное 343. Л.5-6. Ср.: ГИМ. Синодальное 399; РГБ. Ф.138. № 184.

[42] РГБ. Ф.218. № 753; Там же. Пост.1973 г. № 20; РНБ. ОЛДП. F.476. Ср. копии XVIII в. с других списков: РГАДА. Ф.181. № 2/2 (с записью о написании протографа монахом Чудовского монастыря Романом Поспеловым); РГБ. Ф.178. № 1256.I.

[43] БАН. 16.12.14; Там же. Арханг. С.133 и С.134.

[44] Составление этого произведения началось еще при жизни царя Алексея Михайловича: см. рукопись 1667-1672 гг. РГБ. Ф.218. № 92. Л.9об.-21.

[45] РГБ. Ф.98. № 216, 1979; Ф.218. Пост.1967. № 94; БАН. Арханг. С.132 и др. Другое произведение (до 1648 г.) см.: БАН. 45.10.16.

[46] См. патриарший список I половины 1680-х гг.: ГИМ. Синодальное 338, включающий текст Хронографа 3-й редакции, разбитый на главы; последние главы даны по Хронографу 2-й редакции,

после которого с л.557 следуют Родословие и История о Казанском царстве.

47 См. списки конца XVII в.: РГАДА. Ф.181. № 336 (до 1671 г.); РГБ. Ф.218. № 7 (до 1676 г.); ср. РГБ. Ф.98. № 880, 1649. Список РНБ. Эрмитажное 386, отражает попытку заменить в сборнике, начинающемся Степенной книгой, Хронограф на Новый летописец в сокращенной редакции (Степенная на 16 степеней – л.1-348; Новый летописец. Л.349-366; Родословие. Л.367-376.

48 См. протографичный список 1670-х гг., доведенный до 1652 г.: РНБ. Ф.487. F.135. Ср. списки конца XVII в.: РГБ. Ф.138. № 183 (до 1647 г.); РГБ. Ф.344. № 123/6084 (до 1669 г.); РНБ. Эрмитажное 565 (до середины XVII в.). См. также: РГБ. Ф.312. № 12 (список 1692 г.); РНБ. ОЛДП. F.183; F.356; Эрмитажное 564.

49 ПСРЛ. М.,1968. Т.31. С.180-205 (пространная редакция); *Богданов А.П.* Редакции Летописца 1619-1691 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР. М.,1982. С.124-151 (сокращенная редакция).

50 РГБ. Ф.310. № 726 и др. См.: *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М.,1869. С.257, 282; *Он же.* Обзор хронографов русской редакции. М.,1866. Вып.1. С.150 и след.

51 РНБ. F.IV.577; Публичная библиотека Академии Наук Украины. Собр.КДС. № 188; РГБ. Ф.228. № 179/614; Муз.2900, Муз.1665; Ф.218. Пост.1967 г. № 46; РНБ. Толстова F.221; Погодина 1559. Л.35-45об.; ГИМ. Синодальное 293; Вострякова 852; Историко-архитектурный музей г.Костромы. Собр.КОК. № 645; ИРЛИ. Древлехранилище. Оп.23. № 171.

52 БАН. 17.4.15. Хронограф с дополнениями на л.1-162; «Описание», дописанное основным почерком рукописи, на л.170-208. Год создания компиляции указан на л.57 и 76, бумага датируется началом 1690-х гг.

53 БАН. 45.10.16. Хронограф с продолжением на л.1-417об., переводные статьи, охватывающие период с 1653 по 1696 г., на л.418-419. Далее следуют выписки из «Географии» Иоганна Гюбнера. Л.419-421.

Балошина Н.Ю.

ЗНАЧЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В СТАНОВЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «НАУКА» В РОССИИ

Взаимные связи между Россией и Германией в период правления Петра Великого были очень значительными. Это имело отношение практически ко всем областям деятельности, но в данной статье хотелось бы остановиться на научных контактах того времени между Россией и Германией, а также на их роли в процессе становления науки в России, появлении определенных стереотипов отношения к научной мысли и научным занятиям в российском обществе.

Научное мышление Европы начала XVIII в. было основано на значительной философской традиции – средневековой схоластике, постулатах Ф.Бэкона и, наконец, знаменитом споре картезианцев и ньютонианцев о принципах познания мира и роли человека в этом познании. Кроме непосредственно научных, в этих дискуссиях были задействованы и религиозные проблемы, католические и протестантские, ибо представители различных философских школ и направлений рассматривали вопросы, связанные с научным познанием, прежде всего с позиции той или иной ветви христианства. Отсюда принцип Божественного Разума и возможности аналогично этому Разуму познавать мир и природу для смертного человека, который провозглашал Ф.Бэкон; отрицание этой возможности в трудах средневековых схоластов; уподобление человека машине и ограничение в связи с этим возможности познания у картезианцев и, наоборот, принцип «человек познающий и работающий наиболее угоден Богу» у ньютонианцев. Но это все картины научно-философского подхода, традиционные и характерные для Западной Европы, причем ее наиболее развитых стран. Вернемся теперь в Россию начала XVIII в.

Как известно, еще со времен ранней молодости Петр I стремился к плодам европейской культуры и образования[1]. Впервые он столкнулся с ними в Немецкой слободе в Москве, где проживали выходцы практически из всех стран Европы. Но у них было одно общее – большая часть жителей Немецкой слободы исповедовала протестантизм. Получив предварительные уроки в Немецкой слободе, Петр несом-

ненно хотел пойти дальше в вопросах европеизации России, особенно в вопросах науки и образования[2]. Подтверждением этого желания является его поведение в Европе во время Великого посольства. Как известно, находясь в Англии, Голландии, Франции и других европейских странах, Петр огромное внимание уделял своему образованию и просвещению: посещал музеи, осматривал библиотеки, заводил знакомства с известными европейскими учеными, книгоиздателями и переводчиками, уже тогда пытался приглашать их на работу в Россию[3]. Из всех европейских стран научно-культурные контакты у Петра и его окружения более всего сложились с голландскими и немецкими учеными и деятелями образования и культуры[4]. Вернувшись из Европы, Петр продолжил политику становления науки и образования в России по европейскому образцу, что привело к постепенному изменению структуры образования в России. Появились новые учебные заведения – либо на основе старых, уже имеющихся (таких, как Киево-Могилянская и Славяно-Греко-Латинская академии), либо совершенно новые (Навигацкая школа, школа пастора Глюка и другие). В конечном итоге это привело к открытию в Петербурге Академии наук, имеющей в своем составе университет и гимназию. После такого краткого экскурса в историю вопроса можно перейти к самому главному аспекту данного обзора – влиянию выходцев из Германии на научно-образовательный процесс России, а также появлению определенного стереотипа в восприятии русскими людьми европейской учености, а европейцами (в частности, немцами) – стремления России к европейского типа культуре[5].

Для русской ментальности была характерна скорее гуманитарная направленность и соответствующая система науки и образования; это было заложено задолго до Петра, еще с момента принятия Русью христианства[6]. Особенности российской культуры и образования прежде всего складывались на основе православного вероучения. Теоретически это означало этико-эстетическое направление в философии, значительный уклон в литературу, причем литературу морально-поучительного толка. Практически это привело к тому, что в России в культурно-образовательном смысле преобладали гуманитарные дисциплины – языки, история, философия, причем философия только православного образца. Развитие

естественных наук было затруднено — природой восхищались как проявлением всемогущества Господа. Более того, здесь имелся еще и историко-политический аспект: все, связанное с естественнонаучным мышлением, связывалось со странами Западной Европы, которые были населены «иноверцами», а значит — ничего хорошего там не было и быть не могло. В результате на протяжении всей средневековой истории в России происходило стойкое отторжение (и по философским, и по политическим причинам) естественнонаучного мышления, которое было характерно для большинства стран Западной Европы. При Алексее Михайловиче, несмотря на определенные попытки изменить данную ситуацию, больших и внешне зримых изменений здесь не произошло. Более того, приглашенные при Алексее Михайловиче на русскую службу выходцы с Украины — Стефан Яворский, Симеон Полоцкий, братья Лихуды и другие известные деятели украинской церкви и образования, хотя и имели отношение к европейской культуре, но более имели склонность к католической системе образования и обучения[7]. Между ними самими существовали внутренние противоречия относительно типа культры, на который необходимо было равняться — традиционно католический или греко-византийский (полемика между Симеоном Полоцким и его учениками и братьями Лихудами и их последователями, что в конечном итоге привело к преобладанию школы Симеона Полоцкого). На этой основе были составлены учебные программы практически всех учебных заведений, существовавших в то время на Украине и в Белоруссии — Киево-Могилянской академии, Острожской академии и других, менее значимых. Это еще более отдалило Россию от восприятия преобладающего в тогдашней Европе типа образования и просвещения. Поэтому можно смело утверждать, что деятельность Петра в этом направлении в значительной мере означала разрыв с устоявшейся традицией[8].

Сам Петр серьезно начал присматриваться к образованию, культуре и науке Германии еще со времен Великого посольства. Огромное влияние на него оказало знакомство с одними из самых известных ученых и философов того времени — Вольфом и Лейбницем. Петр лично встречался с ними обоими, вел переговоры, предлагал им помочь в становлении науки в России. Оба философа дали на это свое со-

гласие и в дальнейшем принимали активное участие в становлении Российской Академии наук[9]. Во-первых, оба они занимались подбором научных кадров для будущей Академии. Первые 16 молодых ученых и специалистов приехали в Россию из разных стран Европы либо по рекомендации Вольфа, либо по рекомендации Лейбница[10].

Во-вторых, именно Лейбниц написал первый проект создания в России Академии наук. Этот проект, в частности, предусматривал: «Для обучения юношества в России необходимо учредить Академию (*Лейбниц имел в виду учебное заведение; сохранена орфография оригинала – Н.Б.*), которая должна помещаться в удобном для того доме, иметь хорошую библиотеку и типографию.

Предметы преподавания:

Молодежь должна учиться познавать Творца и творение – для достижения этого, следует руководствоваться божественным светом, переданном нам по откровению в святом писании, а потому преподается Богословие, которое, впрочем, должно заключаться не в бесплодных диспутах об обрядах, но в истинной любви к Богу и ближнему.

Творения бывают или духовные, о которых научает пневматика, или духовно-телесные – я сам или другие люди. Я сознаю себя по телу и душе. Душа имеет две главные способности: разум (Verstand) и волю (Willen). Что такое разум, в чем состоят его заблуждения, как он может быть усовершенствован, как он может быть усовершенствован, как я должен искать причину и сообщать другим – учит Логика.

Дурные стороны и наклонности воли, исправление их – предмет Эфики (*этики – Н.Б.*)

Узнать мое тело по его темпераменту, устройство и сохранение его – учит Медицина и Хирургия.

Другие люди или в-живых, или умерли. Познание о последних и их жизни – преподает История.

Познания о живых людях состоят в том, чтобы я воздавал каждому свое и учился разумно обходиться с ними – предмет права естественного и государственного.

Творения видимые находятся или надо мною – о них научает Астрономия, или вокруг меня – чтобы узнать последние, существует География.

Строить корабли, дома, крепости – научает архитектура; их измеривать – Геометрия, Арифметика.

Чтобы пользоваться всеми удобствами на суше и на воде споспешествует Механика.

Чтобы узнать все существующее на Земле, в водах и в воздухе, свойства, качество и природу его — есть Физика.

Разложение его — учит Химия. При изнеможении от беспрерывных работ, человек находит отдохновение в Музыке.

Кто желает передавать другим приобретенные им знания, тот должен знать несколько языков, выучиться которым, при хорошей методе, можно в короткое время»[11].

Этот предварительный проект в точности отразил представления не только самого Лейбница, но и всей немецкой науки конца XVII — начала XVIII в. на то, что, как и в какой степени нужно преподавать. Разумеется, в точности данный проект не мог найти себе применения на российской почве, его пришлось переделывать. Занимался переделкой проекта и сам Петр, но более всего проект переделывался одним из самых известных сподвижников Петра Великого — Феофаном Прокоповичем, который был по вероисповеданию православным, а по философским взглядам — типичным протестантом[12].

В-третьих, влияние немецкой научной мысли на Россию начала XVIII в. проявилось еще и в том, что большая половина из приехавших в Россию ученых была выходцами из Германии, и почти все они были протестантами[13].

В результате в России начала XVIII в. сформировался новый, определенно отличный от традиционно русского, взгляд на науку в том виде, в котором она существовала на момент открытия Академии. По мнению Петра I, Академия должна была заполнить недостающие пробелы в существующей системе образования, а именно — в естественнонаучной области[14]. Этой цели и были подчинены все реформы в области образования, начиная с открытия в Москве первых школ по европейскому образцу, поэтому здесь взгляды и установки, привнесенные выходцами из немецких школ, пришлись как нельзя кстати.

Основой, которая была привнесена в российскую науку из Германии, и сохранялась там в течение долгих лет (почти до XX в.), была сама организационная структура Академии, структура должностей и званий, а также структура деления по научным сферам[15]. Кроме того, из Германии и вообще из Европы были перенесены, как уже упоминалось, все основ-

ные научные споры и конфликты, такие, как спор картезианцев с ньютонианцами о сущности познания Вселенной и роли в этом процессе Бога и Божественной силы; из Германии было привнесено и столь любимое Петром I учение Ф.Бэкона, который впервые с философской точки зрения обосновал принципиальное по сути совпадение процесса научного и религиозного познания[16]. Сам Петр считал эту теорию очень важной, и одним из первых философских изданий, купленных для его личной библиотеки за границей, были как раз труды Ф.Бэкона[17]. Практически во всем разделял точку зрения Петра в вопросах реформирования науки и образования Ф.Прокопович. Но в остальном в России с восприятием этой чужой для нее системы дело обстояло значительно сложнее.

Со времен Алексея Михайловича среди образованной части русского общества существовал определенный интерес к польскому, а значит, католическому варианту образования и просвещения[18]. Большая часть россиян не верила в долговечность реформ Петра I именно в этой области, считая их чуждыми России, насажденными сверху и не проникшими вглубь даже российской образованной прослойки. Об этом свидетельствует и тот факт, что Ф.Прокопович, несмотря на полную поддержку петровских реформ, считал, «что университет и гимназию при академии иметь в России зело рано, нужно, чтобы появились в России люди хотящи знания иметь, а после того можно и полную Академию начинать»[19]. К сожалению, Петр не прислушался к словам Прокоповича, хотя об этом писал и говорил не только он, но и многие иностранцы, бывшие в то время в России, например И.Т.Фокеродт, Ю.Юль и многие другие[20]. Такое же мнение складывалось и у сотрудничавших с Россией переводчиков и книгоиздателей. Например, в связи с издательской деятелностью в России торгового дома Яна Тессинга из Голландии один из его современников писал другому: «Притом же московитяне, как и вам это известно, нисколько тем (*т.е. книгопечатанием. – Н.Б.*) не интересуются: они все делают по принуждению и в угоду царю, а умри он – прощай наука!»[21].

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация. По всем объективным и субъективным предпосылкам, Россия должна была принять более привычный вариант образования и просвещения – если и европейский, то на католической (в

философском отношении) основе, ибо именно к этому вел весь ход исторического и культурного развития предшествующей эпохи. Но с другой стороны, петровские реформы привели к принятию на вооружение принципов протестантской этики в вопросах науки и образования, которые до сего момента являлись актуальными только у определенной и весьма ограниченной части образованных россиян. В чем же дело? Основным фактором такого внешне нелогичного поведения Петра Великого и его ближайших сподвижников были задачи государственного масштаба, когда необходимо было обосновать принципы единоначалия и единодержавия имперской власти, и под это подвести перемены в России начала XVIII в. Для этого необходимо было поставить все имеющиеся структуры на соответствующий Европе уровень, а при отсутствии — создать их, не дожидаясь вызревания предпосылок для их создания, и прочее, и прочее, и прочее. Таким образом, наряду с иными структурами, была создана и Академия наук с гимназией, университетом, типографией и т.д., причем создана указом «сверху», не сообразуясь с историческими предпосылками. А так как для обоснования имперской теории и имперских реформ лучше всего подходили протестантская этика и философия, то на их основе и была проведена научно-образовательная реформа в России начала XVIII в. Логика существовавшего католического и греко-византийского идеологического противоречия здесь была полностью проигнорирована, так как она не вписалась в имеющуюся государственную задачу. Кроме того, имелся и дополнительный политический фактор, не способствовавший распространению католического философского стиля — последствия Смутного времени, а также присоединения Украины к России и последовавших за этим войн, когда католицизм в любом его проявлении воспринимался многими отрицательно.

В итоге, наука в России создавалась в основном выходцами из Германии или другими представителями протестантсткой ментальности. Отсюда, казалось бы, закономерно следует вывод, что данная реформа была основной массе русского народа, за исключением таких сторонников протестантской этики как Ф.Прокопович, вообще не нужна. Но ведь Академия наук была открыта, она работала и довольно плодотворно (достаточно сказать, что в течение XVIII в. в стенах рос-

сийской Академии было сделано более сотни научных открытий и разработок самого различного порядка в самых разнообразных областях, научные журналы Академии, особенно ее «Вестник», расходился на две трети своего тиража по университетам, бибилиотекам и частным лицам в странах Западной Европы). Однако работы эти выполнялись выходцами из Европы, в основном немцами, или хотя бы специалистами, воспитанными в системе протестантизма (в научном смысле слова). Для их ментальности это было абсолютно естественно, т.к. именно система протестантизма предполагала прежде всего самореализацию через свою профессию, и если ты достиг этого, ты будешь угоден Богу. Поэтому основным условием для их профессиональной деятельности в стенах российской Академии наук было только отсутствие помех в профессиональных вопросах. Для россиян же, с их традиционно гуманитарной ментальностью и влиянием украинского просвещения, практически все нововведения в науке, сделанные в эпоху Петра I, оказались чуждыми, что не единожды высказывалось вслух даже образованной российской публикой, например, С.Яворским[22]. Все это вместе взятоепривело к тому, что наука, причем не только европейская – естественнонаучная, но и вроде бы традиционно российская гуманитарная, оказались отторгаемы россиянами, как в необразованных слоях общества, так и в слоях весьма по тем временам образованных. На протяжении всего XVIII в. официальной наукой в России занимались либо выходцы из Европы, либо отдельные представители россиян; но даже гений великого россиянина М.В.Ломоносова – первого по-настоящему русского ученого (кстати, тоже прошедшего курс обучения в Германии, в том числе по философии – у Вольфа) не смог окончательно переломить сложившееся отношение к науке, а лишь приблизил этот перелом. Окончательно прекращение отторжения науки в российском обществе произошло только в начале XIX в., когда сбылось наконец то, о чем еще в начале века XVIII-го говорил Ф.Прокопович: «Появились люди, хотящи знания иметь», их было уже довольно много, и они принадлежали не к одному поколению. На протяжении же всего XVIII в. российское общество переживало своеобразный переходный период от традиционного к рациональному, европейскому отношению к науке.

---

[1] Существует обширная историография данной проблемы. См., напр.: *Буганов В.И.* Петр Великий и его время. М.,1989; *Кизеветтер А.А.* Петр Великий за границей. М.,1900; *Мавродин В.В.* Рождение новой России. Л.,1988; *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. М.,1858-1859. Тт.1-6; и др.

[2] РГАДА. Ф.11. Оп.1. № 1. Л.1-121.

[3] *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.,1862. Т.1. С.1,4,10-14.

[4] Там же. С.23; *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л.,1977. С.10-15.

[5] Об этом противопоставлении очень хорошо рассказано у В.К.Кузакова. См.: *Кузаков В.К.* Отечественная историография истории науки в России X-XVII вв. М.,1991. С.3-25.

[6] Об этом писали историки самого разного профиля, такие, как В.О.Ключевский, С.М.Соловьев, Б.А.Рыбаков, Б.Д.Греков, И.Я.Фроянов и др.

[7] *Берн В.* Царствование Алексея Михайловича. СПб.,1831. Ч.1. С.145-151.

[8] СПбФ ААН. Ф.1. Оп.3. № 7. Л.123-124.

[9] *Пекарский П.П.* Наука и литература... С.27,29-34; *Копелевич Ю.Х.* Основание... С.11,123-145.

[10] *Пекарский П.П.* Указ. соч. С.28.

[11] Там же. С.29-30.

[12] ЦНА Украины. Ф.120 «КМА». Оп.12. № 2. Л.23-34; *Карташев А.В.* Был ли православным Феофан Прокопович? // Сборник в честь Д.Ф.Кобеко. СПб.,1913. С.32.

[13] *Копелевич Ю.Х.* Основание... С.136,141-142.

[14] *Кузаков В.К.* Отечественная историография... С.231; *Пекарский П.П.* Наука и литература... С.121-156.

[15] *Копелевич Ю.Х.* Основание... С.96.

[16] *Копанев Н.А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII в. Л.,1988. С.3-13.

[17] Там же. С.14-15; Библиотека Петра I. Л.,1978. С.3-4,12-21.

[18] Записки русских людей. События времен Петра Великого. (С.Медведев, А.Матвеев и др.) СПб.,1841. С.34,123-137; Записки де ла Невилля о Московии 1689 г. // Русская старина. Т.72. М.,1891.

[19] *Копелевич Ю.Х.* Основание... С.45.

[20] Записки Юста Юля (1664-1715), датского посланника при Петре Великом (1709-1711) М.,1900; *Фокеродт И.Т.* Россия при Петре Великом // ЧОИДР. М.,1884. Кн.II.

[21] *Пекарский П.П.* Наука и литература... С.12.

[22] ЦНА Украины. Ф.120 «КМА». Оп.12. № 1. Л.13-14.

Орлов А.А.

РУССКИЕ И АНГЛИЧАНЕ ДРУГ О ДРУГЕ (1787-1815)

В жизни человечества нет более сложного и противоречивого явления, чем возникновение коллективных представлений народов друг о друге. Древнее ощущение «своих» и «чужих», инстинктивная боязнь всего иного как непонятного и неприемлемого удивительно устойчивы в людях. Логика разума часто отступает перед древнейшей логикой инстинкта. Когда же эти процессы приобретают массовый характер, наступает период коллективного безумия, могущего поразить целые народы.

С тех пор, как разные народы отгородились друг от друга государственными границами, важнейшую роль в их жизни стали играть национальные предрассудки. Именно они являются важнейшей составной частью «кипучей магмы человеческих эмоций и повседневных жизненных установок, особенно мировидения, присущих всем людям определенного периода и общества, способов осознания ими самих себя и природного и социального окружения»[1]. Жизненной потребностью людей стала выработка своего отношения к тем, кто живет рядом с ними. Но сделать это можно было только исходя из собственного опыта, из своего понимания смысла и цели жизни, из собственной культуры. И вот тут чаще всего получается, что «путешественник за знаками чужой земли видит означаемое своей земли, поэтому постоянно изумлен и изумляет как жителей чужой земли, так и своих соплеменников»[2].

Предрассудками, устойчивыми национальными стереотипами, тяжелыми разочарованиями и краткими периодами доброжелательности отмечена пятивековая история взаимоотношений русского и английского народов. За это время случалось всякое, но каким-то непостижимым образом два народа почти всегда оказывались вместе во времена мировых военных конфликтов. Именно военное сотрудничество позволяло и России и Англии перенять что-то друг у друга, взаимообогатиться, почувствовать настоятельную потребность сотрудничества. Проходил сравнительно небольшой

отрезок времени и политические проблемы вновь разводили русских и англичан по разные стороны баррикад, возрождая старые обиды, упреки и предрассудки. Однако память о лучшем не исчезала, она становилась своеобразным связующим звеном, ступенькой к следующему периоду улучшения отношений, помогая ломать любые, даже, казалось бы, самые непреодолимые преграды.

Именно такой процесс качественного улучшения отношений, сопровождавшийся глубокими изменениями менталитета русских и англичан, можно наблюдать в конце XVIII – начале XIX в. До этого периода коллективное мировидение русских слабо выделяло «англичан» из числа остальных «немцев»[3], населявших земли к западу от границы их страны. К началу же XIX в. участившиеся контакты и участие России в наполеоновских войнах породили особое внимание русских и англичан друг к другу. Кульминацией этого процесса стало время Отечественной войны 1812 г., многократно усилившее взаимный интерес и сделавшее двустороннее сотрудничество особенно плодотворным. Как же в реальности происходила ломка старых стереотипов? Предоставим слово людям XIX в.

Отношение русских к англичанам в этот период было очень непростым. В записках самых разных людей, даже тех, кто в целом положительно оценивал их, можно найти оттенки неприязни и недоверия. Дипломатический чиновник гр.Е.Ф.Комаровский, побывавший в Англии в конце 1787 г., отмечал удобство дорог, чистоту улиц и опрятность домов, разумное устройство судопроизводства, инвалидных домов и обсерваторий. Но многое показалось русскому дворянину странным и непонятным. Вседозволенностью и народной распущенностью отдавало, по его мнению, бездействие полиции в тот момент, когда несколько мальчишек из толпы забрасывали грязью раззолоченную карету короля Георга III, едущего вместе с премьер-министром У.Питтом открывать заседание парламента[4]. Страшным изуверством, неестественным в кругу просвещенных людей, представлялось чрезвычайно популярное в Англии зрелище боксерского поединка[5]. Чудачеством, граничившим с безнравственностью, казалось отношение властей к преступникам, которые имели в Лондоне свое общество и клуб, где собирались с ведома

городского начальства[6]. По всем этим причинам Англия понравилась Комаровскому гораздо меньше, чем Франция. Молодым путешественникам он советовал «побывать прежде в Лондоне и потом уже ехать в Париж, ибо сравнение всегда будет в пользу последнего»[7].

Особенное возмущение русских вызывали высокомерие и холодность англичан в обращении с иностранцами. Стиль поведения, порожденный четким разделением в сознании англичан общественного (public) и личного (privacy)[8], воспринимался в России как ксенофобия. Английская путешественница Кетрин Уильмот, вместе со своей сестрой Мартой в 1803 г. приехавшая в Россию в качестве компаньонки кн.Е.Р.Дашковой, писала, что одним из московских предрассудков является предпочтение французов англичанам. «Англичан здесь уважают издали; их жизнь, язык почти вовсе неизвестны; их манеры нелюбимы; вообще их судят здесь на свой лад, не так, как других иностранцев. Молодые английские путешественники обращают на себе внимание тем, за что никто не станет превозносить в нашем обществе – за хороший вальс, за умение говорить по-немецки и по-русски, за постоянные повторения «ваше сиятельство», «ваше превосходительство», за беспощадные комплименты всякому русскому, несмотря на то, что им явно предпочитают французов»[9].

К тем англичанам, которые поступали на русскую службу, часто относились свысока, позволяя себе третировать их и издеваться над ними. Иные судьбы оказывались просто трагичными. Так случилось с морским офицером Бенджаменом Тизделем, 22 года прослужившим в русском флоте и в 1787 г. попавшим со всей своей командой в плен к туркам. Тиздель пишет о давней ненависти к нему со стороны русских офицеров, усугубившейся тяжелыми условиями плена. В пылу одного из споров офицер И.Г.Перелешин бросил в лицо Тизделю слова, ярко характеризующие отношение дворянства к англичанам. Он заявил, что матросы должны отдавать предпочтение ему, т.к. он «русский дворянин, владеющий имениями, которые дают ему богатства, тогда как я (*Тиздель – А.О.*) кроме содержания, получаемого мною на службе, ничего не имею»[10].

Б.Тиздель много пишет о лени, безынициативности, невежестве и непорядочности русского офицерства, противо-

поставляя им образованность и добросовестность английских моряков. Его поражает суеверность, забитость и пьянство русских матросов. Но в то же время он отмечает их мужественное поведение в плену, их взаимовыручку и искреннюю привязанность. Очень понравились Тизделю русские народные песни, которые матросы пели по вечерам[11]. И после возвращения из плена судьба английского моряка не стала легче. Но его сын Томас, несмотря на печальный опыт отца, также поступил на службу в русский флот и отличился во время войны 1812 г.

Таким образом, утверждение современного исследователя Н.А.Ерофеева о том, что уже с конца XVIII в. фигура «солидного и добропорядочного» британца противопоставлялась в русском обществе фигуре «порочного и легкомысленного» француза[12], нуждается в серьезной корректировке. В это время русская дворянская культура переживала последний всплеск подражательства всему французскому. Как пишет К.Уильмот в письме от 24 сентября 1805 г., высшее сословие «во всем подражает французам; положим, что французские манеры к ним идут, но все же это обезьянство... Одежда также чужая и повсюду слышится французский говор... И как странно видеть, что среди этих французских манер, языка и нравов, русские кричат против Бонапарта, когда не могут съесть обеда без французского повара, когда не могут воспитать детей без парижских бродяг, принимающих здесь обязанности наставников и гувернанток, словом, когда весь внешний лоск взят из Франции»[13].

Исходя из опыта изучения мемуаров русских и английских современников, можно утверждать, что на рубеже XVIII-XIX вв. образ англичанина пока еще остается на периферии сознания русского дворянина. В целом он представляет себе англичан как хитрых, ловких, практичных и холодных дельцов, с эксцентричной и чудаковатой манерой поведения[14]. Образ Англии в это время несколько теряет былую привлекательность, в чем, конечно, сказалось обилие французских сочинений о коварстве англичан на русском книжном рынке[15].

В подобной ситуации даже такие убежденные англоманы, как адмирал П.В.Чичагов, предпочитали слегка завуалировать свои взгляды. Сардинский посланник в Петербурге

гр.Ж.де Местр писал в 1808 г.: «Чичагов для меня неразрешимая загадка, и я не встречал никого, кто бы мог мне ее разъяснить. Он друг французов, бюст Бонапарта стоит на его бюро; он целый день злословит англичан, и нет здесь англичанина, который бы ему не представлялся. Французы, напротив того, к нему ни ногой, разве по служебной надобности. Вот скоро семь лет я слышу его бесконечные насмешки над Англией, и никогда его жена (англичанка до мозга костей) не отвечала на них ничем, кроме улыбки, которая часто, казалось мне, выражала: «говори, говори, друг мой, ведь я знаю в чем дело»[16].

В чем же дело? Почему русский дворянин сознательно переносит себя в ситуацию англо-французского противостояния? Может быть здесь скрыто, как полагал дореволюционный русский историк В.С.Иконников, только «презрение ко всему русскому»[17]? Думается, что на поведение Чичагова повлияла его независимая, национально русская позиция, при которой, уважая Англию, он не мог не отдавать справедливости борьбе Наполеона против английского засилья в Европе. То, что адмирал был прежде всего патриотом своего отечества, доказывают его слова, в раздражении сказанные на одной из дружеских пирушек в доме английского моряка Бридинга Бойля. Недовольный труднопроизносимостью имени хозяина дома, Чичагов закричал: «Чорт вас разберет... все вы Вилимы, Вильимовичи да Карловичи; тебя, например, зовут каким-то Бридингом, да зовись ты как нибудь почеловечески, ну хоть Платоном Алексеевичем, что-ли»[18]. Как ни странно, имя это было принято и занесено в формулярный список офицера.

Русская молодежь начала XIX в. имела приятную привилегию не скрывать своих истинных взглядов. Мичман П.И.Панафидин, в июле 1806 г. отправлявшийся с эскадрой вице-адмирала Д.Н.Сенявина в Средиземное море через Англию, страстно мечтал о встрече со сказочной страной своих детских мечтаний, родиной великих людей, царством волшебства, богатства и красоты[19] и действительно, его ожидания не были обмануты. Англия поразила его многим, начиная от прекрасных морских кортиков и шкатулок, и заканчивая добропорядочными нравами и обычаями. Но постепенно, по мере того, как он лучше узнавал характер анг-

личан, его отношение к ним менялось. Панафидина начинает преследовать мысль о том, что превосходство англичан добыто с помощью унижения других народов. Вот что он пишет об английских моряках через два с половиной месяца после оттъезда из России: «Они (*англичане – А.О.*) наполнили нашу службу – и какую пользу принесли без сведений, без воспитания, – отняли только дорогу лучшим нашим офицерам. После и увидели ошибку, но поправить ее было невозможно; им не давали хороших кораблей, но они с терпением все-таки оставались на флоте»[20].

Претензий друг к другу у русских и англичан было много. В их отношения властно вторгались политические разногласия, порождавшие новые проблемы и укреплявшие негативные стереотипы. Но, как ни странно, именно русско-английский разрыв 1807-1812 гг. породил у обоих народов понимание того, что они нуждаются друг в друге. Образованный Петербург обвинил в резком росте цен на колониальные товары и ухудшении условий жизни не англичан, а русских купцов. По городу ходили анонимные стихи, называвшиеся «Плач здешних жителей», в которых говорилось:

Лишь с Англией разрыв в коммерции открылся,
То внутренний наш враг на прибыль и пустился.
Враги же есть все те безстыдные глупцы,
Грабители людей, безчестные купцы.
На сахар цену вновь тотчас и наложили.
Полтины стоил фунт, рублем уж обложили.
Не иностранный здесь, но внутренний грабеж.
Потребно сим плутам назначить тот рубеж,
Чтоб сахар прежнею ценою продавали
И против совести двойной цены не брали.
Сей мерзкий род не чтит ни веры, ни креста,
Где есть барыш продаст и самого Христа.
Начальство светское вонми сие моленье,
И от злодеев сих подаждь нам избавленье[21].

С началом же Отечественной войны 1812 г. и даже несколько раньше этого момента (примерно с апреля 1812 г.) отношение русских и англичан друг к другу становится почти совершенно дружелюбным. Московский губернатор гр. Ф.В.Растопчин в письме к министру полиции гр.А.Д.Балашеву от 4 июля 1812 г. писал о том, что «московские купцы

с нетерпением ждут мира с Англиею...»[22]. Кн.Д.М.Волконский с явным одобрением отмечал в своем дневнике 9 июня: «с Англиею сближение весьма приметно»[23]. Через месяц князь делает новую запись: «Англичане с флотом своим и со швецким и десантными войсками уже в Бальтике, поставили телеграф в Риге, дабы, судя по движению неприятеля, сделать высадку войск»[24]. Даже то, что это сообщение оказалось ложным и англичане за все время войны так и не помогли России войсками, не ослабило взаимной приязни.

В Англии расположение к России примирило давних политических противников – тори и вигов. Газеты обоих направлений единодушно выражали уверенность в том, что Наполеону не удастся победить Александра I. «Россия не сдастся без борьбы, – писала «Таймс», – она не хочет, чтобы ее крепости и порты были заняты французской армией и стали данниками, подобно Голландии, Пруссии и Дании. У нас есть все основания ожидать и надеяться, что Россия мобилизует все свои силы для обеспечения в конечном счете успеха»[25]. Либеральная газета «Курир» отмечала высокое профессиональное мастерство русских генералов и офицеров, называя их «исключительными мастерами своего дела»[26].

Английская общественность требовала от своего правительства, чтобы оно как можно скорее оказало помощь России. Особенно усилились такие требования в октябре 1812 г., когда в Англии стало известно о Бородинском сражении. Дипломатический агент русской службы Борель сообщал в Петербург из Лондона: «Я... заверяю, что все здесь теперь единодушны в вопросе о том, что отныне они (*англичане – И.Г.*) с горячностью готовы помочь во всем, что будет содействовать успеху России»[27]. Российский посол в Англии гр.Х.А.Ливен в это же время писал государственному канцлеру гр.Н.П.Румянцеву: «...не могу не написать Вашему Сиятельству об энтузиазме, который выражает английский народ по отношению к нашему народу. С того времени, как я высадился в Англии, я слышал лишь выражения восхищения со стороны всех классов населения»[28]. В депеше от 18 декабря 1812 г. посол приводил новые свидетельства уважения англичан к России. Он писал: «...Пушки Парка и Тауэра сразу же известили столицу о радостных известиях, полученных из России. Впервые успехи союзной державы отмечались

здесь столь торжественно, что все население Лондона приняло эти известия с восторгом, и радостное волнение охватило представителей всех классов»[29].

Ликование по поводу побед русской армии действительно было в Англии повсеместным. Член палаты лордов британского парламента лорд Клав, выступая на заседании палаты 30 ноября 1812 г., говорил о том, что «великодушие (*русского – А.О.*) монарха... дух дворянства, мастерство офицеров и преданность войск, вызывали одинаковое восхищение у тех, кто видел их. От одного конца России до другого у всех, казалось, была одна цель – сопротивляться, при всех стараниях врага; один предмет спора – кто совершит более великие жертвы ради блага страны. И этот народ Император Франции еще называл варварским. Если это варварство, что есть патриотизм?»[30] Газета «Лондонский курьер» сообщала об одном из публичных митингов в Сити, где с яркой речью выступил торговец Сэмуэль Торнтон. В своем выступлении он говорил: «Цель (*войны – А.О.*) состоит в том, чтобы изгнать с континента сельскохозяйственную и промышленную продукцию Британии. Это должен понять каждый англичанин, чтобы определить природу войны, которую ведет Россия. В ней, следовательно, в высшей степени заинтересованы негоцианты и мануфактуристы нашей страны, которые поэтому должны с большой готовностью воспользоваться случаем продемонстрировать понимание целей, во имя которых борется наш союзник»[31]. Среди промышленников и купцов Лондона был создан специальный комитет по организации сбора средств в пользу «славных русских». К этому движению вскоре присоединились представители самых разных слоев населения: аристократы, служащие государственных учреждений, учащиеся, рабочие и т.п.[32] Вся собранная сумма денег была с благодарностью вручена российскому послу гр.Х.А.Ливену.

Интерес к событиям войны в Англии был настолько велик, что обычных газетных тиражей не хватало, чтобы насытить его. Специально для этого в Лондоне стали издавать «Чрезвычайную Лондонскую Газету» («The London Cazette Extraordinary»), где печатались, в основном, донесения английского посла в Петербурге лорда В.Ш.Каткарта и генерала Р.Т.Вильсона, находившегося при штабе М.И.Кутузова. От-

личавшийся наблюдательностью и вниманием к психологии, культуре и даже быту русских людей генерал Вильсон оставил после себя любопытные заметки, по которым можно проследить процесс изменения отношения русских и англичан друг к другу во время войны.

Отмечая небывалый патриотический подъем в России, храбрость солдат и офицеров, приязнь представителей образованных классов к британскому красному мундиру, Вильсон в то же время пишет о поразившей его жестокости русских крестьян по отношению к пленным французам и негативном отношении солдатской массы ко всем иностранцам вообще, в т.ч. и к англичанам. Жестокость крестьян для генерала понятна и объяснима, ибо французы навлекли на себя, по его мнению, не только человеческий, но и божеский гнев за все те страдания, которые они причинили русскому народу. Неприязнь же простонародья к иностранцам он объясняет устойчивым предрассудком, заключающимся в представлении о том, что все иностранное вредно и гибельно для России. По его свидетельству, русские солдаты часто принимали англичан за французов и тогда брали их в плен, избивали или даже без лишних слов стреляли в них. Вот что, например, писал Вильсон своему другу генералу гр.С.М.Воронцову 5 октября 1812 г.: «Любезный Воронцов, мои казаки, драгуны и прочие были пленены в Кашине, а ваш паспорт изодран ратниками ополчения, которые их задержали... Народ не поверил, что это – англичане, а не французы, соблазнившие двух казаков»[33]. Только вмешательство офицеров спасало англичан от народной ярости.

Тем не менее Вильсон далек от того, чтобы обвинить русских солдат и крестьян в невежестве. Он хорошо понимал, что «осмеяние национального характера и обычаев никогда не прощается»[34]. Как воин он глубоко уважал храбрость союзной нации, упоминая о том, что «грубые крестьяне скопом бросались в атаку вместе с регулярными войсками, и их лики не менее страшны для неприятеля, чем штыки солдат-ветеранов»[35]. Как тонкий психолог, он советует постепенно приучать народ к сотрудничеству с иностранцами, в котором была бы доказана их полезность для России. Для начала можно было бы снабдить «своих» иностранцев русскими кокардами для защиты «от враждебности ожесточившихся кре-

стьян»[36]. Ну и конечно иностранцы, в т.ч. англичане, должны доказать русскому народу, что готовы к честному сотрудничеству и равноправным отношениям с Россией.

После окончания Отечественной войны 1812 г. интерес англичан ко всему русскому не только не угас, но разгорелся с еще большей силой. В 1813-1820 гг. английские газеты регулярно печатали воспоминания участников войны, карикатуры на французскую армию и Наполеона, подборки русских народных и казачьих песен. «Русская тема» стояла в это время в центре внимания английской общественности. Но, конечно, ее особое восхищение вызывали казаки, стараниями генерала Вильсона признанные в Англии главными победителями Наполеона. В марте 1813 г. в Лондоне с восторгом встречали донского казака Александра Земленухина, прибывшего туда с известием о взятии Гамбурга. В честь этого визита англичанами была сложена «Казацкая военная песня», которая, конечно, рисует приукрашенный образ героя, но иначе тогда и быть не могло. Начиналась песня следующими строками:

Ура! Горят, пылают села,
Седлай коня, казак!
Ура! Мечи отмщенья стрелы,
Где скрылся лютый враг.
Багрово зарево являет,
Грабитель алчный где бежит,
Пожар кровавый освещает,
Где вслед за ним казак летит...[37]

С еще большим почетом встречала Англия в 1814 г. прибывшего туда в составе свиты императора Александра I казачьего атамана гр.М.И.Платова, которому от имени города Лондона была преподнесена богато украшенная сабля и диплом почетного доктора Оксфордского университета[38].

Со своей стороны и русские отдавали дань уважения упорству и мужеству британцев. Русский публицист и писатель Яков Тихонов, комментируя обещание Наполеона унизить гордыню англичан, писал: «Унизите... тогда, когда пролив между Англией и Францией, или весь Британский канал затянет илом и песком, и из Кале можно будет пройти пешком в Дувр, и все Французы, собравшись, придут вторгнутся в Англию; то и тогда как мужчины, так и женщины Англий-

ские скорее умрут с оружием в руках, нежели захотят быть рабами Корсиканца»[39].

Пока писатели России и Великобритании соревновались друг с другом в восхвалении доблестей обеих наций, проснувшиеся политические противоречия пока еще еле заметно начали разъедать русско-английский союз. Сказалось это и на отношениях между людьми. В Париже за мелкую провинность русских полковников сажают под английский караул, что производит самое тяжелое впечатление на всю армию[40]. В Ганновере английские комиссары позволяют себе игнорировать офицеров русской армии, освободившей курфюршество от французов[41]. Английские власти отказываются предоставить средства к возвращению домой русским подданным, служившим на кораблях британского флота[42]. Англия явно недовольна тем, что Россия старается проводить в Европе независимую политику. Как пишет С.М.Соловьев, когда западноевропейцы начинают испытывать недовольство русскими, то первое слово, которое попадается им на язык, есть слово варвары[43].

Но серьезный разрыв ждет Россию и Англию еще не скоро. Пока же, сразу после войны 1812 г., интерес, который испытывали друг к другу русские и англичане, привел ко многим положительным изменениям в их жизни. Однако, если Англия обогатила русскими впечатлениями главным образом свою литературу[44], то Россия получила гораздо больше. Английское влияние начинает чувствоваться во всех областях жизни. Дома и усадьбы русских помещиков устраивались по английскому образцу. Англичане и шотландцы организовывали в России конюшни, фермы, фабрики и заводы, завозили в страну необходимые материалы и оборудование. Русские военные привыкали пользоваться самым современным английским оружием. Английские романы сменили французские на туалетных столиках русских барышень, знание английского языка становилось для них признаком хороших манер, над чем трудились выписанные из Англии гувернантки. Значит ли это, что галломания русских сменилась столь же повальной англоманией?

К счастью для России, этого не произошло. После войны 1812 г. русские научились ценить собственную самобытность, осознали то, что русская культура и ментальность ни-

чем не хуже культуры или ментальности французов или англичан. Это понимание породило два принципиально разных типа отношений российской интеллигенции к проблемам двусторонних связей. Первый тип отношения ярко выражен в следующих стихотворных строках поэта Н.М.Языкова, предлагавшего активно сотрудничать с Англией, учиться у нее и дружить с ней:

Почтеннейший, единственный народ,
Особенно, когда их знаешь дома.
У них – как там все хорошо идет!
Все крепко, стройно, все цветет!
Я в Лондоне жил долго, мне знакома
Великая владычица морей.
Ах, брат, не нам и говорить о ней[45].

Второй тип отношения – стремление максимально обособиться, закрыться от влияния Англии, которая не может дать ничего хорошего России. Манифестом сторонников этого направления могли бы стать слова известного русского ученого и общественного деятеля, бывшего сотрудника англомана гр.М.М.Сперанского, проф.М.Л.Магницкого. В беседе с публицистом П.Т.Морозовым он сказал: «Признаюсь, я вообще не люблю Западную Европу, но Англию ненавижу. Она, по-моему мнению, скопище лицемеров, лжелибералов и ненавистников рода человеческого»[46].

Борьба идей нормальна и необходима для любого общества. Жизнь расставила бы все по своим местам, смягчив крайности, сблизив разные точки зрения. Но политическое противостояние надолго законсервировало национальные стереотипы в представлении русских и англичан друг о друге. Вчитайтесь еще раз в слова, сказанные Языковым и Магницким. В них слышится уважение, граничащее с самоуничижением, и ненависть пополам с глубокой завистью.

---

1 *Гуревич А.Я.* Изучение ментальностей: Социальная история и поиски исторического синтеза // Советская этнография. 1988. № 6. С.16.

2 *Анненкова Анна.* Впервые в Европе. Пристрастные впечатления // Новый мир. 1995. № 7. С.172.

3 Немец – “человек, говорящий неясно, непонятно, “иностранец” (*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.,1971. Т.3. С.62).

[4] Записки графа Е.Ф.Комаровского. М.,1990. С.17.

[5] Там же. С.18-19. Правда, гр.Ф.В.Ростопчину, который также в это время был в Англии, бокс понравился и он даже стал брать уроки бокса у знаменитого английского боксера Джексона.

[6] Там же. С.16.

[7] Там же.

[8] *Анненкова Анна.* Указ. соч. С.161.

[9] Записки княгини Е.Р.Дашковой. М., 1990. С.469.

[10] Записки командира корабля «Мария Магдалина» капитана Тизделя (1771-1973) // Иностранцы, служившие в русском флоте (Приложение к Морскому сборнику. № 10, 1863 г.) Спб.,1863. С.52.

[11] Там же. С.64.

[12] *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 гг. М.,1982. С.229-230.

[13] Записки княгини Е.Р.Дашковой. С.456-457.

[14] *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С.183; *Kiparski Valentin.* English and American Characters in Russian Fiction. L.,1964. P.30.

[15] *Ерофеев Н.А* Указ. соч. С.241,301; Kiparski Valentin. Op.cit. P.36.

[16] Цит по.: *Иконников В.С.* Граф Н.С.Мордвинов. СПб.,1873. С.66; Письма гр. Ж. де-Местра в Италию // Русский Архив. 1871. № 6. С.122.

[17] *Иконников В.С.* Граф Н.С.Мордвинов... С.64.

[18] Записки капитана Тизделя... С.82.

[19] *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806-1809) // Морской сборник. Пг.,1916. № 3. С.10.

[20] Там же. С.22-23. А.М.Станиславская, правда, считает, что подобное отношение Панафидина к англичанам объясняется прежде всего его раздражением, вызванным провокационными действиями адм.Дакуорта во время Дарданельской экспедиции 1807 г. (См.: *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798-1807). М.,1962. С.481-482).

[21] Цит по.: *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX века // Русская Старина. СПб.,1901. Т.107. Кн.9. С.450-451.

[22] Цит по.: *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812-1815). СПб.,1882. С.38. № 26.

[23] *Волконский Д.М.* Дневник. 1812-1814 гг. // 1812 год. Военные дневники. М.,1990. С.134.

[24] Там же. С.136.

[25] Цит по.: *Гуткина И.Г.* Отклики в Англии на Отечественную войну 1812 года // Новая и новейшая история. 1962. № 5. С.84 ("The Times". 1812. 3 September).

[26] Там же. С.86 ("The Courier". 1812. 8 November).

[27] Цит по.: *Гуткина И.Г.* Дипломатические отношения между Англией и Россией в 1810-1812 гг. // Ученые записки ЛГУ. Серия гуманитарных наук. Саратов,1943. Вып.1. С.62-63.

[28] Цит. по: *Зак Л.А.* Англия и германская проблема (из дипломатической истории наполеоновских войн). М.,1963. С.57.

[29] Цит. по: *Радецкий М., Горохова Н.* 1812 год: мир приветствовал великую победу русского народа // Международная жизнь. 1962. № 8. С.156.

[30] Отдел рукописей РНБ. Ф.542 (Оленины). Оп.1. Д.689. Л.3 об.

[31] Цит. по: *Гуткина И.Г.* Дипломатические отношения... С.65. ("Courier de Londres". 1813. № 1).

[32] *Гуткина И.Г.* Отклики в Англии... С.89. ("The Courier". 1813. 1 January; "The Morning Cronicle". 1813. 4 February).

[33] *Вильсон Р.-Т.* Дневник и письма 1812-1813 гг. СПб.,1995. С.160.

[34] Там же. С.109. Запись в дневнике от 30 декабря 1812 г.

[35] Там же. С.199. Письмо герцогу Глостерскому от 27 декабря 1812 г.

[36] Там же. С.214. Письмо Александру 1 от 7 ноября 1812 г.

[37] Казацкая военная весня. Пер. с англ. // Сын Отечества. 1813. Ч.6. № 21. Смесь. С.83-84.

[38] *Давыдов Ю.* Казаки в Лондоне // Родина. 1992. № 6-7. С.173-175. Впрочем, не все англичане восторгались визитом русских в Лондон. Лорд Байрон, например, направил своему другу Т.Муру язвительную эпиграмму, в которой были следующие строки:

Газеты, без сомненья, сообщили вам о суматохе,
О празднествах и о желании глазеть на этих русских,
И о том достоинстве, которое преисполняет плоскую физиономию
Этого великого мужа...

(Цит. по: *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII – первая половина XIX века) // Литературное наследство. Т.91. М.,1982. С.395).

[39] *Тихонов Яков.* Поражение французов на Севере, или военная история знаменитых подвигов российских полководцев и воинов против французов в 1812 году. М.,1814. С.104.

[40] Император Александр I (Его характеристика по сочинению Н.К.Шильдера). Сообщил П. // Русская старина. СПб.,1899. Т.99. Кн.8. С.411.

[41] Записки генерала В.И.Левенштерна // Русская Старина. СПб., 1901. Кн.12. С.689-690.

[42] АВПРИ. Ф.1. (Административные дела). Р.II. Оп.11. Д.38. Л.12-12об. Донесение российского консула А.Дубачевского послу гр.Х.А.Ливену от 21 сентября/2 октября 1815 г.

[43] *Соловьев С.М.* Император Александр I. Политика-дипломатия. СПб.,1877. С.89.

[44] См. об этом: *Орлов С.А.* Исторический роман Вальтера Скотта. Горький,1960.

[45] Цит. по: *Ерофеев Н.А.* Указ.соч. С.167; Москвитянин. 1842. №5. С.6.

[46] Цит. по: *Ерофеев Н.А.* Указ.соч. С.300-301.

Торбаков И.Б.

БЕЛИНСКИЙ И СТРУВЕ: РОССИЙСКИЕ «АННИБАЛЫ ЛИБЕРАЛИЗМА» И УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

В XIX в. отношение русского общества к Украине и украинцам претерпело существенную метаморфозу. Если в предшествующий период (XVII – первая половина XVIII в.) «черкасы» и «люди литовской земли» воспринимались как родственный, но все же весьма отличный от «природных россиян» народ, то к началу XIX в. – прежде всего в результате централизаторской политики Екатерины II, в немалой степени пропитанной универсальным и космополитическим духом Просвещения, – подавляющая часть русской образованной публики искренне считала, что «малороссийское племя» есть часть единого русского народа, а незначительные культурные отличия, присущие впрочем, только низшим социальным классам, есть всего лишь далекие отголоски былого раздельного существования, нивелирующиеся поступательным развитием общерусской культуры. Суть такого подхода хорошо сформулировал М.П.Драгоманов. «Значение Малороссии в русской истории и жизни до сих пор еще хорошо не выяснено в общем сознании, – писал он. – На нее смотрят или как на одну из незначительных провинций России, которая ничем особенно не отличается от других, или как на край, который если и имел своеобразную историю и сохранил многие отличия, то эта история и эти отличия имеют слишком местный интерес, как, например, особенности истории и быта какого-нибудь бывшего казанского или астраханского царства»[1].

В то же время первые десятилетия XIX в. – это период господства общеевропейского «романтического направления», основные идеи которого коренились – как весьма компетентно указывается в материалах III Отделения собственной его императорского величества канцелярии – «в страсти нашего века отыскивать и поддерживать древности, восстановлять народность в нравах и литературе и применять к нашему времени быт древних предков каждого народа. Ныне более, чем когда-либо, хотят быть французы французами, германцы германцами, русские русскими и т.д.»[2]. Из этого справедливого суждения анонимный аналитик делает

логический вывод: «Это направление, с одной стороны, весьма важное, могущее укрепить самостоятельность и силу народа, с другой – порождает источник внутренних колебаний, ибо как владычествующие племена заботятся о восстановлении своей народности, так равно заботятся об этом племена подвластные: поляки хотят быть поляками, малороссияне – малороссиянами»[3].

Таким образом, сложившаяся в начале XIX в. ситуация была чревата неизбежной культурной коллизией: с одной стороны, значительная часть русского общества была психологически и интеллектуально не готова увидеть в украинцах отдельный народ и признать за ними право на отдельную национальную культуру; с другой стороны, украинцы под флагом романтизма начали уже не прекращавшуюся в дальнейшем борьбу за свою особую национальную и культурную идентичность.

С 30-40-х гг. XIX столетия и вплоть до потрясений 1917 г. т.н. «украинский вопрос» был неотъемлемой частью культурно-политического дискурса в Российской империи. В данной статье я предполагаю рассмотреть отношение к этому вопросу двух истинных «Аннибалов» русского либерализма: В.Г.Белинского и П.В.Струве. Выбор и самого направления общественной мысли, и двух его выдающихся деятелей не случаен. Во-первых, взгляды отечественных консерваторов и русских шовинистов были бы слишком легкой поживой для исследователя. Во-вторых, Белинский и Струве как бы обнимают собой всю эпоху дореволюционного русского либерализма, символизируя хронологически ее начало и конец. В-третьих, их деятельность совпадает соответственно с начальным и заключительным этапами дореволюционного украинского национального движения: Белинский наблюдал его зарождение, а Струве стал свидетелем его бурного роста в начале XX в., приведшего в конечном итоге к возникновению Украинской Народной Республики и знаменитому IV Универсалу Центральной Рады.

Рубеж XVIII-XIX вв., а точнее 1798 г., – условная дата рождения укранского культурного-национального движения. Тогда в Петербурге вышли в свет два сочинения: «Записки о Малороссии» Якова Марковича и, что особенно важно, «Энеида» Ивана Котляревского, положившая начало современной украинской литературе. В 1819 г. кн.Николай Цертелев издал первый сборник украинских дум. «Этот сборник, –

писал историк Д.Дорошенко, — имел такое же самое значение для пробуждения национального чувства среди украинцев, как издание Вуком Караджичем сербских песен — для южных славян, или опубликование Краледворской рукописи — для чехов»[4]. Важной вехой в развитии национального самосознания украинцев было издание Михаилом Максимовичем в 1827 г. собрания «Малороссийских песен». Написанное им предисловие к этому сборнику звучит как своего рода культурно-национальный манифест, ключевым словом в котором является, естественно, «народность»: «Наступило, кажется, время, когда познают истинную цену народности, — восклицает Максимович. — ...Лучшие наши поэты уже не в основу и образец своих творений поставляют произведения иноплеменные, но только средством к полнейшему развитию самобытной поэзии, которая зачалась на родимой почве, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изредка сквозь них пробивалась»[5]. В 1822 г. появился первый полный курс украинской истории — «История Малой России» Дмитрия Бантыш-Каменского. Автор с гордостью отмечал в предисловии к своему труду, что «Малороссия, страна обильная происшествиями, где каждый город, каждое почти местечко гласят о славе ее обитателей... заслуживала подробного дееписания»[6]. В Харькове, который был тогда крупнейшим центром украинского романтизма, выходили «Украинский Вестник» и «Украинский Журнал». Сами названия этих периодических изданий указывали на главную сферу их интересов. Там же Измаил Срезневский издавал с 1832 по 1838 г. свой фольклорный сборник «Запорожская Старина». Наконец, в 1840 г. в Петербурге вышел «Кобзарь» Тараса Шевченко.

Русская публика следила за процессом украинского культурного возрождения со смешанным чувством любопытства и настороженности. Весьма показательным в этом отношении является рецензия на один из сборников И.Срезневского «Запорожская Старина», появившаяся в «Северной Пчеле» за 1834 г. «Все, передаваемое трудолюбивым Срезневским, любопытно не для одних малороссов, а для всех русских вообще — как детей одной матери славянской и подданных одного Царя Русского Православного», — писал рецензент. Затем следует весьма характерное добавление: «Конечно, Малороссия во многом отличается от Великой России, но это еще не значит, чтобы она была чужда нам и

чтобы мы смотрели на нее как на Китайскую Империю»[7]. Автор «Отечественных Записок», поместивший в книжке журнала за 1840 г. в целом хвалебную рецензию на «Кобзарь» Шевченко, в конце задается следующим вопросом: «Но зачем же г.Шевченко пишет на малороссийском, а не на русском языке?»[8]. «Сын Отечества» в своем отзыве на то же произведение высказывается гораздо более определенно: «Мы уже несколько раз говорили, что всю нынешнюю искусственную малороссийскую поэзию считаем шалостью и прихотью, и, признаемся, не понимаем: как можно людям с дарованием заниматься такими пустяками?.. Жаль видеть г-на Шевченко, когда он уродует мысль и русский язык, подделываясь под хохлацкий лад! У него есть душа, есть чувство, и его русские стихи, вероятно, могли бы прибавить долю хорошего в нашу настоящую русскую поэзию»[9].

Будучи одним из наиболее ярких литературных критиков, В.Г.Белинский, живо откликавшийся на все новые тенденции в интеллектуальной жизни, просто не мог не высказать своего собственного суждения по поводу «внезапно возникшего» феномена украинской культуры.

«Предстоит важный вопрос, – писал либеральный критик либеральных «Отечественных Записок» в 1841 г., – есть ли на свете малороссийский язык, или это только областное наречие? Из решения этого вопроса вытекает другой: может ли существовать малороссийская литература и должны ли литераторы из малороссиян писать по-малороссийски?» На первый вопрос Белинский давал одновременно утвердительный и отрицательный ответ. По его мнению, «малороссийский язык действительно существовал во времена самобытности Малороссии и существует теперь – в памятниках народной поэзии тех славных времен». Правда, он тут же замечает, что «это еще не значит, чтоб у малороссиян была литература: народная поэзия еще не составляет литературы». Что касается современного украинского языка, то здесь Белинский весьма категоричен. «Мы имеем полное право сказать, – утверждает он, – что теперь уже нет малороссийского языка, а есть областное малороссийское наречие, как есть белорусское, сибирское и другие, подобные им областные наречия».

Поскольку литературного украинского языка, с точки зрения Белинского, не существует, «теперь очень легко

решается и второй вопрос: должно ли и можно ли писать по-малороссийски?»

«Обыкновенно пишут для публики, — резонно замечает Белинский, — а под «публикою» разумеется класс общества, для которого чтение есть род постоянного занятия, есть некоторого рода необходимость... Собственно, публика состоит из высших, образованнейших слоев общества». Есть ли вообще подобный социум на Украине и, если есть, каковы его культурные ориентации? По мысли Белинского, «жизнь этого общества переросла малороссийский язык, оставшийся в устах одного простого народа, — и это общество выражает свои чувства и понятия не на малороссийском, а на русском и даже французском языках...» Следовательно, писать по-украински совершенно бессмысленно: «жалко видеть, когда и маленькое дарование попусту тратит свои силы, пиша по-малороссийски — для малороссийских крестьян... Хороша литература, которая только и дышит, что простоватостью крестьянского языка и дубоватостью крестьянского ума!»[10].

Из этих, прямо скажем, не очень лестных суждений об украинской культуре ясно, что Белинский не мог питать особых симпатий к тем украинским деятелям, которые упорствовали в развитии того, чему, по мысли маститого критика, надлежало тихо умереть.

В начале 1847 г. власти раскрыли деятельность так называемого Кирилло-Мефодьевского братства и арестовали его членов, в том числе литераторов Тараса Шевченко и Пантелеймона Кулиша. Специалисты из III Отделения, анализировавшие их сочинения, естественно, руководствовались не столько эстетическими, сколько политическими соображениями. Так, в решении по делу Шевченко, подготовленным III Отделением, говорилось, что он «сочинял стихи на малороссийском языке, самого возмутительного содержания. В них он то выражал плач о мнимом порабощении и бедствиях Украины, то возглашал о славе гетманского правления и прежней вольницы казачества... Шевченко приобрел между друзьями своими славу знаменитого малороссийского писателя, а потому стихи его вдвойне вредны и опасны. С любимыми стихами в Малороссии могли посеяться и впоследствии укорениться мысли о мнимом блаженстве времен гетмановщины, о счастье возвратить эти времена и возможности Украйне существовать в виде отдельного государства»[11].

В заключении III Отделения по делу Кулиша указывалось: «Кулиш сознался, что он, пламенно любя свою родину, побуждал еще друзей своих писать на малороссийском языке, восстановлять нравы и обычаи собственно украинские... В письмах своих он везде выражал чрезмерную любовь к родине, Малороссии, ложные понятия о ее прежней будто бы славе и заботился о восстановлении ее литературы и народности. Напечатанные им сочинения... исполнены тех же мыслей. В своих сочинениях он с восторгом описывал дух прежнего казачества... представлял историю малороссиян едва ли не знаменитее всех историй, славу этого народа называл всемирною»[12].

Белинский знал о репрессиях по отношению к украинским литераторам, и в его неподцензурном письме к П.В.Анненкову (в самом начале письма он пишет другу, что тот получит его послание из Берлина и этому не стоит удивляться) от 10 декабря 1847 г. можно отыскать весьма характерный отклик на происшедшее. «Наводил я справки о Шевченке», — сообщает Белинский Анненкову в Париж и вспоминает, что как-то М.Бакунин говорил ему, «что он верит, что Шевченко человек достойный и прекраный. Вера делает чудеса, — продолжает Белинский, — творит людей из ослов и дубин, стало быть она может и из Шевченки сделать, пожалуй, мученика свободы. Но здравый смысл в Шевченке должен видеть осла, дурака и пошлеца, а сверх того, горького пьяницу, любителя горелки по патриотизму хохлацкому. Этот хохлацкий радикал написал два пасквиля — один на государя императора, другой — на государыню императрицу (*речь идет о сатирической поэме Шевченко «Сон»; ее список был арестован вместе со всеми бумагами поэта и представлен в III Отделение — И.Т.*) ...Шевченку послали на Кавказ солдатом. Мне не жаль его, будь я его судьей, я сделал бы не меньше».

В этом же письме Белинский вспоминает и Пантелеймона Кулиша: «Одна скотина из хохлацких либералов, некто Кулиш (экая свинская фамилия!)... напечатал историю Малороссии (*имеется в виду работа Кулиша «Повесть об украинском народе» — И.Т.*), где сказал, что Малороссия или должна отторгнуться от России, или погибнуть. Цензор Ивановский просмотрел эту фразу, и она прошла. И немудрено: в глупом и бездарном сочинении всего легче недосмотреть и за него попасться. Прошел год — и ничего, как вдруг государь получает от кого-то книжку с отметкою

фразы... Можно представить, в каком ужасе было министерство просвещения и особенно цензурный комитет? Пошли придирки, возмездия...» Белинский подробно рассказывает Анненкову, как власти остановили публикацию переводов французских романов в «Современнике» и «Отечественных Записках», «воображая, что в них-то Кулиш набрался хохлацкого патриотизма». «Вот, что делают эти скоты, безмозглые либералишки, – заключает он. – Ох эти мне хохлы! Ведь бараны – а либеральничают во имя галушек и вареников со свиным салом»[13].

Даже принимая во внимание темперамент «неистового Виссариона», нельзя не признать его отношение к собратьям по перу чересчур грубым и резким. В чем же дело? Ученый, издатель и комментатор Белинского акад. С.А.Венгеров ссылается на «бессознательно-пренебрежительное отношение» к «мужицкому» и «простонародному», которое замечается у Белинского и в других случаях. Сам же знаменитый критик объясняет свою жесткую позицию следующим образом: «Я питаю личную вражду к такого рода либералам. Это враги всякого успеха. Своими дерзкими глупостями они раздражают правительство, делают его подозрительным, готовым видеть бунт там, где нет ничего ровно, и вызывают меры крутые и гибельные для литературы и просвещения»[14]. Другими словами, Белинскому были антипатичны люди, которые, создавая эрзац-культуру на несуществующем языке, чинили препятствия для развития подлинной – русской – культуры.

Находившийся под сильнейшим влиянием Гегеля с его учением об исторических и неисторических народах и государстве как апофеозе общественного развития, Белинский отводил Украине более чем скромное место в отечественной истории. «История Малороссии не принадлежит к истории всемирно-человеческой, – писал он. – Круг ее тесен, политическое и государственное значение ее – то же, что в искусстве гротеск». Главная причина такого положения в том, что украинцы – негосударственный народ. «Малороссия никогда не была государством, следовательно и истории, в строгом значении, не имела. История Малороссии есть не более, как эпизод из царствования царя Алексея Михайловича... История Малороссии – это побочная река, впадающая в большую реку русской истории. Малороссияне всегда были племенем и никогда не были народом, а тем менее

государством». Поскольку — в соответствии с гегельянской традицией — не только вне государства не может быть нации, но само государство является творцом всей интеллектуальной жизни par exellence, Белинский искренне полагал, что единственным спасением для украинцев является их дальнейшее развитие в рамках общерусской культуры: «Слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке, от которых дотоле непреодолимою оградою разлучал ее полудикий быт ее. Вместе с Россией ей предстоит теперь великая будущность...»[15].

Есть, пожалуй, некая печальная ирония в том, что спустя три четверти века, наполненных непрерывной борьбой украинцев за свою культурно-национальную идентичность, им так и не удалось изменить некоторые устойчивые стереотипы, глубоко укоренившиеся в русском менталитете и государственно-правовой мысли.

Как и его интеллектуальный предшественник в 30-40 гг. XIX в., П.Б.Струве был весьма обеспокоен бурным всплеском украинского национального движения в начале XX в., особенно после Манифеста 17 октября 1905 г., и занял не менее жесткую позицию по отношению к «украинству». Как и у Белинского, эта позиция резко контрастировала с его приверженностью к политической философии либерализма и демократическими взглядами по другим вопросам.

Как и Белинский, Струве считал, что украинцы не являются самостоятельной нацией, а есть лишь ветвь единой общерусской нации. Следовательно, никакого равенства между русской и украинской культурами нет и быть не может: они соотносятся друг с другом как целое и часть. «Нужно же вдуматься, что означает излюбленная постановка «великорусской» культуры в один ряд с «малорусской» и «белорусской», — писал он на страницах редактируемого им журнала «Русская мысль» в 1911 г. — Это значит, что рядом с русской культурой на всем, так сказать, протяжении культурного творчества должны быть созданы параллельные культуры — «малорусская» и «белорусская»... Их еще нет». А раз так, «пока в Российской империи существует только одна единая русская культура в том смысле, в каком мы можем говорить о национальных культурах».

В этой связи, утверждал он, «Россия потому не может не быть национально-русским государством, что единой русской

нации историческим ходом вещей предуготована не только политическая, но и культурная гегемония в России»[16].

Подобные заявления Струве немедленно вызвали острейшую полемику, которая развернулась прежде всего на страницах издаваемого в Москве журнала «Украинская жизнь». Справедливости ради нужно сказать, что ряд представителей российской интеллектуальной элиты, включая и членов кадетской партии, одним из лидеров которой был Струве, публично критиковали его взгляды в печати.

Струве, однако, не сдавался и в январе 1912 г. выступил с программной статьей «Общерусская культура и украинский партикуляризм». «Я глубоко убежден, – писал он в ней, – что – наряду с общерусской культурой и общерусским языком – культура малорусская или украинская есть культура местная, или областная. Это положение «малорусской» культуры и «малорусского» языка определилось всем ходом исторического развития России и может быть изменено только с полным разрушением исторически сложившегося уклада не только русской государственности, но и русской общественности»[17].

Ключом к пониманию позиции Струве в украинском вопросе является его концепция русской нации и видение той роли, которую играет в процессе ее консолидации «общерусская культура». По мнению Струве, русские – это не великорусский этнос, не что-то завершенное и застывшее, а «живая культурная сила, великая, развивающаяся и растущая национальная стихия, творимая нация (nation in the making, как говорят о себе американцы)»[18], обнимающая все народы, населяющие империю. Единство этой нации возникает и скрепляется прежде всего благодаря единству культуры, в основе которой лежит «общерусский» язык: «Язык «полного Собрания Законов», язык Пушкина, Гоголя, Тургенева и Льва Толстого, будучи, по своей лингвистической основе, великорусским, – по своему культурно-историческому значению есть общий русский язык, есть «койне» всех русских народностей, входящих в состав Российской Империи»[19]. Поэтому, несмотря на этническое разнообразие, Россия, с точки зрения Струве, была не многонациональной империей, как, например, Австро-Венгрия, а подлинным национальным государством или, если угодно, «национальной империей». Вот почему Струве так воин-

ственно оберегал «единство» русской культуры и так болезненно воспринимал любые попытки создать, как он выражался, «параллельные» национальные культуры и прежде всего самостоятельную украинскую культуру. Единая культура, полагал Струве, – важнейшая скрепа российского государства. Если же «интеллигентская «украинская» мысль ударит в народную почву и зажжет ее своим «украинством», то это будет чревато «величайшим и неслыханным расколом в русской нации, который явится, по моему глубокому убеждению, подлинным государственным и народным бедствием. Все наши «окраинные» вопросы окажутся совершенными пустяками в сравнении с такой перспективой «раздвоения» и – если за малороссами потянутся и белорусы – «расстроения» русской культуры»[20].

Проблема, однако, состояла как раз в том, что, вопреки мнению и Белинского, и Струве, Россия не была национально-русским государством (хотя она управлялась так, как будто была таковым), а украинскую культуру не нужно было «специально» создавать, поскольку она возникла задолго до того, как оба русских либерала стали впервые размышлять о ней. Тезис об «общерусской культуре», выдвигавшийся обоими мыслителями, оказался серьезным методологическим заблуждением. Гораздо более реалистическую перспективу дальнейшего развития России нарисовал один из оппонентов Струве, еврейский публицист Владимир Жаботинский. «Мы... предвидим только одну из двух возможностей, – писал он, – или в России никогда не будет свободы и права, или каждый из нас сознательно использует свободу и право прежде всего для развития своей самобытной национальной личности... Или Россия пойдет по пути национальной децентрализации, или в ней немыслимо будет ни одно из оснований демократии, начиная со всеобщего избирательного права. Для России прогресс и Nationalitatenstaat – синонимы, и всякая попытка перескочить через эту истину, утвердить в государстве прочный порядок наперекор воле и сознанию трех пятых населения кончится крахом». Таково мнение «инородцев», заключал Жаботинский, «а кто прав, ответит будущее»[21].

Сегодня, после катаклизмов 1917 и 1991 гг., этот ответ представляется более или менее ясным.

---

[1] *Драгоманов М.П.* Вибране. Київ,1991. С.5.
[2] Проект доповіді О.Ф.Орлова Миколі I про слов'янофілів // Кирилло-Мефодіївське товариство. Київ,1990. Т.3. С.306.
[3] Там же.
[4] *Дорошенко Дмитро.* Нарис історії України. Київ,1991. Т.2. С.273.
[5] Малороссийские песни, изданные М.Максимовичем. М.,1827. С.1.
[6] *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. Київ,1993. С.23.
[7] Северная Пчела. 1834.
[8] Отечественные Записки. 1840.
[9] Сын Отечества. 1840. Т.2. С.836.
[10] *Белинский В.Г.* Собр. соч. М.,1979. Т.4. С.416-418.
[11] Запис рішення в справі Т.Г.Шевченка, зробленний III Відділенням // Кирило-Мефодіївське Товариство. Київ,1990. Т.2. С.329.
[12] Висновок III Відділення про справу П.О.Куліша та встановлення таемного нагляду за його дружиною О.М.Куліш // Там же. Т.2. С.80-81.
[13] *Белинский В.Г.* Собр. соч. М.,1982. Т.9. С.689-690.
[14] Там же. С.689.
[15] Там же. М.,1979. Т.5. С.238,242.
[16] *Струве П.Б.* На разные темы // Русская мысль. 1911. № 1. С.185,186.
[17] *Струве П.Б.* Общерусская культура и украинский партикуляризм // Русская мысль. 1912. № 1. С.66.
[18] *Струве П.Б.* На разные темы... С.185.
[19] *Струве П.Б.* Общерусская культура... С.66.
[20] Там же. С.85.
[21] *Жаботинский В.* Письма о национальностях и областях // Русская мысль. 1911. № 1. С.114.

Заиченко О.В.

ОБРАЗ РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ГЕРМАНИИ

Нет сомнений, что ни одна страна не оставила в истории Германии и в сознании немцев такой глубокий след, как Россия. Ни одна страна не вызывала у немцев столь противоречивых чувств, столь острых дебатов в обществе. Немецкие историки охарактеризовали отношения между народами обеих стран как единство любви и ненависти и посвятили этой теме довольно много исследований[1]. В отечественной историографии, напротив, эта тема практически не затрагивалась.

Задача данной работы – рассмотреть основные аспекты истории формирования у немцев понятия «Восток» и связанных с ним образа России и представлений о себе самих, осознания исторической задачи немцев как нации.

Восточная политика для немцев, начиная с XVII в., была прежде всего сосредоточена на России, что наложило решающий отпечаток на восприятие немцами других народов Восточной и Юго-Восточной Европы. При этом следует отметить преемственность основных представлений и идей, связанных с Россией в общественном сознании Германии и перенос их с Московского государства на Российскую империю, а потом, через метаморфозы двух революций, на СССР.

В средние века соприкосновений между странам почти не было. Победа Александра Невского над немецкими рыцарями в 1242 г. осталась в Германии почти незамеченной. В XIV и XV вв. большая часть России находилась под татаро-монгольским игом и действительные контакты между русскими и немцами начались в XVI в., во время Ливонской войны. Ужас, который вызвали у немцев-колонистов русские во время вторжения в Ливонию в 1558 г., был описан в ряде книг. Так, например, была широко известна в XVI в. хроника балтийского немца Тиманна Бракеля, проповедника немецкой общины в Дорпате. Другой немецкий хронист XVI в. Генрих фон Штаден даже призывал к крестовому походу против России.

Большинство же образованных немцев познакомились в первый раз с нравами московитов благодаря запискам Сигизмунда Герберштейна, который дважды посещал Москву в

качестве посла германского императора[2]. Герберштейн вывез оттуда очень неблагоприятное впечатление об укладе жизни в России, особенно о деспотической власти царя и покорности населения. С его легкой руки эти представления затем столетиями господствовали в Германии.

В период царствования Петра I, благодаря внутренним реформам и победе России в Северной войне, Московское государство превратилось в доминирующую силу на Востоке Европы. Конец шведского господства на Балтийском море и раздел Польши стали предпосылками его возвышения. Россия перестала быть лишь периферией Европы и начала играть все более активную роль в европейской политике и, что важно, во внутренних делах германских государств.

В этой связи позволю себе лишь кратко перечислить основные моменты русского присутствия в Германии в XVIII в. Во-первых, это ввод русских войск в Померанию, Мекленбург и Гольштейн во время Северной войны, а также союз с Бранденбургом (Пруссией) против Швеции. Затем – Семилетняя война, поражения, нанесенные Фридриху II русскими войсками, оккупация Восточной Пруссии и, наконец, в 1760 г. русские войска заняли Берлин. Следует вспомнить также о постоянном вмешательстве России в длительный прусско-австрийский конфликт и войну за Баварское наследство. Екатерина II выступила посредником при заключении Тешенского мира в 1779 г. и гарантом закрепленного договором порядка в германских землях, что дало ей возможность бесцеремонно вмешиваться в дела Пруссии и германских княжеств. В Петербурге при Коллегии иностранных дел даже возникло особое немецкое отделение, служившее проводником «русской информации», то есть русского влияния в Германии.

Политика Петра I по европеизации России явилась дополнительным стимулом в формировании европейского самосознания. В этой связи в XVIII в. немецкими просветителями делаются попытки осмыслить роль и место России в европейской истории.

В философско-исторической концепции Готфрида Лейбница России впервые уделялось основное внимание; он первым написал об особой миссии России в защите христианства и культуры. Россию, полагал Лейбниц, нельзя причислить ни к европейской, ни к китайской культурной системе, и лишь

освоив европейскую культуру она сможет выполнить предназначенную ей роль в будущей мировой культуре.

Находясь под влиянием идеи «просвещенного абсолютизма», Лейбниц впервые рассматривает «варварскую сущность» России как позитивный фактор. Россия – «tabula rasa», а потому тут, на чистом месте, с помощью просвещенного правителя, можно построить новый мир, который соберет в себя все полезное и лучшее, чем располагает Европа, но будет избавлен от пороков, порожденных переживаемым ею кризисом[3].

Аналогичные выводы сделал в своем труде «Идеи к философии истории человечества» другой немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер. В 60-е годы XVIII в. он приходит к заключению, что философы должны вступить в союз с монархами для осуществления задачи политико-гуманистического и религиозного воспитания народов. Наиболее подходящим полем для такой совместной деятельности он считал Россию. В Петре I, а затем в Екатерине II Гердер видел властителей, которые способны вывести свой народ к «новому Эдему» из мрака «скифских лесов». Критическое отношение ко всему европейскому устройству, с одной стороны, и начавшаяся европеизация России – с другой, побуждал его видеть в последней землю обетованную, куда суждено переместиться европейской культуре[4].

Таким образом, немецкие просветители XVIII в. заложили основы русофильской традиции в политической мысли Германии, которые впоследствии получили наибольшее развитие в трудах консервативных философов и политиков. Их взгляды относительно великого будущего России были почти полностью забыты в конце XIX – начале XX в. и запрещены в период нацизма. Но зато в 20-30-х гг. XX в. идеи Лейбница и Гердера пережили второе рождение и никогда не были так популярны, как в Веймарской республике.

С началом XIX в. значение России для внутренней истории Германии не уменьшилось. Вступление России в Восточную Пруссию в январе 1813 г., совместные боевые действия против Наполеона и участие в Лейпцигской «битве народов» принесло окончательное освобождение Германии. Александр I был признан освободителем народов и «либератором добрых немцев».

Его брат и преемник Николай I, игравший определяющую роль в Священном союзе, стремившийся не допустить

усиления Пруссии и объединения Германии, после подавления Польского восстания 1830-1831 гг., Венгерского восстания 1849 г. и «Ольмюцкого унижения» Пруссии 1850 г. для всех немецких либералов и демократов стал символом реакции и деспотизма. В то же время, большая часть консерваторов продолжала воспринимать русского императора как хранителя легитимности монархии, гаранта от революционного хаоса и анархии.

Таким образом, в первой половине XIX в. выделяются два направления в общественном сознании Германии: антирусское – демократическое, и прорусское – консервативное. Со времени предреволюционного периода и буржуазной революции 1848 г. царская империя надолго становится предметов открытых дебатов в немецкой прессе. Отношение к России стало водоразделом внутригерманских событий. Причем рассматривалась не конкретная страна, а некий вымышленный образ. Россия была необходима как либералам, так и консерваторам, в качестве метафоры для решения основных вопросов конституционного и общественного устройства в Германии.

Но, без сомнения, во внутригерманских дебатах о России ненависть к ней была сильнее, чем любовь.

Антирусские настроения в Германии были связаны прежде всего с либерально-буржуазным движением. После 1815 г. Россия воспринималась в этой среде как оплот реакции и деспотизма. Немецкие либералы не без основания считали Россию главным препятствием на пути объединения Германии. Долгое время немецкие демократы говорили о необходимости войны с Россией. Революционный поэт Фердинанд Фрайлиграт писал о существовании двух лагерей, на которые разделен мир: революционные народы Запада должны под знаменем свободы победить славян Востока в последней решающей битве. Свобода и единство Германии требуют крушения Российской империи[5].

В этом противостоянии между революционным Западом и реакционным Востоком немецкие демократы, как правило, не отделяли царизм от русского народа. Позиции общественности России едва ли были широко известны на Западе.

Немецкое общественное мнение левой ориентации было антирусским еще и потому, что Россия поддерживала его собственное реакционное правительство, особенно в Пруссии, и, вмешиваясь во внутренние дела Германии, препят-

ствовала любым реформам. Для немецких левых русский народ стал контрреволюционной нацией. По их мнению, русские обладали всеми пороками и ни одной добродетелью примитивных народов. Их победа означала бы конец европейской цивилизации и культуры.

Эти взгляды разделяло большинство демократов того времени, в том числе К.Маркс и Ф.Энгельс, чьим внешнеполитическим требованием в 1848-1849 гг. была война с Россией. Эта революционная война должна была освободить немецкую нацию и смыть с нее грехи прошлого. Маркс и Энгельс сохранили до конца жизни свои антирусские настроения. Они также не видели различий между царским режимом и русским народом. Конечно, они приветствовали появление социалистической оппозиции в России в 1870-е годы и восхищались героями русского революционного движения, но в целом относились к России, как к стране, от которой человечество не может ждать в будущем ничего хорошего. Да и что можно ожидать от народа, чей характер столетиями формировался под монгольским, татарским и самодержавным деспотизмом? К.Маркс и Ф.Энгельс считали, что Россия стремится к территориальным захватам. А потому все революционные демократы и социалисты рассматривали освобождение Польши и других народов путем поражения царизма в войне как элементарное требование исторического правосудия[6]. Это проявилось во время Крымской войны, в требованиях поддержать войну против русского самодержавия. Она должна была превратиться в войну романо-германских народов против славян, из числа которых обычно исключалась Польша, так как поляки свою свободу ставили выше принадлежности к славянскому миру.

Прорусские настроения в Германии формировались в консервативной среде, которой была также присуща картина единства царя и народа. Продолжая традицию просветителей XVIII в., консерваторы рассматривали Россию как некий идеал, остающийся цельным и способный противостоять революциям, пролетаризации, капитализму, социализму и коммунизму, а также другим «гноящимся язвам» современной Европы. Патриархальная Россия была представлена Августом фон Гакстаузеном в его трехтомном исследовании как синоним «неповрежденной жизни», основанной на семье и общине, на глубоко религиозном крестьянстве, народной жизни, народном инстинкте и единовластии царя[7]. Об осо-

бой религиозно-политической миссии Православной церкви писал Франц фон Баадер, с ней он связывал надежды на спасение. Причинами восхищения русской религиозностью были ощущение дряхления западной цивидизации, кризис европейского сознания и стремление к духовному обновлению. Этими же причинами был вызван интерес к мифу о загадочной русской душе, ее природе, возникшему в среде консервативной интеллигенции, которая нуждалась в новых ценностных ориентирах и находилась под воздействием идей Л.Толстого и Ф.Достоевского[8].

Разочаровавшись в европейской цивилизации, Фридрих Ницше предсказывал России великое будущее: она должна была стать «господином Европы и Азии». Это предсказание относительно «невостребованных еще историей молодых народов» было забыто с середины 90-х годов до конца I мировой войны. В тот период в конвервативной среде также господствовали сильные антирусские настроения, активизировавшиеся в связи с уходом в отставку Бисмарка и сменой внешнеполитического курса. Антирусское направление в консервативном лагере было представлено тремя группами, сложившимися независимо друг от друга: балтийскими немцами, членами Великогерманского союза и представителями национально-либерального империализма, в частности Теодором Шиманном, Иоганном Халлером и Паулем Рорбахом.

Однако в Веймарский период, после Рапалло, прорусские идеи вновь возродились в трудах консервативных мыслителей: Освальда Шпенглера, Макса Шелера, Маллера ван ден Брука, членов «Tatkreis», идеологов консервативной революции и национал-большевизма[9].

Конечно, русофобия не являлась исключительно немецкой самобытной чертой. Русская тема интернациональна. Материал для нее давала прежде всего французская и немецкая публицистика. Но нигде эта тема не вызывала такой поляризации мнений, таких острых дебатов, споров, как в Германии. Думается, что этому есть две причины.

Во-первых, в отличие от Англии и Франции, так называемый «русский комплекс» в Германии активно развивался в период становления буржуазного общества, когда политическая культура буржуазии впервые проявила себя как самостоятельная сила, когда она выделилась из сословных, партикулярных, феодальных рамок и нашла свое выражение, прежде всего, в идее единой великой Германии, в идее сво-

боды и единства нации, национального государства немцев, а так как создание единого немецкого государства оставалось до недавнего времени незавершенным, «русский комплекс» остался частью немецкого исторического сознания. При этом еще следует вспомнить о некоем «комплексе неполноценности» немцев, которые позднее других народов вышли на международную арену. Слишком долго Германия была слабой и раздробленной, слишком часто Россия и другие государства вмешивались в ее внутренние дела.

Русофобия развивалась параллельно процессу национального самоутверждения. Не случайно все негативные клише формировались по принципу контрастного сопоставления России и Германии. Добродетели немецкого общества: цивилизация, прогресс, свобода, гражданские права и законность противопоставлялись азиатскому варварству, деспотизму, произволу и агрессивности России. Для большей наглядности сравнивались также национальные характеры: благопристойность, прилежание, бережливость, опрятность и умеренность немцев и жестокость, импульсивность, пьянство и неряшливость русских. Эти клише формировались в основном на основе литературы XVI и XVII вв. и антирусской публицистики времен французской революции.

Во-вторых, причиной длительного преобладания в сознании немцев негативных клише является тот факт, что немецкое национальное сознание искало выходы для распространения своего влияния и расширения границ именно на европейском Востоке. На основе этих устремлений сформировалась идея германской миссии на Востоке, причем параллельно с развитием русофобии. Исходным моментом для мессианских идей стало романтическое обращение к немецкому средневековью, завоевательным походам рыцарских орденов и их значению с точки зрения колонизации восточных земель и исторической культурной миссии немцев. Германизация славянских народов, «народов без истории», по выражению Гегеля и Энгельса, представлялась законной и справедливой деятельностью, осуществляемой в интересах цивилизации и по праву высшей культуры. Это право отстаивали экономист Фридрих Лист, идеолог германской промышленной буржуазии, историки Георг Вайтц и Генрих фон Трайтчке и другие. Фактически лозунг «немецкого натиска на Восток» являлся продуктом этой мессианской идеи.

При этом убежденность в своем культурном превосходстве была своеобразным противовесом страху перед славянами. Чувство превосходства должно было смягчить «комплекс внешнего врага на Западе и Востоке», комплекс блокады, страх перед войной на два фронта, свойственный немцам, а также страх перед той угрозой, которая, как им казалось, исходила с Востока, со стороны царской империи и идей панславизма.

Теория культуртрегерства должна была помочь немецкому национальному самосознанию встать на ноги и окрепнуть, она усиливала уверенность, что «всемирная борьба славян и германцев» станет триумфом «высшей культуры».

---

[1] *Epstein F.T.* Der Komplex «Die russische Gefahr» und sein Einfluss auf die deutsch-russischen Beziehungen des 19 und 20 Jahrhunderts. Dusseldorf,1973; *Jahn P.* Russophilie und Konservatismus. Die russophile Literatur in der deuetschen Offentlichkeit 1831-1852. Stuttgart,1980; *Laqueur W.* Deutschland und Russland. Berlin,1965; *Stokl G.* Osteuropa und die Deutschen. Geschichte und Gegenwart einer spannungsreichen Nachbarschaft. Stuttgart,1982; *Wippermann W.* Der «deutsche Drang» nach Osten. Ideologie und Wirklichkeit eines politischen Schlagwortes. Darmstadt,1981.

[2] *Герберштейн З.* Записки о Московии. М.,1988.

[3] *Groh D.* Russland und Selbstverstandnis Europas. Ein Beitrag zur europaischen Geistesgeschichte. Neuwied,1961. S.35,39,42.

[4] Ibid. S.47,79,80.

[5] *Laqueur W.* Deutschland und Russland. Berlin,1965. S.31.

[6] См.: *Epstein F.T.* Der Komplex «Die russische Gefahr» und sein Einfluss auf die deutsch-russischen Beziehungen des 19 und 20 Jahrhunderts. Dusseldorf,1973.

[7] *Haxthausen V.A.* Studien uber die innern Zustande... Russlands. Bd.3. Berlin,1852. S.14,19

[8] См.: *Jahn P.* Russophillie und Konservatismus... Stuttgart,1980.

[9] См.: *Hecker H.* Die Tat und ihr Osteuropa-Bild. 1909-1939. Koln,1974; *Nasarski G.* Osteuropaverstellungen in der konservativ-revolutionaren Publizistik. Frankfurt/M.,1974; *Deser U.* Die bolschewistische Russland in der deutsche Rechtspresse 1918-1925. Berlin,1961.

Бойко Т.В.

ОПЫТ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ И РОССИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В начале XX в. в России особую остроту и актуальность приобрел рабочий вопрос, и в частности его социально-культурный аспект. Стране, вступившей на путь интенсивного развития капитализма, был нужен грамотный, настроенный на социальный компромисс пролетариат. Последний тоже остро нуждался в элементарной грамотности, профессиональных знаниях и общей культуре. Единства взглядов по этим вопросам не было ни среди социал-демократии, ни в правящих «верхах», ни в либерально-демократических слоях российского общества. В итоге культурно-просветительные аспекты рабочего вопроса стали в начале XX в., в условиях быстро назревавшего в стране острейшего социально-политического кризиса, предметом серьезных дискуссий.

В данной статье речь пойдет о том, каким виделся российским либералам опыт развития культурно-просветительной деятельности среди западных рабочих и как они смотрели на использование этого опыта в российских условиях.

Высказывания либералов по данной проблеме нашли отражение в публицистике, прежде всего в таких крупнейших либеральных органах, как «Русская мысль», «Вестник Европы», «Русские ведомости», «Русское слово».

Либеральная печать постоянно подчеркивала, что промышленность капиталистической России остро нуждается в грамотных рабочих кадрах. Растущая конкуренция со стороны западного производителя и погоня российской буржуазии за прибылью требовали образованных, инициативных, способных принимать самостоятельное решение рабочих. Недаром некоторые заводчики и фабриканты откровенно выражали желание иметь «новый тип интеллигентного фабричного», причем в отсутствии его видели чуть ли не единственный тормоз развития отечественной промышленности[1].

В 1899 г. вышло в свет 2-е издание (первое появилось в 1896 г.) сборника статей Постоянной комиссии по техническому образованию Императорского Русского технического общества[2], где были представлены различные аргументы в

пользу развития народного образования как фактора повышения производительности труда и роста национального богатства и народного благосостояния. Сама комиссия одну из целей издания данного сборника видела в «распространении идеи экономической ценности образования»[3]. Приведенные в книге данные наглядно доказывали, что грамотность и рост культурного уровня рабочих уже сами по себе повышают производительность труда и, следовательно, увеличение затрат на образование не представляет собой чисто филантропический акт, а является удовлетворением насущной потребности страны в квалифицированных работниках.

Академик И.И.Янжул, ссылаясь на исследования, проведенные в развитых странах Запада, в своей статье подчеркивал, что успех промышленности повсюду зависит от уровня образованности народа, причем в одинаковой степени важно как общее развитие, так и техническое и ремесленное обучение. Он выражал уверенность, что начальное образование скоро станет «общедоступным и всенародным» и в России[4].

Бурное развитие промышленности поставило перед Россией с конца XIX в. проблему рационального использования рабочими своего досуга. Мысль о предоставлении народу разумных развлечений явилась в России отголоском того широкого общественного движения, которое было одним из самых характерных явлений европейской жизни в конце XIX в. На Западе это движение, известное под названием «University extension», являлось естественным результатом демократизации общественного строя и ставило задачу приобщения народных масс к тем духовным и культурным благам, которыми пользовались ранее лишь высшие слои общества. В России эта проблема была заявлена на Всероссийском торгово-промышленном съезде в Нижнем Новгороде в 1896 г., а на 2-м съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию (декабрь 1895 г. – январь 1896 г.) специально обсуждался вопрос об организации народных развлечений. Основной тезис докладчиков заключался в необходимости отвлечения народа от пьянства путем облагораживающего воздействия сильных и глубоких эмоций, вызываемых театром и музыкой. При этом подчеркивалось значение «здорового художественного репертуара» театральных представлений[5].

Либеральная печать активно поддерживала идею создания народных клубов. Говоря о необходимости их организации, авторы ряда статей попутно пытались разобраться в том, почему же рабочий человек пьет, ходит в трактир. «Уничтожая кабаки, – писал врач А.Буткевич в «Журнале для всех», – упустили из виду, что кабак для народа является не только местом выпивки, но и местом общения. В то время, как привилегированные классы общества, купечество и дворянство, пользовались правом основывать клубы, лишенным этого права народным массам служил клубом кабак»[6]. По его мнению, народу нужны также заведения, где можно было бы встречаться для «веселой болтовни или деловой беседы, где могли бы сближаться или развлекаться одинокие и семейные». Ввиду отсутствия в России клубов автор статьи полагал, что эту роль могли бы сыграть чайные с бесплатными библиотеками и читальнями.

В «Русской мысли» автор заметки о попечительствах о народной трезвости подчеркивал, что вполне естественное стремление к общению и отдыху приводило рабочего человека в трактир, и предлагал противопоставить трактиру рабочие клубы[7].

«Проблема досуга рабочего – одна из важнейших проблем человечества...», – писал в «Русских ведомостях» известный экономист, профессор Московского университета И.Х.Озеров[8]. При этом он ссылался на опыт Англии, где рабочие клубы пользовались большими симпатиями общественности. К началу XX в. их насчитывалось там до 4 тыс., а количество их членов достигало 2 млн чел. Большинство клубов имели библиотеки и читальные залы. По воскресеньям здесь устраивались утром лекции, а вечером концерты (по доступным ценам) и танцы. По субботам клубы нередко организовывали для желающих загородные экскурсии и экскурсии для осмотра достопримечательностей города. При клубах обычно работал буфет или ресторан, где за небольшую плату можно было хорошо поужинать. Имелась бильярдная комната. В некоторых клубах были также гимнастические залы[9].

Как отмечал И.Х.Озеров в другой своей работе, английские клубы стремились дать рабочим внешкольное образование, организовать их отдых, сблизить людей одного общественного положения, создав для них дружескую атмосферу[10]. Нечто подобное нужно было делать и в России. Поэто-

му Озеров поддерживал намерение Министерства финансов придать чайным, организуемым попечительствами о народной трезвости, вид клубов[11].

Знаменательно, что опыт Англии имел для российских либералов особое значение еще и потому, что в этой стране с XVII в. не было революций. На эту сторону дела указывал, в частности, И.И.Янжул. Он писал в одной из своих статей на основании личных впечатлений от посещения Англии: «...Согласно национальному характеру англичан, разрешение столь трудного социального вопроса должно заключаться не в каких-либо переворотах, сопровождаемых насилием, а в мирном поступательном реформаторском движении сверху вниз: изменяется законодательство страны, альтруистически усовершенствуются идеи высших образованных классов, а вслед за тем совершенствуется и дружественное, братское поднятие масс народа до пользования всеми истинными сокровищами нашего времени.

В противовес тем утопистам, которые предполагают устранить существующие социальные невзгоды путем ломки учреждений, оставив людей такими, какими они до сих пор были, английские друзья народа думают совершенно иначе. Они убеждены, что всякая ломка составляет прежде всего зло, какими бы добрыми целями и соображениями она ни вызывалась, и что истинный ход великой реформы этого рода должен состоять отнюдь не в принижении высших классов до умственного и нравственного уровня низших... а в совершенно обратном действии. По их мнению, мирный, нормальный, а потому единственно желательный путь к разрешению социального вопроса должен прежде всего выразиться в стремлении образованных классов поднять до своей высоты бедную массу двумя путями: увеличением ее образования и культуры и затем... улучшением и поднятием уровня собственной нравственности»[12].

Большое значение в деле образовательной и культурно-воспитательной работы среди рабочих либералы придавали народным домам. Впервые такое культурно-просветительное филантропическое учреждение под названием «Народный дворец» было открыто в восточной, рабочей части Лондона в 1887 г. В нем находился концертный зал, библиотека, мастерские, лабораторные и классные комнаты. Вскоре подобные «дома-дворцы» распространились по всей Англии, а за-

тем стали возникать в Америке, Германии, Бельгии и др. странах.

Название «Народный дом» впервые было дано в России павильону, построенному Министерством народного просвещения в 1896 г. на Нижегородской всероссийской промышленной и художественной выставке. Там размещались аудитория для публичных чтений, театр, библиотека с читальным залом, чайная. Это здание затем было отдано Петербургскому попечительству о народной трезвости, и в нем находился Народный дом Императора Николая II.

Либеральная печать особенно подчеркивала общественное значение народных домов. Газета «Русское слово» увидела в их деятельности тот путь, по которому пойдет постепенное сближение различных слоев русского общества. По мнению автора одной из статей на эту тему, народные дома призваны сгладить ту «глубокую пропасть, которую образовала история, расколов общество на просвещенных и необразованных»[13]. А приводя в пример организацию работы Берлинского народного дома, автор статьи в «Мире божьем» подчеркивал, что он является центром, объединяющим рабочих. «Принадлежа рабочей организации, – писал он, – дом рабочих союзов будет показывать ее силу и рост. Будет ли обсуждаться деловой вопрос в зале секретариата, будет ли отдыхать рабочий в просторном зале, слушая речь или смотря театральную пьесу, – всегда он будет чувствовать, что он у себя дома, что он не гость, а хозяин»[14].

В то же время народные дома призваны были решать и большие просветительские задачи[15]. Так, по поводу открытия в Грузинах первого народного дома Московским попечительством о народной трезвости газета «Русское слово» писала: «Нам хотелось бы видеть Москву не только покрытой народными столовыми и чайными, не тольько облагороженной сетью народных театров – этих наиболее действительных средств в деле отвлечения народа от пьянства, – нам хотелось бы видеть здесь на средства и старания попечительства воздвигнутое здание «народного университета», ибо только свет истинного знания может излечить нас от рокового недуга – пьянства»[16].

Как уже отмечалось выше, для российских либералов была характерна ориентация на использование западного опыта в решении рабочего вопроса. Так, тот же И.И.Янжул с восторгом писал о западноевропейских экспериментах по улуч-

шению жилищных условий рабочих, созданию потребительских рабочих кооперативов, страховых касс, привлечению рабочих к участию в прибылях и т.д.[17]

В еще большей степени пропагандировал западные методы решения рабочего вопроса И.Х.Озеров, которого начальник московского охранного отделения С.В.Зубатов активно привлекал к практическому осуществлению политики «полицейского социализма» как крупного ученого и талантливого лектора. В 1901-1903 гг. в журнале «Русская мысль», «Журнале для всех» и газете «Русские ведомости» Озеров опубликовал ряд статей, в которых освещались методы рабочей политики, успешно применяемые на практике в развитых капиталистических странах[18]. Этот западный опыт И.Х.Озеров горячо советовал перенять в России. Так, он писал о необходимости появления фабричных комитетов, призванных содействовать «установлению лучших отношений между предпринимателями и рабочими»[19]. Ссылаясь на пример Германии, Озеров видел в таких комитетах очень перспективную форму общения между рабочими и работодателями, которая в конечном итоге должна была привести к водворению «социального мира»[20].

Особое значение Озеров придавал кассам взаимопомощи. Учрежденные самими рабочими, подчеркивал он, такие кассы «развивают дух солидарности, поднимают их (*рабочих – Т.Б.*) нравственный уровень... развивают энергию, инициативу»[21], т.е. качества, необходимые «для прогресса, для цивилизации, для промышленного развития»[22].

Как известно, в 1901 г, И.Х.Озеров, вместе с В.Э.Деном, тогда приват-доцентом Московского университета, разработали устав кассы взаимопомощи московских рабочих механического производства. В том же году Озеровым совместно с другими профессорами и приват-доцентами были организованы по поручению Зубатова собрания рабочих механического производства, проходившие в Историческом музее. На них обсуждались вопросы о кассах взаимопомощи, о потребительских обществах, биржах труда, фабричном законодательстве, коллективных договорах, санитарной гигиене, библиотеках, рабочих клубах и т.д. Позже И.Х.Озеров писал об этих собраниях так: «...Я сам увлекся совещаниями: у нас, в России, на меня повеяло воздухом Запада, и хотелось работать... Мы ограничивали свою деятельность задачами ис-

ключительно профессионального движения, не вступая в область политики и религиозных вопросов...»[23]

Благодаря этому у Озерова накопился обширный материал о положении рабочих в России (письма рабочих, их ответы на вопросы анкеты, ответы во время собеседований). На основании этого материала он подготовил и представил в январе 1902 г. вел.кн.Сергею Александровичу и С.Ю.Витте записку по рабочему вопросу[24] (записка осталась без последствий). В ней Озеров категорически высказался против той точки зрения, согласно которой в России нет рабочего вопроса. Он писал: «...Растущая промышленность создает новые силы – класс рабочих с особыми интересами»[25].

Намечая пути к «социальному замирению» в стране, Озеров в своей записке, ориентируясь на опыт и практику Западной Европы в разрешении конфликтов между рабочими и предпринимателями, предлагал улучшить жилищные условия, сократить рабочий день, разрешить рабочим создавать свои профессиональные организации, первоначально в виде касс взаимопомощи, которые обеспечивали бы своих членов на случай болезни, старости и безработицы. Другой важный момент, на котором остановился Озеров, – это необходимость развития образования среди рабочих. Причем получение знаний должно было осуществляться в полном объеме и легальным путем, поскольку возможность приобретать знания «окольным путем» чревата, по мысли Озерова, «крупными социальными последствиями»[26]. Крепкая организация рабочих, накопление ими денежных средств, развитие образования должны были обеспечить мирное разрешение конфликтов между предпринимателями и рабочими, а значит и социальный мир в стране[27].

Таким образом, российские либералы, перенося опыт развития западной культуры, а именно форм культурно-просветительной деятельности среди рабочих, на отечественную почву, пытались решить «рабочий вопрос» в целом мирным путем. Опираясь, в частности, на английский опыт, либералы рассматривали распространение образования и культуры в народе как важное условие продвижения России по эволюционному, реформистскому пути, обеспечивающему стабильность в обществе.

---

[1] См.: Образовательно-воспитательные учреждения для рабочих и организация общедоступных развлечений в Москве: Доклады д-ра А.В.Погожева, проф.А.И.Чупрова, Т.И.Полнера, Н.А.Попова и Вл.И.Немировича-Данченко, читанные 18 декабря 1897 г. и 15 января 1898 г. в соединенных заседаниях комиссии по техническому образованию и санитарной группы. М.,1898. С. 21.

[2] Экономическая оценка народного образования. Очерки И.И.Янжула, А.И.Чупрова, Е.Н.Янжул, В.П.Вахтерова и др. СПб.,1899.

[3] Там же. С.II.

[4] См.: *Янжул И.И.* Значение образования для успехов промышленности и торговли // Экономическая оценка народного образования... С. 26.

[5] См.: *Тимковский Н.* Значение развлечений для учащихся и рабочих // Театрал. 1896. № 64; *Попов Н.А.* Об организации развлечений для рабочих // Там же. 1896. № 65. Данные статьи представляют собой тексты докладов, прочитанных авторами на 2-м съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России.

[6] *Буткевич А.* О мерах борьбы с пьянством // Журнал для всех. 1901. № 3. С. 222.

[7] См.: Русская мысль. 1902. № 10. С. 226.

[8] *Озеров Ив.* Рабочие клубы в Англии // Русские ведомости. 1901. 19, 29 сентября. (Еще раньше эта статья была напечатана в журнале «Русская мысль». 1898. № 4).

[9] Русские ведомости. 1901. 29 сентября. См. также: *Вебб С., Вельс С.* Универсальные учреждения для рабочих в Лондоне (Лондонские политехникумы). СПб.,1901.

[10] См.: Предисловие И.Озерова к кн. Т.С.Пеппина «Страна рабочих клубов (Из жизни «Союза рабочих клубов»)». М.,1901. Сотрудник журнала «Мир божий», ведущий библиографический отдел, писал, что книга Пеппина представляла определенный интерес и для России, так как отразила «возможный лишь в культурной стране взгляд на рабочих как на вполне сложившихся, достаточно интеллигентных личностей, для которых на первой очереди может стоять вопрос о веселом и здоровом времяпрепровождении». См.: Мир божий. 1901. № 7. Отд.2. С.113-114.

[11] Еще несколько замечаний по поводу винной монополии // Русская мысль. 1901. № 10. Отд. 2.

[12] *Янжул И.И.* В поисках лучшего будущего. Социальные этюды. СПб.,1893. С.51 (Данная книга представляет собой сборник статей, опубликованных автором в различных периодических изданиях в 1890-1892 гг.).

[13] *М.И.* Народные дома // Русское слово. 1901. 6 мая.

[14] *О.Б.* Народный дом в Берлине (Письмо из Берлина) // Мир божий. 1901. № 9. Отд.2. С.61-62.

[15] См.: *Голубев П.* Народные дома-дворцы // Русское богатство. 1901. № 12. Отд.2.

[16] Открытие народного дома и чайных // Русское слово. 1901. 19 сентября.

[17] См.: *Янжул И.И.* Великаны европейской промышленности // *Янжул И.И.* Между делом. Очерки по вопросам народного образования, экономической политики и общественной жизни. СПб.,1904. С.306-307. (Первоначально данная статья была напечатана: «Вестник Европы». 1898. № 6).

[18] Эти статьи вошли затем в его сборник, опубликованный в 1904 г. См.: *Озеров И.Х.* Из жизни труда. Сб.статей. Вып. 1: Статьи по рабочему вопросу. М.,1904.

[19] Там же. С.137.

[20] Там же. С.139.

[21] Там же. С.201. См. также: *И.О.* Кассы взаимопомощи // Русская мысль. 1901. № 6. Отд.2.

[22] Русская мысль. 1901. № 6. Отд.2. С.167.

[23] *Озеров И.Х.* Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М.,1906. С.228,229.

[24] «О положении рабочих в России и о желательных реформах в этой области».

[25] *Озеров И.Х.* Нужды рабочего класса в России. М.,1906. С.12.

[26] Там же. С.47.

[27] Там же. С.21-22. В 1906 г. Озеров, развивая эти мысли, писал: «Нужно приобщить рабочего к культуре, нужно вступить твердо и решительно на путь такой экономической политики, которая бы обеспечила рабочим большое участие при распределении благ; у него тогда разовьются более культурные привычки, и для него станет труднее отказаться от их удовлетворения, а вместе с тем будет сужена и сфера применения всеобщей забастовки. Такая политика выработает целительный инстинкт самосохранения, притом не только в группах привилегированных, но и во всей массе, и этот инстинкт будет спасать общество от слишком резких форм борьбы».(См.: *Озеров И.Х.* Нужды рабочего класса в России. М.,1906. С.6; *Он же.* Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М.,1906. С.312).

Голубев А.В.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И «НОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

(ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ 1930-Х ГГ.)*

В течение всего периода советской истории культурные связи с Западом использовались в качестве инструмента внешней политики СССР, и их развитие, как правило, подчинялось достижению тех или иных тактических целей. Это было связано с идеологизированным характером государства и общества в целом, и внешней политики, которая в первую очередь должна была служить целям социалистического строительства, в частности. Кроме того, слабость внешнеполитических позиций СССР в межвоенный период заставляла искать любые, в том числе неформальные, каналы диалога с Западом (ценность таких каналов обычно повышалась в период обострения дипломатических отношений) и одновременно – стараться создавать себе максимальную поддержку общественного мнения Запада. По понятным причинам именно эти аспекты истории советских культурных связей оставались до последних лет вне поля зрения отечественных исследователей.

С другой стороны, на Западе существует достаточно обширная литература на эту тему, для которой характерно, однако, отсутствие солидной документальной основы (по причинам, от западных историков не зависящим). Несмотря на это, многие их выводы представляются заслуживающими внимания.

Термин «культурная дипломатия» применительно к политике СССР ввел американский исследователь Ф.Баргхорн (немецкие историки, например, предлагали более громоздкий термин – «внешняя культурная политика»). Под культурной дипломатией Баргхорн понимал манипуляцию культурными связями для достижения пропагандистских и иных

---

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта "Основные направления советской культурной дипломатии в 1920-40-е годы". Грант № 96-01-00305 предоставлен Российским гуманитарным научным фондом.

целей[1]. Представляется, однако, что этот термин можно использовать и в более широком смысле, понимая под ним как государственное регулирование процесса культурных связей, так и сам процесс их развития, если в нем участвуют те или иные государственные органы. Нет особой необходимости доказывать, что в советское время почти каждый контакт с Западом, установленный частными лицами или общественными организациями, в той или иной степени контролировался государством и служил его целям.

Было бы ошибкой рассматривать культурную дипломатию как нечто, свойственное только политике СССР. Ее элементы присутствовали во внешней политике многих стран, в том числе и России, уже с конца XVIII в.; разница лишь в масштабах и систематичности использования этого внешнеполитического «орудия». С другой стороны, столь же неверно говорить о ней как о некоем едином, кем-то рассчитанном на многие годы и скоординированном, процессе. Речь скорее может идти об ***общем подходе*** к развитию и использованию культурных контактов.

В первую очередь советская культурная дипломатия была ориентирована на страны Запада, среди которых особое место занимала Великобритания. В некоторой степени это являлось наследием дореволюционных внешнеполитических приоритетов. Но самое важное — советское руководство весьма высоко оценивало роль, которую Англия играла в современном мире. Характерен известный эпизод: принимая в марте 1935 г. в своем кабинете лорда-хранителя печати Великобритании А.Идена, И.В.Сталин сказал: «Да, маленький остров, но от него многое зависит. Вот, если бы этот маленький остров сказал Германии: не дам тебе ни денег, ни сырья, ни металла — мир в Европе был бы обеспечен»[2]. Еще более показательно заявление секретаря Исполкома Коминтерна Д.З.Мануильского на XVII съезде ВКП(б) в феврале 1934 г. о том, что Англия в данный момент возглавляет мировую реакцию и играет ведущую роль в подготовке войны против СССР. Но, по его мнению, она же представляла собой «более слабое звено среди наиболее сильных звеньев империалистической цепи», поэтому «ее раскачка будет иметь решающее значение для ускорения темпов созревания революционного кризиса капиталистической системы»[3]. По-

добные высказывания, бывшие довольно обычными, скажем, во второй половине 1920-х гг., во время обострения советско-английских отношений, в 1934 г., после прихода к власти Гитлера, звучали явным анахронизмом. И тем не менее они отражали реальные настроения значительной части советской политической элиты.

Неудивительно, что в свете таких установок воздействие на общественное мнение Великобритании рассматривалось как одно из приоритетных направлений советской культурной дипломатии.

В проведении культурной дипломатии принимали участие практически все советские организации, имеющие выход за границу. Это Наркоминдел и другие наркоматы, Академия наук, различные творческие союзы, ВЦСПС, «Интурист», объединение «Международная книга» и др. В 1925 г. было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС).

С этой организацией связывались большие надежды. Как вспоминал впоследствии И.М.Майский, некоторое время руководивший ВОКС в 1926 г., перед ним ставились две основные цели: «привлечь в СССР возможно больше крупных деятелей западной культуры, чтобы они собственными глазами увидали Советскую страну и наглядно убедились, что ее люди не только не являются разрушителями культуры, но, наоборот, прилагают величайшие усилия к всемерному ее развитию – конечно в социалистическом духе» и дать возможность видным деятелям советской культуры бывать за рубежом «и тем самым наглядно опровергать лживые россказни врагов о гибели или уничтожении видных советских ученых, писателей, артистов»[4]. Речь, следовательно, шла о создании за рубежом позитивного образа СССР, который в свою очередь мог использоваться и для пропаганды внутри страны – положительные оценки независимых наблюдателей «извне» тут же подхватывались и тиражировались советскими средствами массовой информации.

Вместе с тем существовали и иные задачи, о которых не писал И.М.Майский. Советское руководство надеялось превратить ВОКС в своего рода «Интернационал для интеллигенции». На общества дружбы с СССР, возникновению которых должен был способствовать ВОКС, возлагалась задача

«создать вокруг СССР кольцо доверия, симпатии и дружбы, которое будет непроницаемо для любых планов интервенции»[5].

В момент создания ВОКС представители Коминтерна и Профинтерна пытались ориентировать новое учреждение на работу с рабочими массами, однако руководство ВОКС настояло на том, что именно интеллигенция, определяющая общественное мнение любой страны, должна стать основным объектом культурной дипломатии[6]. Это, конечно, относилось и к Великобритании.

В 30-е годы во внешней политике СССР произошли значительные изменения. Стабилизация социально-политической ситуации в странах Запада, приход фашистов к власти в Германии в 1933 г., решения VII конгресса Коминтерна о политике «народного фронта» и курс на создание системы коллективной безопасности – все это отодвинуло на задний план задачи, связанные с «подготовкой Мирового Октября», о котором в 1927 г. говорил на Конгрессе друзей СССР британский делегат[7]. Теперь пропагандистские акции, в том числе и в рамках культурной дипломатии, должны были в какой-то мере компенсировать внешнеполитическую слабость СССР, создавая ему своеобразную опору в общественном мнении Запада. Необходимо помнить, что в это время западная, в первую очередь английская, дипломатия склонна была попросту игнорировать СССР.

Особая роль Великобритании в советской культурной дипломатии нашла отражение в структуре ВОКС, где с 1934 г. наряду с тремя Западными и Восточным отделами существовал Англо-Американский отдел, который значительную долю внимания уделял как раз Великобритании. В 1939 г. он был разделен на Английский и Американской отделы. Основным партнером ВОКС выступало в Великобритании Общество культурных связей с СССР, созданное еще в 1924 г.[8] Однако его влияние было невелико: так, в течение 1930-х годов численность общества выросла с примерно 400 до 2000 членов[9]. Главное, несмотря на наличие в списке почетных вице-президентов общества ряда видных деятелей культуры и науки Великобритании, в практической его деятельности они не участвовали. В сентябре 1934 г. во время беседы с председателем ВОКС А.Я.Аросевым полпред в Ве-

ликобритании И.М.Майский отмечал, что это общество «можно охарактеризовать как Общество левой интеллигенции. Видные деятели в Общество не пойдут... Реформировать Общество очень трудно, так как оно имеет определенное лицо и определенную репутацию и выкидывать одних лиц, заменяя другими, невозможно. Разрушать Общество тоже нельзя, потому что оно все же ведет и имеет большое значение для работы среди кругов левой интеллигенции»[10]. И.М.Майский видел возможный выход в создании еще одного органа культурного сближения, политически нейтрального, зато более представительного по составу.

В свою очередь А.Я.Аросев настаивал на перестройке деятельности уже существующего Общества. Летом 1936 г. он писал И.М.Майскому: «Центр тяжести, как нам кажется, должен быть перенесен в сторону углубления работы среди интеллектуальной – художественной и научной – элиты» и предлагал произвести определенные изменения в деятельности и руководстве Общества[11]. Однако, как вскоре стало ясно, Майский, лучше представлявший себе реальную ситуацию, оказался прав. К тому же практические шаги Англо-американского отдела ВОКС по руководству деятельностью Лондонского Общества скорее затрудняли задачу, поставленную председателем ВОКС.

В начале 30-х гг. вследствие ряда причин, в том числе и смены приоритетов во внешней политике СССР, в правлении Общества усилились разногласия по вопросам стратегии и тактики дальнейшей деятельности. Часть влиятельных членов правления придерживалась того мнения, что Общество должно ограничиться чисто культурными мероприятиями, не касаясь политических вопросов[12]. Однако представитель ВОКС охарактеризовал их позицию как «консервативную» и приложил максимум усилий, чтобы вывести «консерваторов» из состава правления. Впрочем, подобные взгляды высказывались и в дальнейшем, как только возникали проблемы в деятельности Общества, а это происходило достаточно часто.

С другой стороны, поддержкой ВОКС не пользовались и «левые» взгляды, хотя представители ряда местных организаций неоднократно намекали, что конечной целью Общества культурных связей должно быть не больше не меньше, как

установление в Англии коммунизма, и руководить этим обществом также должны люди, проникнутые «энтузиазмом коммунизма»[13]. Судя по всему, главным критерием «лояльности» для деятелей Общества служили не «левые» взгляды, а их готовность подчиняться любым указаниям представителей ВОКС. Впрочем, и по отношению к таким активистам Общества время от времени во внутренних документах ВОКС высказывались упреки в «карьеризме». Общая атмосфера подозрительности, царившая в СССР, не могла не отразиться и на работе ВОКС. Как бы то ни было, все попытки перестроить работу Лондонского Общества особого успеха не принесли.

Зато определенные успехи были достигнуты в плане расширения индивидуальных контактов с видными представителями британской политической и культурной элиты.

О масштабах интереса к СССР в 30-е гг. говорят следующие факты. В 1931 г. британское радиовещание организовало серию из восьми передач «Россия в плавильном котле». Выступали инженеры, педагоги, экономисты, побывавшие в СССР. Речь шла о быте, сельском хозяйстве, транспорте. образовании, пятилетнем плане и т.д. В этих передачах принял участие Г.Дж.Уэллс[14]. Только в 1933 г. в Англии вышло 12 исследований о Советской России; в 1934-36 гг. к ним добавились книги Г.Ласки и Д.Н.Притта о советской юстиции, Г.Крэга и Х.Картера о советском театре, Дж.Краутера о советской науке, Б.Кинг об образовании в СССР, наконец, многочисленные книги очерков, основанных на личных впечатлениях[15].

Росту интереса к СССР способствовал целый ряд факторов. В течение нескольких лет Советский Союз пользовался популярностью не только среди либерального, но частично и среди консервативного истэблишмента. По словам молодого члена парламента от консервативной партии, будущего премьер-министра Великобритании в 1957-1963 гг., Г.Макмиллана, побывавшего в СССР в 1932 г., в то время «многие британцы начинали интересоваться, не является ли, после всего, режим, который установился на значительной части мировой территории, заслуживающим внимательного и, по возможности, объективного изучения»[16]. Кстати, после этой поездки Г.Макмиллан, представлявший левое крыло партии,

некоторое время рассматривался в ВОКС как перспективный объект для дальнейшего расширения контактов. Его даже планировали вновь пригласить в СССР в 1936 г. за счет ВОКС. Сотрудники Англо-американского отдела справедливо расценивали его как весьма перспективного политика[17]. С другой стороны, леди Астор, член парламента от консервативной партии, хозяйка «кливлендского салона» и впоследствии, во второй половине 30-х гг., одна из главных сторонниц политики «умиротворения» гитлеровской Германии, в 1931 г. вместе с Б.Шоу посетила СССР, встретилась со Сталиным и даже впоследствии рассказывала, что «убедила» Сталина в скором приходе Англии к коммунизму[18]. После этого она некоторое время в парламенте выступала с заявлениями, направленными на защиту СССР.

Вообще сталинский «великий перелом» был, как ни странно, встречен в Британии скорее сочувственно – его рассматривали как постепенный отход от революционных принципов, своеобразный «термидор». «Социализм» в одной стране воспринимался как меньшее зло по сравнению с курсом на мировую революцию; Сталина предпочитали Троцкому. Те, кто побывал в СССР в середине 30-х гг., отмечали повышение жизненного уровня по сравнению с 20-ми гг. или началом десятилетия. Видный славист Б.Пэрс, прекрасно знавший царскую Россию, впервые посетил СССР в 1935 г. и сделал вывод, что «сталинское предпочтение практической работы абсолютной теории привело к хорошим результатам»[19]. По мнению работников ВОКС, изменение его настроений объяснялось «тем, что он убедился в силе и мощности Советского Союза и решил, что ориентация на сгнившую белоэмиграцию ему не выгодна. Он, очевидно, понял, что интерес к СССР в Англии растет и для того, чтобы продолжать свою работу по внедрению русского языка, ему надо «подружиться» с Советским Союзом»[20].

Этот вполне объяснимый интерес к СССР сопровождался появлением некоторых иллюзий даже у части консерваторов. В их понимании многие советские реформы, в том числе коллективизация, представали как иногда жестокие, но необходимые и в целом успешные. Была довольно распространена точка зрения о прекращении в СССР «революционных эксцессов» и даже о «росте демократии». Признаки этого

находили в преобразовании ГПУ в НКВД, в назначении нового генерального прокурора СССР, в отдельных указах или постановлениях, наконец, в разработке и принятии конституции 1936 г.[21]

Кроме того, часть британского истэблишмента видела в СССР возможного союзника против гитлеровской агрессии. Сталинский режим, занятый собственными проблемами, казался реальным противовесом гитлеровскому, стремившемуся к ревизии Версальской системы. Важно отметить, что такие настроения существовали не только в политических кругах, но и среди влиятельной культурной элиты.

Если для консервативно настроенной интеллигенции рост интереса к СССР определялся в первую очередь прагматическими соображениями, то либеральная и тем более леворадикальная интеллигенция стремилась найти в нем прообраз «новой цивилизации». 1920-30-е гг. на Западе были временем поиска альтернатив привычному порядку, который оказался потрясенным сначала мировой войной, а потом мировым кризисом. В условиях социальной нестабильности возникало искушение найти простой ответ на сложные вопросы.

Этот поиск порой заводил слишком далеко; известно, что в 1927 г. Б.Шоу, побывав в Италии, с восторгом отозвался о Муссолини и его режиме, заявив, что «диктатура Муссолини намного превосходит демократию, как она применяется в Англии»[22]. Можно предположить, что он стремился шокировать слушателей, возможно, присутствовал здесь и элемент саморекламы, и все же факт остается фактом. Среди британской интеллигенции были поклонники и немецкого «нового порядка».

Тем не менее, как отмечал американский исследователь П.Холландер, именно «советский пример предлагал наиболее многообещающую альтернативу экономическому и социальному хаосу... Восхищение советской системой достигло апогея не тогда, когда ее достижения были самыми впечатляющими или политика наиболее гуманной, но тогда, когда по западному миру ударил серьезный экономический кризис, что способствовало созданию представления о Советском Союзе как острове стабильности, порядка, экономической рациональности и социальной справедливости»[23].

Но интерес, формировавшийся у западных, в том числе английских, партнеров, еще надо было использовать, а для этого, во-первых, требовалось содействовать формированию у приезжих иностранцев позитивного образа страны, во-вторых, обеспечить пропагандистское использование этого образа. И то и другое советская культурная дипломатия делала достаточно эффективно.

П.Холландер даже ввел новое понятие – «технология гостеприимства». По его мнению, в СССР (а позднее и в других странах) использовались следующие способы «обработки иностранцев»: высокий уровень их обслуживания (проживание, питание, транспорт), стремление подчеркнуть их значимость (демонстрация знакомства с творчеством данного гостя, торжественные встречи, беседы с лидерами страны и т.д.), изоляция от повседневной жизни и общения с гражданами СССР, подбор специальных маршрутов и объектов показа при жестком расписании времени, наконец, создание «инсценировок», в том числе подготовка «групп населения» или даже специальный завоз продуктов в магазины или столовые[24].

Широкий прием иностранных туристов начался в 1934 г. К нему основательно готовились – ремонтировали гостиницы и рестораны, закупали мебель, автомобили и др. Открыли курсы гидов, где, помимо прочего, проводили «специальные политические инструктажи, рекомендовавшие приемы, какими можно создать у заморских гостей благоприятное представление о «советском образе жизни»[25]. В ВОКСе в 1935 г. был создан специальный отдел по обслуживанию иностранцев, в функции которого входил подбор так называемых «объектов показа», способных «дать правильное представление иностранцам о подлинном содержании и объеме победоносного строительства в СССР во всех важнейших областях»[26].

Характерно следующее рекомендательное письмо, выданное летом 1936 г. уполномоченным ВОКС в Англии С.Виноградовым английской писательнице, которая «будет писать книгу на тему о том, что в Советском Союзе жить стало радостно и весело. Прошу оказать ей необходимое содействие и ***включить в ее программу осмотр таких объектов, которые соответствовали бы целям ее книги*** (*курсив мой – А.Г.*)»[27].

Было бы, конечно, явным упрощением объяснять благоприятные впечатления, которые возникали у англичан, посетивших СССР, лишь результатом советской культурной дипломатии. Большое значение имел интерес к классической и современной русской культуре, существовавший в Англии. В 20-е гг. левую интеллигенцию Великобритании привлекал прежде всего революционный авангард — в живописи, архитектуре, театре, кинематографе. В 30-е гг. в советском обществе многое изменилось, и теперь в качестве средства привлечения внимания стала использоваться классическая культура. Постоянно и не без успеха демонстрировалось бережное отношение к классическому наследию, в том числе английскому, его широкое использование для просвещения масс, что вызывало в Англии искреннее одобрение. Возникали даже явные курьезы: несмотря на протесты Лондонского Общества культурных связей с СССР, ВОКС постоянно пополнял его библиотеку новыми советскими изданиями Шекспира, Диккенса, других английских писателей. Зачастую русская классическая культура служила средством пропаганды культуры советской; так, в программу концертов русской музыки, привлекавших неизменное внимание английской публики, включались произведения советских композиторов[28].

На английских гостей производили впечатление масштабы государственного финансирования культуры и науки в СССР. Экономическое положение Великобритании в те годы оставляло желать лучшего, что не могло не сказаться на положении деятелей культуры. Наконец, многие реальные достижения СССР в социально-экономической области также вызывали уважение. Но это — тема для отдельного разговора.

Полученные таким образом позитивные впечатления и отклики широко использовались в советской пропаганде и внутри страны, и за рубежом. Ярким примером явилась кампания, направленная на опровержение появившихся на Западе в начале 1930-х гг. сообщений о голоде в СССР.

Известен пропагандистский эффект от поездки в 1931 г. по Советскому Союзу Б.Шоу, в ходе которой он горячо опровергал информацию о голоде. Летом 1933 г. на Украине побывал ведущий английский специалист по сельскому хо-

зяйству Дж.Мэйнард (ранее занимавший высокий пост в Индии), автор книги о русской советской деревне. Он также писал, что западные утверждения о страшном бедствии необоснованы[29]. С.Уэбб после посещения в 1934 г. двух показательных колхозов заявил: «Какой гнусностью представляется после этого распространение легенды о голоде и нищете в СССР»[30].

Не менее полезными для советской пропаганды оказывались и общие оценки положения в Советском Союзе, особенно высказанные людьми, чья честность и компетентность не вызывали сомнений. Сдержанно, но все же в целом положительно оценивал ситуацию в СССР вторично посетивший его в 1934 г. Г.Дж.Уэллс, который видел в строительстве социализма реализацию некоторых своих собственных предвидений. Но особенно важную роль в создании образа СССР как «новой цивилизации» сыграли супруги Сидней и Беатриса Уэбб, которые – пользуясь в основном материалами ВОКС и советского полпредства в Англии – в 1935 г. выпустили двухтомный труд под названием «Советский коммунизм – новая цивилизация?», который, по оценке И.М.Майского, «представлял собой умную и доходчивую до европейской публики защиту советского строя в нашей стране»[31].

Конечно, были и другие примеры. Так, видный деятель лейбористской партии, бывший министр Т.Джонсон, будучи в Москве в 1934 г., посещал частные квартиры, где беседовал с жильцами о бюджете, питании и проч., причем «в результате этих обывательских разговоров у мистера Джонсона получилось впечатление, что материальное благосостояние населения находится на довольно низком уровне»,- отметил сотрудник ВОКС[32]. Доктора Доббс и Рассел, посетившие в 1936 г. московский институт Охраны материнства и младенчества, не просто требовали показать статистические данные обследования советских детей, но, по свидетельству переводчика, буквально вырывали листки с цифрами из рук, пытались без разрешения делать выписки из журнала анализов и т.д. Причина подобного поведения была проста: английских медиков поразила бледность детей, встреченных ими на улицах Москвы[33]. И тем не менее общие результаты советской культурной дипломатии были довольно впечатляющими.

Косвенным признанием этого можно считать создание в 1935 г. в Англии особой организации для пропаганды английской культуры за рубежом – Британского Совета. Совет, работавший под контролем Форин оффис, использовал опыт советской культурной дипломатии. Он ставил своей задачей распространение в мире знания английского языка и литературы, исскуства, образования, других сторон английской жизни, чтобы таким образом добиться улучшения образа Великобритании.

Как уже говорилось культурная дипломатия использовалась также в качестве неформального канала политического диалога. Этот вопрос требует специального изучения. Но известно, например, что вышеупомянутый сэр Б.Пэрс, по его собственным словам, содействовал организации переговоров между английским правительством и СССР в 1939 г[34].

В настоящий момент очень мало конкретных данных о связи между советской культурной дипломатией и разведкой, но связь такая, несомненно, была. Во-первых, и ВОКС, и другие подобные учреждения собирали информацию о «перспективных иностранцах», а те, в свою очередь под влиянием и советской действительности, и советской пропаганды иногда давали согласие сотрудничать с советской разведкой. Например, в 1935 г. будущий личный советник Елизаветы II Э.Блант посетил СССР по линии «Интуриста», и на него произвели впечатление масштабы строительства в Москве, система бесплатного образования, многое в советском искусстве. Пребывание в СССР сделало его убежденным сторонником социалистического общества, и два года спустя Блант стал советским разведчиком[35].

Во-вторых, сама сеть советских культурных учреждений за рубежом использовалась порой для прикрытия разведывательной дейтельности. Известны случаи, когда уполномоченные ВОКС были одновременно резидентами НКВД[36].

Наивысшие успехи советской культурной дипломатии в отношении Великобритании относятся к середине 1930-х годов. В 1934 г. в документах ВОКС отмечалось «симпатично-дружелюбное» отношение к СССР и рост интересов к его достижениям, а в 1935 г. речь шла уже о «значительном переломе» в лучшую сторону[37]. Однако в 1937 г. наряду с

утверждением, что «интерес и симпатии к Советскому Союзу в Англии неуклонно растут», появились упоминания о том, что одновременно проводятся «периодические антисоветские кампании, поднимаемые не только консервативной, но и (даже главным образом) либеральной прессой. Последняя кампания была в связи с расстрелами троцкистско-шпионских банд...»[38]. Действительно, сообщения о терроре в СССР особенно сильно действовали на левую и либеральную интеллигенцию, искавшую в Советском Союзе зародыш «новой цивилизации». Консервативные круги, менее затронутые подобными иллюзиями, были обеспокоены массовыми репрессиями в армии, ослаблявшими потенциального союзника.

Однако не стоит преувеличивать негативное воздействие «московских процессов» на общественное мнение Великобритании. Наиболее убежденные «друзья Советского Союза» принимали официальную советскую версию происходящего и даже вслух отстаивали ее. Например, известный юрист Д.Н.Притт, в 1936 г. избранный председателем Лондонского Общества культурной связи с СССР, выступал с лекциями, в которых, отвечая «клеветникам», доказывал правомерность выносимых приговоров[39]. С другой стороны, для правых и консервативных кругов террор служил, по справедливому замечанию английского историка Дж.Хаслэма, лишь чем-то вроде алиби для их нежелания идти на сближение с СССР[40].

Как бы то ни было, еще в начале 1939 г. подавляющее большинство англичан выступало за военный союз с СССР. Лишь подписание советско-германского пакта о ненападении и советско-финская война резко изменили ситуацию. Если к началу 1939 г. за улучшение отношений с СССР выступало 84% опрошенных, то в марте 1940 г. 41% опрошенных допускал возможность войны с СССР в ближайшее время[41]. Даже рост симпатий к СССР в годы Отечественной войны не мог полностью компенсировать ущерб, который потерпел советский престиж в предвоенные годы. Политика Советского Союза в конце 40-х — начале 50-х годов еще больше усугубила ситуацию, и в период «холодной войны» лишь немногие представители британской интеллигенции продолжали считать себя друзьями СССР.

---

[1] *Barghoorn F.C.* The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton,1960. P.4.

[2] Документы внешней политики СССР. М.,1973. Т.XVIII. С.250-251.

[3] XVII съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М.,1934. С.307-310.

[4] *Майский И.М.* Б.Шоу и другие: Воспоминания. М.,1967. С.9-10.

[5] *Nemzer L.* The Soviet Friendship Societies // The Public Opinion Quarterly. 1949. Vol.13. № 2. P.274.

[6] См.: ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.3. Л.6-8.

[7] Правда. 11 ноября 1927.

[8] О его возникновении и начале деятельности см.: *Кузьмин М.С.* Английское Общество культурных связей с СССР // Вопросы истории. 1966. № 2. С.203-206.

[9] ГА РФ. Ф.5283. Оп.3. Д.577. Л.9; Оп.1. Д.358. Л.61.

[10] Там же. Оп.2. Д.311. Л.72об.

[11] Там же. Оп.3. Д.340. Л.45об.

[12] См. об этом: *Дементьева С.Н.* Английское общество культурного сближения с СССР и его роль в развитии советско-английских культурных связей (30-е гг. XX века) // Рабочий класс и элементы социалистической культуры в странах развитого капитализма. Пермь,1975. С.230-243.

[13] См. напр.: ГА РФ. Ф.5283. Оп.3. Д.602. Л.23,70.

[14] *Уэллс Г.Дж.* Россия во мгле. М.,1970. С.194.

[15] *Фадеева Л.А.* Очерки истории британской интеллигенции. Пермь,1995. С.146; ГА РФ. Ф.5283. Оп.3. Д.725. Л.65; Д.761. Л.114.

[16] Цит. по: *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. 1917-1989. L.,1990. P.118.

[17] ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.382. Л.97.

[18] *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата. 1925-1945. М.,1987. С.200.

[19] ГА РФ. Ф.5283. Оп.3. Д.728. Л.15.

[20] Там же. Д.1071. Л.42.

[21] См.об этом: *Crowl J.W.* Angels in Stalin's Paradise: Western Reporters in Soviet Russia, 1917 to 1937. Wash.,1982. P.184; *Pares B.* Moscow Admits a Critic. L.,1936. P.19-20.

[22] Майский И.М. Б.Шоу и другие... С.44.

[23] *Hollander P.* Political Pilgrims. Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China & Cuba. 1928-1978. N.Y.;Oxford, 1981. P.7,12.

[24] Ibid. P.347-399.

[25] *Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. М.,1993. С.177.

[26] ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.353. Л.32. Кстати, уже в 1935 г. ВОКС посетило 1314 иностранцев, в том числе 159 англичан. (Там же. Д.278. Л.86).

[27] Там же. Оп.3. Д.736. Л.19.

[28] Можно, впрочем, привести и другие примеры. В 1936 г. сорвалась организация выставки советской живописи, так как принимающая сторона потребовала включить в экспозицию картины старых русских мастеров (в том числе из коллекций эмигрантов). Заместитель председателя ВОКС Л.Д.Чернявский заявил по этому поводу, что цель и ВОКС, и английского Общества культурной связи с СССР состоит в том, чтобы «знакомить Англию прежде всего с достижениями советской культуры». См.: ГА РФ. Ф.5283. Оп.3. Д.738. Л.98.

[29] *Конквест Р.* Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 4. С.96.

[30] ГА РФ. Ф.5283. Оп.2. Д.311. Л.50.

[31] *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата... С.204.

[32] ГА РФ. Ф.5283. Оп.2. Д.311. Л.25-26.

[33] Там же. Оп.3. Д.727. Л.22.

[34] Там же. Д.1071. Л.1.

[35] *Попов В.* Советник королевы – агент Кремля // Совершенно секретно. 1995. № 5. С.6.

[36] ВОКС в 1930-1940-е годы // Минувшее: Исторический альманах. 14. М.;СПб.,1993. С.334.

[37] ГА РФ. Ф.5283. Оп.3. Д.274. Л.59-60; Оп.1. Д.278. Л.71.

[38] Там же. Оп.3. Д.725. Л.38.

[39] Там же. Оп.1. Д.328. Л.36.

[40] *Haslam J.* The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933-39. L.,1984. P.140.

[41] *Wybrow R.J.* Britain Speaks Out. 1937-1987. L.,1989. P.6,11.

Пушкарев Л.Н.

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ЕВРОПЕЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Проблема «своих» и «чужих» – одна из важных составных частей менталитета любого общества на самых разных этапах его развития[1].

Различие «своего» и «чужого» возникает в сознании человека с того времени, как он начинает осознавать самого себя как индивидуума. С появлением и осознанием личности появляется и понимание «иного», окружающего эту личность. И это различие растет по мере роста того, что является «своим», личным: мать, семья, род, клан, сословие, государство, общество, языковая группа или религиозная общность – чем шире круг «своего», тем разнообразнее становится и обнимающий его круг «чужого».

При этом «свое» и «чужое» находятся в тесном взаимодействии. Нередко именно «чужое» становится своеобразным инструментом для познания и определения «своего». Как правило, «свое» часто становится в центр миропонимания, а «чужое» противопоставляется «своему» как нечто чуждое, даже как враждебное. И вот история взаимоотношения своих и чужих становится историей самопознания не только личности, но и народа (племени, клана, рода и т.д.), особенно на ранних стадиях развития человечества. Это легко проследить на примерах из истории самых различных времен и национальных образований.

Так, в античную эпоху для греков и римлян «чужим» был весь окружающий их мир, все народы, не входящие в их государственные образования. И все эти народы были и для древних греков, и для древних римлян «чужими», варварами. Показательно, что и друзья, и враги, принадлежавшие к «своим» (например, участники Троянской войны) – все рисуются только идеальными красками («Илиада» Гомера). В то же время, все «чужое» изображается наделенным отвратительными чертами. Вспомним образ Циклопа из «Одиссеи» Гомера: он не признает ни богов, ни законов, это чужак, исключенный из круга цивилизованных народов, а тем более – античных героев. Чужими для греков были все, кто был «негреком». Поэтому все описания жизни варваров, окружаю-

щих цивилизованный греческий мир, полны негативными характеристиками, удивлением перед их «варварскими» обычаями, так не вязавшимися с моральным кодексом античности[2].

Со временем контакты греков с окружавшими их народами привели к постепенному стиранию резкого противопоставления мира варваров их собственному устроению. Позже начали заключаться и браки между греками и варварами — отсюда и имя Варвара, первоначально обозначавшее женщину из варварского племени, чужеземку. Но и при росте брачных связей противопоставление античного мира «чужеземцам» сохранялось и не ослабело вплоть до средневековья. Мало того: все негреческое, «чужое» рассматривалось античными авторами и как «чуждое», а впоследствии, вдобавок ко всему, как враждебное.

Не только дикие и полудикие племена, окружавшие античный мир, но также и персы, и восточные народы вообще рассматривались греками как «чужие» и враждебные им. Не причисляя их к врагам, греки не могли все же признать их равными себе. Это особенно ярко проявилось во время греко-персидских походов Александра Македонского.

Равным образом и древние римляне рассматривали свою столицу как центр мира, которому сами боги предопределили господствовать над всем окружающим. Народы, не признававшие этого господства, принуждались к повиновению насильственно, а принимавшие его — включались в круг избранных (но не равных!) Конечно, со временем эта завоевательная политика превратилась в обычные торговые связи, в более или менее мирные взаимоотношения. Этому во многом способствовало христианство, которое не делало, как известно, различия между людьми разных национальностей: по христианскому вероучению все люди были равны перед Богом.

В эпоху эллинизма влияние чужеземной культуры на италийское (и прежде всего римское) искусство стало таким значительным, что греческие формы перестали уже в нем превалировать. Но, конечно, понимание «своего» и «чужого» продолжало существовать, принимая формы социального, культурного и прежде всего религиозного противопоставления.

Подобное явление мы наблюдаем и в европейском средневековье, когда чуждый Европе мир воспринимался как полный опасности и неизведанности. В средневековой европейской литературе мир варваров рисовался населенным

первобытными животными, громадными чудовищами, сказочными существами. В придворной средневековой литературе «чужое» трактовалось как дикое, необузданное, поживотному низкое, противостоящее высоко духовно организованному христианскому миру[3]. В раннем средневековье мужчины из незнакомых еще Европе земель (Африки, Азии) изображались с гигантскими слоновьими ушами, а женщины – с уродливыми мешкообразными грудями, и т.д. Нередко эти «чужие» народы рассматривались как потомство Каина, несущее на себе следы первородного греха.

Показательно, что, например, в немецком языке до XVI в. для обозначения иноземца употреблялся только термин «***Fremde***» («Чужак») – отсюда глагол «***entfremden***» – отвергать. Лишь в XVI в. появился термин «***unbekannt***» – «незнакомый», «неизвестный» и «***Ausländer***» – «иностранец». Позднее европейские народы стали вступать в контакт с неведомыми ранее землями и людьми, но при этом в европейском сознании настоящими людьми считались только европейцы, а, скажем, сарацины, мавры, турки – оставались чужаками, тем более, что все они были мусульмане. Чужими были все нехристиане. Это особенно отчетливо выявилось во время крестовых походов.

Долгое время представления о незнаемых землях и народах не выходили за рамки Библии. Прорыв произошел только после путешествия Марко Поло (1254-1324 гг.), когда христианская космология получила первый впечатляющий удар. Расширив географические горизонты эпохи, М.Поло не изменил, тем не менее, традиционных представлений европейцев о чужеземном мире. Недаром многие современники считали М.Поло лжецом и обманщиком.

Немалую роль в знакомстве европейцев с «чужим» миром сыграли пилигримы – их путешествия в Палестину особенно участились в XIV-XV вв. Но и они не изменили понятия «чужого» в европейском менталитете. Надо заметить, что усиление экспансии Турции в Европу в XV в. лишь увеличило негативное восприятие мусульманских чужаков. После разделения церквей на западную и восточную, Византия стала восприниматься тоже как «чужая» страна, хотя и принадлежащая к христианскому миру, но некатолическая, и потому чуждая католической Западной Европе. С падением Константинополя в 1453 г. и окончательным прекращением существования отпочковавшейся от Римской империи Визан-

тии изменилось во многом и само понимание в Европе «своего» и «чужого». Ранее, в период античности, да и в средневековье, «чужими» были прежде всего народы, угрожавшие самому существованию европейских государств — скифы, персы, киммерийцы, арабы, гунны, авары, турки, татары, монголы и т.д. В Новое же время наряду с образами иностранных чужаков-иноплеменников в менталитете европейского общества начали формироваться представления о «чужих» народах, давно уже живших в Европе.

Турецкая экспансия в Европу в XVI в. стала рассматриваться то как божье наказание за прегрешения общества, то как своеобразный катализатор необходимых реформ в позднесредневековом обществе[4]. Одновременно с этим, большой интерес вызвали турецкие нравы и обычаи, столь не похожие на европейские. Распространилась мода на все турецкое: кофе и халаты, чалмы и фески. Одалиски и гаремы стали темой литературы и музыки: Гете («Западно-Европейский диван») и Моцарт («Похищение из сераля»). И только к XIX в. Турция — и в политическом, и в культурном смысле — потеряла прежний экзотический облик. Она оставалась, правда, видной и заметной силой в европейской политике, но уже после второй мировой войны Турция превратилась в поставщика рабочих рук в Европу. Турки в общественном сознании европейцев стали восприниматься не как враги, а как непрошеные гости, причем чужеземные. И если раньше образ турка в менталитете европейца не был лишен привлекательных черт экзотического восточного чужестранца, то в наши дни турки воспринимаются в Европе (наряду с африканскими и азиатскими беженцами и восточноевропейскими безработными) как претенденты на рабочие места, как чужие и чуждые рафинированной европейской культуре люди[5].

Такими же «чужими» издавна считались в Европе и евреи, жившие на континенте. Гонения на них начались с 1492 г., когда их вместе с мусульманами-морисками начали принуждать к перекрещиванию в христианскую веру — либо изгоняли из страны. Судьба евреев всегда была трудной в средние века, но все же не такой жестокой, как в Новое время[6]. Антисемитизм достиг своего высшего развития перед Реформацией, в том числе и в деятельности Мартина Лютера[7]. В разных странах евреи жили по-разному, но везде их воспринимали как «чужих», как «людей с потерянной родиной» — и в лучшем случае терпели по нужде, по необходи-

мости, до поры до времени. После того, как турки захватили Палестину и Египет (в 1517 г.), судьба евреев еще более осложнилась. Европа практически закрыла свои границы и порты для еврейских беженцев из Палестины. Англия, Франция, Сицилия, Неаполь, Дания, Швеция и Норвегия вообще запретили евреям въезд в их страны, и только Польша и Богемия согласились принять их.

В результате была полностью ликвидирована многовековая традиция иудейской культуры в Испании. А евреи продолжали прибывать в Европу. Масса польских евреев устремилась в Германию после казацко-польской войны 1648-1654 гг. Новые преследования претерпели евреи в Испании и Австрии. Только Великая Французская революция 1789 г. провозгласила полное равноправие иудеев, но затем преследования еврейского народа возобновились с новой силой.

Хотя в XIX в. признание равноправия евреев в большинстве стран и стало законодательно закрепленным, их продолжали считать чужаками. Антисемитизм не исчез (пример тому – всем известное дело Дрейфуса). В 1881 г. из России многие сотни тысяч евреев эмигрировали в Америку, Германию, Палестину и Южную Африку. Общеизвестны трагические, осужденные мировым сообществом факты массового уничтожения евреев при Гитлере. Говорить о полном преодолении антисемитизма в наши дни еще рано, во всех европейских странах продолжает существовать в сознании многих европейцев образ хитрого еврея, живущего за счет обмана окружающих. Предубеждение и даже страх перед стойкостью и сплоченностью еврейской общины практически не изменились со времен средневековья, хотя во всех европейских странах официально провозглашается лояльное отношение к еврейской нации[8].

Есть еще один народ в Европе, который издавна воспринимался европейским менталитетом как «чуждый» и «чужой» – это цыгане. Они известны в Европе с 1322 г., как выходцы из далекой и экзотической Индии: именно в это время два францисканских монаха сообщили об их существовании. К XIX в. цыгане достигли Балкан, освоили территорию Молдавии и Венгрии, с 1415 г. они известны в Германии. Жизнь и быт цыган не соответствовали нормам и привычкам европейцев, цыгане возбуждали к себе недоверие. Степенных европейцев возмущало неприятие оседлого образа жизни и нежелание принять католичество. Особую неприязнь ощу-

щали к ним во Франции, Голландии, Дании. Неоднократно цыган изгоняли из той или иной страны[9], приписывая им то ритуальные убийства, то разгульные и непристойные половые связи. Их пытались насильно принудить к оседлости — все было тщетно. Цыгане оставались цыганами.

Но было и другое: в XIX в. появилась мода на цыган и все цыганское: музыку, песни, танцы, одежду... Цыгане стали непременным атрибутом эстрады и оперетты — вспомним, хотя бы, «Цыганского барона» с его многочисленными женами... Но все это не привело к изменению в восприятии образа цыган: они по-прежнему оставались чуждыми для европейского менталитета. Преследования цыган при нацизме были ужасающими. В одном только лагере Аушвиц (Освенциме) было уничтожено несколько сотен тысяч цыган[10].

Правда, в 1981 г. состоялся Третий Конгресс романских народов, попытавшийся упорядочить отношения между европейцами и цыганами, но больших практических результатов этот конгресс не дал. В настоящее время только в Испании и Уэльсе цыгане живут без особых притеснений, в остальных же странах европейцы по-прежнему считают цыган в массе своей ворами, конокрадами, попрошайками, нахлебниками, лентяями.

Все, сказанное выше, доказывает, что понятия «своего» и «чужого» в европейском менталитете до XX в. различались чаще всего по вероисповедальному, национальному, либо территориальному признакам. После же 1917 г. разделение на своих и чужих пошло уже по классовому принципу. «Чужим» для Европы стал мир социализма, постоянно угрожавший «разрушить до основания» мир капитала, устоявшуюся и привычную для населения Западной Европы форму существования. Это и привело к резкому разделению двух миров («Два мира — две системы»), к росту вооружений, к подготовке «последнего и решающего» боя с капиталом.

А вот после Второй Мировой войны в Европе возник совершенно новый образ «чужака», на этот раз внеземного происхождения. В результате развития научно-технической мысли, астронавтики и телевидения, в менталитете европейцев и американцев начал бытовать образ врага-инопланетянина, несущего угрозу самому существованию землян и земной цивилизации. В связи с этим «своим» стало осознаваться все земное, без различия стран и народов, противопоставляемое внешнему враждебному нашествию инопланетян.

Экраны кино и телевизоров заполнили киберы и киборги, люди-машины, роботы и зомби. Со страниц бульварной литературы хлынули леденящие душу описания звездных войн, уничтожения цивилизации. Правда, этот в значительной степени надуманный литературный образ пришельца-инопланетянина мало что изменил в менталитете европейца; и в западной, и в советской литературе появилась тема дружеского общения с жителями других планет. По-прежнему в европейском менталитете шло разделение на «своих» и «чужих» и по классовому, и по территориальному признакам. До самого последнего времени СССР воспринимался на Западе как «империя Зла» (Р.Рейган) – и все это вело к непрекращающейся гонке вооружений, к ожиданию скорой и неизбежной атомной войны. Даже сейчас, когда угроза атомной войны сильно уменьшилась, в Европе продолжает бытовать образ чужака-пришельца, и в результате – попытки изгнания и даже физического уничтожения беженцев, азиатов и африканцев. К ним прибавились еще и жители восточноевропейских, в недавнем прошлом социалистических стран. И хотя отношение к ним существенно изменилось по сравнению с прошлым, все же понятие «чужого», неевропейского сохранилось и по сей день. Проблема эта усиленно обсуждается в научной литературе Запада[11].

Рассмотрев в самых общих чертах соотношение «своего» и «чужого» как одну из важнейших проблем европейского менталитета, обратимся теперь к России, и сразу же отметим, что процессы и там и здесь были схожими. Понятие «свой» и «чужой» издавна были присущи и русскому народу. Уже в «Повести Временных лет» «кроткий и тихий» обычай полян (то есть «своих») был противопоставлен «звериному обычаю» древлян (то есть «чужих»): они «жили по-скотски, убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало...” Равным образом и радимичи, вятичи, северяне (тоже «чужие!») «жили в лесу, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах»[12]. В дальнейшем, как и в Европе, русские воспользовались образом «чужого» при обрисовке захватчиков – монголов и татар. Негативными чертами наделялись все враги Русского государства. Яркий пример тому – образ Марины Мнишек в народном творчестве, которое не смогло простить польской паненке нарушения русского обычая не париться в бане в великий пост. Понятия «свой» и «чужой» стали особенно резко различаться в России

в XVII – начале XVIII в., когда с таким трудом приживались в России вводимые кнутом и кулаком новые западноевропейские нормы поведения, моды и обычаи. Традиционная Русь твердо держалась за свои бороды и кафтаны. В кондовом русском быту даже обучение западноевропейским языкам осуждалось. Так, в школьных прописях XVII в. говорилось, что потребна не мудрость, а христианская кротость, не философия, а закон божий: «Аще кто тя вопросит – веси ли всю философию? Ты же ему противо того отвещай: учимся буквам, еллинских же борзостей не текох, риторских астрономов не читах, ни с мудрыми философы в беседах не бывах, философию же ниже очима видех. Учуся книгам благодатного закона, аще бы мощно моя грешная душа очистити от грех!»[13]

Правда, в XVIII в. придворное общество России довольно быстро восприняло западные моды и обычаи, нормы жизни и особенно поведения. Для дворян главным была родовитость, а не национальность, не пришлость. Дело облегчалось еще и тем, что лишь треть высшего чиновничества была русского происхождения, тогда как 25% – западноевропейского, 24% были выходцами из Польши и Литвы и 17% – татары[14]. И неудивительно, что нашлись ярые приверженцы западноевропейского образа жизни, которые сочли возможным даже отказаться от всего русского, народного, почитая его за «подлое», мужицкое... Появилась англомания, увлечение французскими модами и Западом вообще.

Но все это относилось лишь к небольшой части высшего общества. Налицо была и другая тенденция – органическое усвоение бывшими иностранцами русской культуры. Яркий пример тому русский драматург с иностранной фамилией Фонвизин. Большая часть русского общества – крестьянство, купечество, мещанство, провинциальное дворянство, и, главное, интеллигенция – резко осуждали это безумное увлечение Западом. Осудили и призвали к отказу от Запада и к возрождению исконных русских начал. Но ощутимых результатов это не дало. Запад по-прежнему был привлекательным: ведь именно оттуда шли не только моды и духи, кринолины и цилиндры, но и новые передовые идеи и понятия. Изоляция от Запада, искусственное утверждение исконного «русского духа» было чревато глубоким отставанием от всемирно-исторического процесса. И противопоставление «своего» и «чужого» продолжало существовать в менталитете

русского общества XIX-XX вв. Возникала формула «православие, самодержавие, народность», разгоралась борьба славянофилов с западниками, возникали псевдорусские архитектурные формы... При этом «свое» критиковать считалось непатриотичным и неприличным, а «чужое» по-старинке воспринималось с недоверием и подозрением.

Мало что изменилось в этом плане и после 1917 г., только «своим» стало считаться не русское, а советское. Уже в 1918 г. А.Блок противопоставил старой Европе новую революционную Россию: «Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, с раскосыми и жадными очами!» Закрытие в дальнейшем границ с Западом, отсутствие духовных контактов привело практически к полной изоляции двух миров. Новый всплеск утверждения «своего» пал на годы Великой Отечественной войны, когда защита Отечества вновь заставила вспомнить о национальных корнях нашей культуры. Пропаганда советского (как «своего») продолжалась и в послевоенный период, когда так популярны были лозунги «Советское — значит отличное!», когда «простой советский человек» сдвигал высокие горы и менял течение рек, не думая при этом о возможных экологических последствиях. Все, что было несоветским, объявлялось правительственной идеологией «чуждым». Во всех "домах партийного просвещения" висели карты мира, на которых красной краской были залиты территории СССР, Китая и других стран социалистической ориентации, и этой краски было так много, что она забивала все остальные капиталистические, развивающиеся и неприсоединившиеся страны. Казалось, что очень скоро весь земной шар станет красным...

Но вот на очередном витке исторического процесса распался СССР, потеряла свое главенствующее значение КПСС, настала эпоха плюрализма, появились резкие перемены в оценке «своего» и «чужого». Бывшие классовые враги стали если не друзьями, то партнерами. «Все смешалось в доме Облонских», и нам всем предстоит еще заново понять и определить, где «свои», а где «чужие». Поэтому так важно сейчас понять и оценить пути проникновения «чужого» в «свою» культуру: именно в области культуры легче всего усваивается «чужое», и часто приходится потом спохватываться, что мы сами допустили это засилье «чужого» в ущерб «своему». Поэтому все оценки «чужого» и «своего» надо сделать трезво и не спеша, без гнева и пристрастия,

sine ira et studio, как требовал римский историк. При этом существенно и даже необходимо учесть исторический опыт взаимоотношений России со странами Запада. Нам нужно заново оценить проблему национального самосознания — время появления этого чувства, слои, в которых оно зародилось, его способность противостоять «чужому», формы утверждения «своего» в борьбе с иноземными влияниями, роль интеллигенции в выработке национального самосознания, и многое другое. Поэтому так важен и актуален данный вопрос в наши дни, когда отношение Запада к нам и наше восприятие Запада приобретают (употреблю новый популярный термин) судьбоносное значение.

Понятия «свой» и «чужой» сильно изменились в наши дни[15]. Порою трудно разобраться, «левая, правая где сторона...» Советские эмигранты 1917-1991 гг. — кто они — свои или чужие? Русская интеллигенция, наши с вами друзья и товарищи, покидающие по известным нам всем причинам Родину и уезжающие на Запад сейчас, в наши дни — они кто: уже чужие нам или все еще свои? А пресловутые чеченцы — они свои или чужие? Налицо, как сказал поэт, «чужих людей соединенность и разобщенность близких душ». Поэт хотел бы, чтобы «кто-нибудь» со стороны пришел и нарушил бы это неестественное состояние. Но мы-то хорошо понимаем, что никто, кроме нас самих, не станет и не сможет это сделать. Ни Бог, ни царь и ни герой.

Поэтому российские историки, изучающие историю взаимоотношений России и Запада, могут и должны сделать весомый вклад в решение этой проблемы, имеющей не только научное, но и жизненно важное для всего нашего народа значение. Будущее — я убежден! — покажет, что Россия сможет стать равной среди равных в современном мире, в новом, международном сообществе, не противопоставляющем Запад Востоку, а совместно строящем новое цивилизованное общество на планете Земля.

---

[1] Литература по менталитету огромна и труднообозрима. См. последний обобщающий труд на эту тему и отклики на него в нашей печати: *Dinzelbacher P. (Hg).* Europaische Mentali-tatsgeschichte. Stuttgart,1993. Рецензия Л.Н.Пушкарева на эту книгу в: Вопросы истории. 1995. № 8. С.167-169. См. также: *Пушкарев Л.Н.* Что такое менталитет? Историографические заметки //

Отечественная история. 1995. № 3. С.158-166; Mentalitäten im Mittelalter: methodische und inhaltliche Probleme. Sigmaringen,1987; Mentalitätet und Alltag im Spatmittelalter. Göttingen,1985; Mentalitäten und Lebensverhältnisse: Beispile aus der Sozialgeschichte der Neuzeit: Rudolf Vierhaus zum 60. Geburtstag. Göttingen,1982.

[2] См.: *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб.,1893-1906. Т.1-2; *Pohlenz M.* Herodot, der erste Geshichtsschreiber des Abendlandes. Leipzig;Berlin,1937.

[3] См. об этом подробнее: *Brall H.* Imaginationen des Fremden: Zu Formen und Dynamik kultureller Indentitäts-findung in der Höfischen Dichtung // *G.Kaiser (Hrsg.)* An den Grenzen Höfischer Kultur: Anfechtungen der Lebensordnung in der deutschen Erzähldichtung des hohen Mittelalters. München,1991. S.133.

[4] Schulze W. Reich und Türkengefahr in späten 16. Jahrhundert. München,1978. S.66.

[5] *Thum B.* Orient-Fremde als kulturelles Erbe Europas im Medium der deutschen Literatur // Zeitschrift für Kulturaustauch. 1991. B.41. S.35-41

[6] *Strauch G.L.* Ducus Horant. Wanderer zwischen zwei Welten. Amsterdam; Atalanta, 1990. S.49 ff.

[7] *Bienert W.* Martin Luther und die Juden. Franfkurt,1982.

[8] *Strauss H.A., Kampe H. (Hrsg.)* Antisemitismus: Von der Judenfeindschaft zum Holocaust. Bonn,1985.

[9] *Bloch J.* Les tsiganes. Paris,1953; Liégois. Gypsis. L.,1986.

[10] *Döring H.-J.* Die Zigeuner im nationalsocialistischen Staat. Hamburg,1964.

[11] *Wierlacher.* Das Fremde und das Eigene. Berlin,1992.

[12] Повесть Временных лет. М.-Л.,1950. Т.1. С.211.

[13] *Ключевский В.О.* Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. // *Ключевский В.О.* Очерки и речи: Второй сборник статей. Пг.,1918. С.408-409.

[14] *Amburger E.* Geschichte der Behordenorganisation Russlands von Peter der Grossen bis 1917. Leiden,1966. S.502, 516-519; *Хоскинг Дж.* Великое, но рухнувшее прошлое? // Родина, 1995. № 1. С.38-41.

[15] *Аннинский Л.А.* Скажи мне, кто «чужак»... // Родина, 1995. № 1. С.49.

Основные сокращения

АВП РИ – Архив внешней политики Российской империи
БАН – Библиотека Российской Академии наук
ГА РФ – Государственный архив РФ
ГИМ – Государственный исторический музей
ИРЛИ РАН – Институт русской литературы РАН
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ППС – Православный Палестинский сборник
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ – Российская государственная библиотека
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РНБ – Российская народная библиотека
РФВ – Русский филологический вестник
РЦХИДНИ – Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СПбф ААН – Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук
ЦНА Украины – Центральный научный архив Украины
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских

Сведения об авторах

- Агеева Ольга Гениевна – *кандидат исторических наук, научный сотрудник ИРИ РАН*
- Балошина Наталья Юрьевна – *научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН*
- Богданов Андрей Петрович – *доктор исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН*
- Бойко Татьяна Владимировна – *кандидат исторических наук, научный сотрудник ИРИ РАН*
- Большакова Алла Юрьевна – *кандидат филологических наук, научный сотрудник Института мировой литературы РАН*
- Голубев Александр Владимирович – *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН*
- Долгих Елена Валерьевна – *кандидат исторических наук, старший лаборант МГУ*
- Заиченко Ольга Викторовна – *научный сотрудник ИВИ РАН*
- Игрицкий Юрий Иванович – *кандидат исторических наук, заведующий сектором ИНИОН РАН*
- Кандаурова Татьяна Николаевна – *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института культурологии*
- Козлов Сергей Александрович – *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН*
- Кудюкина Мария Михайловна – *старший научный сотрудник Института национальных проблем образования МОПО РФ*
- Куприянов Александр Иванович – *кандидат исторических наук, научный сотрудник ИРИ РАН*
- Малето Елена Ивановна – *кандидат исторических наук, научный сотрудник ИРИ РАН*
- Морозова Людмила Евгеньевна – *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН*
- Невежин Владимир Александрович – *кандидат исторических наук, научный сотрудник ИРИ РАН*
- Орлов Александр Анатольевич – *аспирант исторического факультета Московского государственного Открытого педагогического университета*
- Портнов Леонид Олегович – *сотрудник библиотеки МГУ*
- Пушкарев Лев Никитич – *доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН*
- Сенявская Елена Спартаковна – *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН*
- Сергеев Евгений Юрьевич – *кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВИ РАН*
- Торбаков Игорь Борисович

Содержание

Голубев А.В. Предисловие 3

I. Образ «иного» в России

Малето Е.И. Зарубежный Восток в восприятии русских путешественников XII-XV вв. (по материалам хождений) 6

Морозова Л.Е. Образ «чужого» в представлении людей Смутного времени начала XVII века 22

Куприянов А.И. Поляки в представлениях русских (1760-1860-е гг.) 31

Долгих Е.В. Восприятие внешнего мира представителями административной элиты николаевского времени (М.А.Корф, Д.Н.Блудов) 41

Козлов С.А. Голландия в российской печати первой половины XIX в. 50

Кудюкина М.М. Запад в представлении российского крестьянства в конце 1920-х годов 60

Невежин В.А. Польша в советской пропаганде 1939-1941 гг. 69

Сенявская Е.С. Исламское общество Афганистана глазами воинов-«афганцев» 89

II. Россия и русские: взгляд извне

Портнов Л.О. Иностранцы об исторической памяти московитов (по материалам сочинений путешественников второй половины XVII века) 101

Агеева О.Г. Восприятие русского зодчества петровской эпохи западноевропейскими дипломатами 112

Кандаурова Т.Н. Институт военных поселений в оценках иностранцев: социокультурный аспект 130

Сергеев Е.Ю. Образ России и русских в общественном мнении США (август 1914-февраль 1917 г.) .. 149

Большакова А.Ю. Игровая природа русского менталитета в англо-американском восприятии (к проблеме русско-западных ментальных схождений) 162

Игрицкий Ю.И. Россия и Запад: корни стереотипов..... 177

III. Взаимовлияние и взаимопроникновение культур

Богданов А.П. Русь и Вселенная в период формирования имперской концепции (последняя четверть XVII в.) 185

Балошина Н.Ю. Значение немецкой ментальности в становлении понятия «наука» в России 207

Орлов А.А. Русские и англичане друг о друге (1787-1815) 216

Торбаков И.Б. Белинский и Струве: российские «Аннибалы либерализма» и украинский вопрос 230

Заиченко О.В. Образ России и формирование национального самосознания в Германии 241

Бойко Т.В. Опыт развития западной культуры и Россия в представлениях российских либералов конца XIX – начала XX века 249

Голубев А.В. Интеллигенция Великобритании и «новая цивилизация» (из истории советской культурной дипломатии 1930-х гг.) 258

Пушкарев Л.Н. «Свое» и «чужое» как одна из проблем европейского менталитета 273

Основные сокращения 284

Сведения об авторах 285